

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

КЪ ГАЗЕТЪ

НОВОЕ ВРЕМЯ

ЗА НОЯБРЬ 1915 ГОДА

Мусба

НОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

№ 14247

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 7-го (20-го) НОЯБРЯ 1915 ГОДА.

№ 14247

НЪ ГОДОВЩИНЪ СМЕРТИ Л. Н. ТОЛСТОГО.

Л. Н. ТОЛСТОЙ на прогулкѣ. — «Мѣсто, гдѣ зарыта зеленая палочка». На этой палочкѣ, — по дѣтскому разсказу старца о братѣ Л. Н., Сергѣя Николаевича, — написана тайна, способная вселить братскую любовь между всеми людьми. Здѣсь похороненъ Л. Н.
Съ картины И. П. Политова, по фотогр. Ксеніи Глибовской.

Ожиданіе.

Шаги все глуше... дальше... мимо!
Обмануть вновь усталый слухъ.
Трепетъ крыльями незримо
Тревоги тайной смутный духъ.
Стучить въ вискахъ и сказало сердце,
Огнемъ болѣзни блещетъ взглядъ,
Стремительно — неровнымъ скерцо
Волнуютъ пальцы клавишъ рядъ.
Ахъ, ожиданье такъ понятно
Тому, кто жить безъ мукъ не могъ,
Кто очаровывалъ стократно
Свой умъ мистеріей тревогъ!
Въ тревогахъ этихъ скрыта сила
Дарить ничтожнымъ власть боговъ
И сердце то, что все забыло —
Не позабудетъ ихъ оковъ.

Гемма.

Королева Ванда.

(Военная быль)

Иллюстраціи М. Лисовскаго.

I.

Кречетовъ покинулъ палату, гдѣ пролежалъ болѣе мѣсяца, и уже готовъ былъ со-вѣсть уйти изъ госпиталя, какъ вдругъ остановился и, что-то рѣшивъ, рѣзко по-вернулся обратно и снова поднялся на верх-ній этажъ.

— Нѣтъ, пойду и еще разъ попрощаюсь съ нею! — рѣшилъ подпоручикъ. — Я не мо-

гу такъ уѣхать. Я ей обязательно дол-женъ сказать... Только бы не разсерди-

ла ее въ крайней палатѣ, гдѣ у меня есть къ вамъ просьба. Она не ве-

лежала вновь прибывшіе раненые стрѣлки. лика и пустычна... Исполните ее для меня, панна Ванда!..

— Хорошо... — безвучно отвѣтила дѣ-

вушка. — Хорошо, я слушаю пана...

— Что же это? Неужели панъ еще не то-тѣвъ почти не видѣлъ ее лица.

— Напишите мнѣ когда-нибудь два-три слова... — выговорилъ онъ просто. — На про-

румянцемъ загорѣлись при этихъ словахъ ея щеки, и какимъ нервнымъ движеніемъ ка-кимъ счастіемъ будетъ для меня ваше письмо! Больше мнѣ ничего не нужно. Если же это невозможно — простите меня, панна Ванда...

На противоположномъ концѣ коридора внезапно появились санитары съ носилка-

ми, за которыми шли врачи и еще двѣ-три фигуры въ бѣлыхъ халатахъ.

Ванда встрепенулась, быстро подала офицеру руку, и Кречетовъ уловилъ ко-

роткое, нѣжное рукопожатіе, въ которомъ онъ прочелъ безхитростный отвѣтъ на всѣ свои чувства.

— Хорошо! — опять прозвучали тихія слова. — Хорошо, я исполню просьбу пана. Да хранить пана Богъ!

Она уже хотѣла уйти, но вдругъ задер-жалась на нѣсколько мгновений и, замигавъ пересиливъ себя, такую же скороговоркой спросила:

— Сегодня, въ семь вечера? На Жирар-

долье? — сегодня, въ семь вечера? На Жирар-

долье? — сегодня, въ семь вечера? На Жирар-

долье? — сегодня, въ семь вечера? На Жирар-

долье? — сегодня, въ семь вечера? На Жирар-

долье? — сегодня, въ семь вечера? На Жирар-

долье? — сегодня, въ семь вечера? На Жирар-

долье? — сегодня, въ семь вечера? На Жирар-

долье? — сегодня, въ семь вечера? На Жирар-

долье? — сегодня, въ семь вечера? На Жирар-

долье? — сегодня, въ семь вечера? На Жирар-

долье? — сегодня, въ семь вечера? На Жирар-

долье? — сегодня, въ семь вечера? На Жирар-

долье? — сегодня, въ семь вечера? На Жирар-

Кречетовъ хотѣлъ отвѣтить «да», но успѣлъ только кивнуть головой, и Ванда

тотчасъ же исчезла въ перевозной, плот-

но закрывъ за собою дверь.

И тотчасъ же погасли падавшіе въ коридоръ снопы солнечнаго свѣта, и вокругъ

сдѣлалось такъ уныло и пусто, что Крече-

товъ поспѣшилъ поспѣшить выйти изъ го-

спитала, чтобы какъ-нибудь разогнать охватившую его тоску

II

Стоялъ конецъ апрѣля, и застыя пр-

кимъ весеннимъ солнцемъ варшавскія ули-

цы были полны жизни и суеты.

Начиная отъ памятника Мицкевича на

Краковскомъ предмѣстьи, вплоть до Бель-

ведера, гдѣ кончались Уздовскія аллеи, всѣ тротуары были залиты толпой, веселымъ и говорливымъ потокомъ двига-

вшейся въ обѣ стороны и неподдѣльно ра-

довавшей весеннему солнцу и праздни-

труд, покой и материнская любовь—теперь неожиданно-негаданно воцарился жуткий мрак смерти и заставил опустить оконныя занавѣси.

Но сейчас никому не хотѣлось думать и вспоминать о привычномъ зломъ дѣлѣ, какъ не хотѣлось вспоминать и о томъ, что въ сорока верстахъ отъ города уже па-

Это была легенда о красавицѣ-короле- вѣ, брака съ которой всѣми силами доби- вался ненавистный ей тевтонскій рыцарь Ридигеръ.

Добивался потому, что, овладѣвъ ея ру- кой, онъ становился не только счастли- вымъ обладателемъ красивѣйшей изъ жен- щинъ, но приобреталъ вмѣстѣ съ нею и

условія, согласились бы принадлежать тев- тонцу? Какому-нибудь Гинденбургу или Макензену, напримеръ?..

Ванда подняла брови и совсѣмъ серьезно отвѣтила:

— Я? Принадлежать тевтону? Никогда въ жизни, кѣмъ онъ бы ни былъ!..

— А если бы не было выхода? Мало ли что можетъ случиться! Что бы вы сдѣ- лали, если бы къ вамъ сталъ приставать тевтонъ?

— Я такъ же, какъ и она, утопилась бы въ Вислѣ,—совсѣмъ просто отвѣтила дѣвушка.—Висла продолжаетъ течь и сей- часъ!

Съ этихъ поръ ее и стали называть «Королевой Вандой».

III.

Въ комендантскомъ управленіи, куда нужно было явиться для соблюденія фор- мальностей, Кречетову пришлось задер- жаться около часа, и онъ только за двад- цать минутъ до отхода поѣзда попалъ на вокзалъ, уже давно переполненный самою пестрой военной публикой.

— Выздоровѣлъ?!—услышалъ Крече- товъ позади себя знакомый голосъ.—Здо- рово, Женька!

Онъ оглянулся и увидѣлъ поручика Со- лошина, своего однополчанина, съ кото- рымъ всегда дружилъ, начиная съ выхода въ офицеры.

Они обнялись и, взаимно обрадованные встречей, отправились на поиски свобод- ныхъ мѣстъ въ вагонахъ.

На счастье одно изъ купе оказалось еще не занятымъ, и Кречетовъ съ Солошинымъ воспѣшили расположиться, такъ какъ ва- гонъ съ каждою минутою все больше и больше наполнялся новыми кандидатами, направлявшимися въ сторону Жирардова и Гродзиска.

Отставивъ отъ полковой жизни, Крече- товъ тотчасъ же забросалъ Солошина во- просами, на которые тотъ едва успѣвалъ отвѣчать.

двигался вдоль платформы, заполненной разнообразной и пестрой толпою. Равно- душно слѣдили за проходившими передъ ними вагонами случайные «земляки»; без- престанно поднималъ къ козырьку руку дежурный жандармъ, отдавая честь мель- кавшимъ въ открытыхъ окнахъ офице- рамъ; какая-то молодая дама, съ опухши- ми отъ слезъ глазами и смѣшно торчав- шими на шляпѣ зелеными перышками, устремивъ взглядъ въ одну уходящую отъ нея точку, безпомощно маяла въ ру- кахъ бѣлый платокъ...

Все это быстро мелькнуло передъ глаза- ми выдануваго въ открытое окно Крече- това...

Вдругъ онъ почувствовалъ, что у не- го захватило дыханіе.

Уже далеко, отдѣленная разстояніемъ трехъ или четырехъ вагоновъ, неподвижно стояла на перонѣ вокзала Ванда...

И не могъ не уловить Кречетовъ, какъ она вся ушла во вниманіе, слѣдя за прохо- дившими мимо нея вагонами, зорко всма- триваясь въ стоявшихъ у оконъ офицеровъ и стараясь увидѣть то, для чего она при- летѣла за нѣсколько минутъ до отхода поѣзда на переполненный народомъ вок- залъ...

— Послушайте, подпоручикъ, нельзя ли какъ-нибудь, знаете, этакъ... полег- че!..—пробурчалъ старый капитанъ, кото- раго Кречетовъ изрядно толкнулъ плечомъ, неудержимо прорываясь къ выходу изъ ва- гона.—Вы же видите, что здѣсь стоять!

Но Кречетовъ ничего не видѣлъ.

— Ванда! Вандочка!..—крикнулъ онъ во весь голосъ, стараясь перекричать гро- хотъ отходившаго поѣзда и почти повис- нуть на тормазѣ.—Ванда!

Но Ванда не могла слышать.

Поѣздъ уже шелъ полнымъ ходомъ, съ каждымъ мгновеніемъ увеличивая про- странство, отдѣлявшее ее отъ Кречетова, а она все продолжала стоять, не поворачи- вая головы, и внимательно разсматривая проходившіе мимо нея вагоны.

И вскорѣ Кречетовъ совсѣмъ потерялъ изъ виду ея фигурку, скрывшуюся за сто- явшею на перонѣ толпою.

— Что съ тобой, Женька?...—спросилъ Солошинъ, когда Кречетовъ мрачные ночи вернулся въ свое купе.—Куда ты убѣгалъ, какъ угорѣлый? На тебѣ лица нѣтъ!

— Такъ, одно дѣло... Я совсѣмъ за- былъ, что меня долженъ былъ проводить одинъ офицеръ...—неудачно совралъ Крече- товъ.—Я увезъ съ собою его портси- гарь!..

И, не будучи въ силахъ сразу собрать мысли и придти въ себя, онъ сталъ жечь папиросу за папиросою, наполняя вагонъ цѣлыми облаками дыма.

Солошинъ такъ и не могъ понять, что за внезапная перемена произошла съ его товарищемъ, переставшимъ даже связно отвѣчать на его вопросы.

«Повидимому, у него еще до сихъ поръ остались слѣды контузии!..»—рѣшилъ онъ, и, откинувшись назадъ, сталъ дремать подъ мѣрное покачиваніе вагона.

Уже на слѣдующій день удивленная и обрадованная Ванда получила отъ Крече- това небольшую записку, присланную въ Варшаву «съ оказіей», такъ какъ ему по- счастливо еще въ Жирардовѣ встрѣ- тить санитаря, бѣжавшаго съ обратнымъ поѣздомъ и обѣщавшаго безъ задержки передать по назначенію его посланіе.

— Значитъ, онъ видѣлъ меня,—подо- мала дѣвушка, прочтя нескладныя объяс- ненія Кречетова, написанныя карандашомъ на листикѣ изъ полевой книжки.—А если видѣлъ, то значить попалъ все!..

И она стала обдумывать, что ей напи- сать и какъ отвѣтить юлошѣ, ставшему ей до безконечности дорогимъ и близкимъ.

Отвѣтъ этотъ Кречетовъ получалъ не скоро.

Почти на другой день послѣ его прѣзда

Она уже хотѣла уйти, но вдругъ задержалась на нѣсколько мгновеній (стр. 353).

тый мѣсяцъ сидятъ закопаншіеся въ землю враги, направивъ жерла орудія въ сторону русскихъ полковъ.

Не хотѣлось теперь объ этомъ думать и Кречетову. Онъ уже зналъ и видѣлъ вой- ну, слылъ въ своей части за одного изъ самыхъ спокойныхъ и храбрыхъ офице- ровъ, и мысль о томъ, что онъ сегодня ѣдетъ къ позиціямъ, гдѣ его могутъ ожи- дать снова всякія случайности, совсѣмъ не укладывалась въ его мозгу и совсѣмъ дру- гимъ были заняты его думы.

Передъ нимъ по прежнему стояла Ванда, стояла такой, какою онъ ее видѣлъ нѣ- сколько минутъ назадъ, и какою встрѣчалъ ежедневно въ госпиталѣ, начиная съ того дня, когда Кречетова привезли туда съ пробитымъ бедромъ изъ-подъ Велимовской Веси.

Естественно и просто родилась эта мо- лодая и чистая любовь.

Хорошо знавшій въ свои двадцать два года провавы ужасы войны и не разъ стоявшій лицомъ къ лицу со смертію,— Кречетовъ еще не зналъ жизни и не былъ ослѣпленъ ею пошлостью.

Не была ею отравлена и семнадцати- лѣтняя Ванда, вошедшая въ жизнь не че- резъ наполненные свѣтомъ и музыкой ор- бальныя залы, а черезъ высокія бѣлыя комнаты, въ которыхъ ничего не было, кромѣ страданія и длинныхъ рядовъ коекъ съ лежавшими на нихъ израненными людьми.

— Не можетъ быть, чтобы я ее нико- гда не увидѣлъ снова!—думалъ Кречетовъ, проѣзжая Новымъ Свѣтомъ по направле- нію къ Цитадели.—Пока что, буду ей пи- сать и въ свою очередь получать отъ нея письма... Она не забудетъ... Почему же думать, что я обязательно буду убитъ!..

И, безознательно прочитывая мелька- шія по сторонамъ вывески магазиновъ, юноша рисовалъ себѣ самыя отрадныя картины будущаго, въ которыхъ главную роль играла, конечно, она, его Ванда — «Королева Ванда», какъ ее въ шутку про- звали раненые офицеры и подруги-сестры обывательскаго лазарета.

«Королевой Вандой» ее прозвали пото- му, что однажды вечеромъ она принесла въ палату маленькій томикъ польскихъ стихотвореній и, прочтя вслухъ одно изъ нихъ, растолковала его смыслъ ране- нымъ офицерамъ.

древній тронъ польскихъ королей, и не- ограниченную власть надъ ея народомъ, который не могъ покорить, несмотря на все усилія тевтонскаго меча.

Уже нѣсколько разъ посылалъ къ коро- левѣ своихъ гонцовъ своеобразный предво- дитель швабовъ, и каждый разъ приносили они ему досадный и оскорбительный от- казъ.

И, извѣрившись въ дальнѣйшихъ попыт- кахъ, Ридигеръ поднялъ оружіе и двинул- ся со своими фалангами на страну, гдѣ тихо властвовала красивая королева.

Онъ окружилъ желтыми кольцомъ этихъ фалангъ древній Краковъ и въ по- слѣдній разъ послалъ туда своихъ героль- довъ, дабы уговорить королеву согласиться на его условія.

— Иначе горе тебѣ и твоему народу!— сказали королевѣ пришедшіе гонцы.—Вы- бирай одно изъ двухъ, гордая, но слабая красавица! Или—любовь, счастье и слава рука объ руку съ нашимъ повелителемъ, или незавидный удѣлъ его рабыни, такъ какъ онъ возьметъ тебя силой, а весь твой городъ предастъ огню и мечу!

— Хорошо, я подумаю!—кратко отвѣ- тила королева.—Дайте мнѣ срокъ до заре- та, и завтра же съ зарею я вамъ дамъ от- вѣтъ...

Гонцы согласились, а королева ушла въ комнату своего замка и всю ночь простоя- ла на колѣняхъ передъ мраморнымъ изо- браженіемъ Пречистой Дѣвы.

А когда поблѣднѣлъ гостокъ и легкій вѣ- теръ сообщилъ о приближеніи утра, Ван- да нарядилась въ свѣтлую одежду невѣсты и, накинувъ на голову вѣчальное покры- вало, спокойно сошла по каменнымъ сту- пенямъ къ протекавшей у подножія замка Вислѣ, и безшумно сомкнулась надъ ея головою мутные водяные круги...

Ридигеръ обезглавилъ гонцовъ, прине- шихъ ему взмѣнъ покорнаго отвѣта одно вѣчальное покрывало королевы, найден- ное ими съ восходомъ солнца на берегу рѣ- ки, и навсегда ушелъ отъ осажденнаго города, спасеніе котораго было достигну- то добровольною смертію любимой и прекрасной королевы.

— А вы, сестра Ванда,—послушалъ одинъ изъ офицеровъ, когда дѣвушка про- дѣла имъ свою любимую легенду.—Вы, если бы судьба поставила васъ въ такія

Королева всю ночь простояла на колѣ- няхъ передъ мраморнымъ изображеніемъ Пречистой Дѣвы.

И, увлеченный слушаніемъ новостей, Кречетовъ не замѣтилъ, какъ прозвучалъ третій звонокъ, и какъ тронулся поѣздъ, увозившій его изъ Варшавы.

Онъ попалъ это только тогда, когда подъ поломъ вагона начали медленно и глухо постукивать колеса, и сидѣвшій на- противъ него пожилой батюшка нѣсколько разъ перекрестился широкимъ и выдержан- нымъ крестомъ.

— Что же это? Неужели ѣдемъ?—про- неслось въ головѣ Кречетова.—И, быть можетъ, я никогда не вернусь сюда обрат- но!..

И вдругъ какое-то необъяснимое, власт- ное чувство поднялось изъ глубины души, и, самъ не отдавая себѣ отчета, для чего онъ это дѣлаетъ, Кречетовъ быстро со- рвался съ мѣста и протолкался въ кори- доръ, къ открытымъ окнамъ, около кото- рыхъ уже стояло нѣсколько офицеровъ. Постепенно прибавляя ходъ, поѣздъ

на фронте началась усиленная перегрун-
пировка войск, и полку приходилось без-
престанно менять позиции, не выходя в
то же время из огня и стойко отражая
остервенелый напор противника. Почта
получалась неровно и редко, и только си-
сти три письма, когда полк на время вы-
вели в резерв. Кречетов с замираю-
щим сердцем вскрыл конверт, принесен-
ный ему из полевой почтовой конторы.

В конверте лежала открытка, изобра-
жавшая молодую женщину, по всей веро-
ятности «Королеву Ванду», склонившуюся
в своей каплице перед статуей Бого-
матери.

А на чистой стороне карточки ров-
ным женским почерком были написа-
ны четыре строки из любимой легенды
о погибшей в волнах Вислы царствен-
ной красавице:

«Нѣтъ, не для шваба уборъ мой вѣн-
чальный,
Не для Тевтона славянская дѣва.
Замокъ Краковскій—женить мой пе-
чальный,
Вислѣ глубокой вѣрна Королева...»

А совсем внизу, и так мелко, что
Кречетов сразу даже и не заметил на-
писанного, стояло всего одно польское
слово, в котором самолюбивая дѣвуш-
ка хотѣла высказать все, что наполнило
ея душу.

Это слово было «Раміе'ај»... *

IV.

«Да воскреснетъ въ этой зарѣ
знаменіе Креста, символъ
страдания и воскресенія на-
родовъ».

*Воззваніе Верховнаго Глав-
нокомандующаго къ Поля-
камъ.*

Они начали идти еще съ вечера, эти
безконечные обозы, и на Иерусалимской
аллеѣ ни на минуту не умолкаетъ их
равномерный грохотъ, заставляющий
усталое сердце невольно сжиматься отъ
неопредѣленной, жуткой тоски...

Сейчас нѣтъ ни городовъ съ ихъ
дворцами и колоннами, ни мирной по-
зиці тѣнистыхъ каштановъ, ни дорогихъ
сердцу храмовъ и могилъ...

Все это было, и все это опять будетъ.
Будетъ, если не для насъ, то для по-
выхъ, грядущихъ поколѣній, для тѣхъ,
ради кого переживаетъ это грозное на-
стоящее.

Широко открываетъ глаза пораженный Кречетовъ. (Стр. 356).

А вдали, за Мокотовомъ и Волей, все
ухаютъ и ухаютъ грозные выстрѣлы.
Сегодня они стали звучать еще ближе, а
вмѣстѣ съ ними еще ближе продвинулась
къ городу страшная стѣна огня и смер-
ти, всего мѣсяцъ назадъ казавшаяся та-
кой далекой и невѣдомой.

Равнодушно и спокойно сидятъ на
артекахъ обозные земляки. Какъ они
похожи одинъ на другого, эти милые
сѣрые люди, съ которыми такъ сжилъ
за годъ войны старый польскій городъ,
не мало видѣвшій за свою жизнь.

Медленно, почти беззвучно, начинается
за ними свое движеніе кажущійся без-
конечнымъ потокъ пѣхоты...

Они уходятъ... Такъ надо...

Наступитъ день, и опять зазвучать
среди этихъ камней знакомыя пѣсни и
слова, и легко вздохнуть отъ пережитого
кошмара изстрадавшаго груди.

Разбѣются злые туманы и ярко за-
блестятъ въ гладкой поверхности Вислы
отблески грядущей съ востока зари...

— Тебѣ не страшно, Ванда?

— За себя—ничуть, Марія... Во-
первыхъ, я все же надѣюсь, что мнѣ
лично не сдѣлаютъ никакого зла, а во-
вторыхъ, у меня всегда есть выходъ... Я
еще третьяго дня добыла изъ аптеки
морфия. Вотъ онъ...

И она показала подругѣ маленькій пу-
зырекъ съ притертой пробкой.

— Да, ты храбрая, Ванда! Храбрая,
сильная... А вотъ я не такая. У меня ногъ.

Контеръ-адмиралъ Л. Ф. ДОБРОТВОРСКІЙ.—провѣдникъ исключи-
тельного значенія миннаго флота и подводныхъ лодокъ въ новой
морской войнѣ. † 21 октябр. См. № 14232 «Нов. Вр.».

— Здѣсь, что ли, обывательскій го-
спиталь, сестрица? Примите раненаго,
Христа ради! Измаялся, тащивши!

Тяжело опускается на землю неподвиж-
ное солдатское тѣло. Порывисто дышитъ
широкая обнаженная грудь, голова без-
порядочно обернута въ какія-то багровыя
тряпки.

— Это мы ужъ сами его перевязали...
полотенцами... Какъ могли, такъ и пе-
ревязали! Выводный нашъ, Максимъ Ко-
ростель... Вошли въ самый городъ, а
тутъ вдогонку ихватило шрапнелью...
Въ голову, значить. Дышитъ-дышитъ, а
что съ нимъ будетъ дальше—не можемъ
знать... Намъ его и приказали нести къ
вамъ въ госпиталь... Ужъ вы примите
его!

— Чудной вы, право,—невольно улы-
бается только что вышедшій на шумъ
и говоръ дежурный докторъ.—«Прими-
те», да «примите»... Какъ же не при-
нять, если раненый. Чего вы его на
поль-то положили? Укажите намъ, куда
нести, сестра! Ну, съ Богомъ. Какъ его
записать-то?

— Максимъ Коростель, ваше благого-
діе. Унтеръ-офицеръ десятой роты Энска-
го полка! Сибиряки мы, значить...

— Энскій полкъ, Энскій полкъ!.. —
шепчетъ Ванда, чувствуя, какъ кровь
ударяетъ ей въ голову.—Вѣдь это его
полкъ! Значить, и онъ проходитъ че-
резъ Варшаву! О, если бы!..

И едва докторъ и другія сестры на-
клоняются надъ раненымъ, уже поло-
женнымъ на операционный столъ, Ван-
да, какъ бѣлая тѣнь, скользитъ по лѣст-
ницѣ и исчезаетъ въ сумракъ ночи.

Наглухо закрыты тяжелыя «брамы» *
домовъ, потушены огни, и странно пу-
стынны когда-то оживленные тротуары...

Багровымъ, зловѣщимъ заревомъ зали-
то ночное небо и четко вырисовываются
на немъ темныя очертанія незамѣтныхъ
дотолѣ звонницъ и вышекъ.

Развѣ это Варшава? Не другой ли это
городъ, совсемъ невѣдомый и новый, въ
которомъ никогда не бывала Ванда, вы-
росшая подъ сѣнью Узядовскихъ аллей...

Быстро пробѣгаетъ она одну улицу
за другой, едва узнавая такъ хорошо
знакомые раньше дома и вывески мага-
зиновъ. И повсюду одно и то же море

сѣрыхъ, молчаливыхъ людей, свѣтащеся
огоньки напиросокъ и мѣрный стукъ та-
желыхъ подошвъ о дорожные камни.

— Вамъ «зпцевъ» нужно, сестрица?—

колына подгибаются. Мнѣ страшно,
Ванда!..

И блѣдная сестра Марія закрыла ху-
дыми ручками заплаканное лицо.

— Успокойся, Манюся! Въ нашемъ
госпиталѣ остались тяжело раненые...
Подумай о нихъ... Ихъ положеніе хуже
нашего!

Ухнуло гдѣ-то совсемъ близко, такъ
что оконныя стекла задребезжали мелко
и жалобно.

— Іезусъ-Марія! Что же это дѣлает-
ся! Они стрѣляютъ по городу, Ванда!

Ванда поблѣднѣла, но ничего не отвѣ-
тила.

За окномъ стояла ночь, полная тоски
и тревоги.

Внизу по гладкимъ торцамъ улицы по-
прежнему тихо лился сѣр..., оцѣтнѣв-
шійся потокъ русскихъ солдатъ.

Тамъ, на сѣрыхъ и безлюдныхъ камняхъ набережной, по прежнему стояла
тонкая фигурка. (Стр. 356).

— Не бойся, Манюся!.. Видишь, наня
войска идутъ какъ ни въ чемъ не быва-
ло! Чего же бояться? Пойдемъ въ палату,
мизая. Тамъ ждуть...

Робко открываются высокія бѣлыя
двери, и по гладкому паркету грузно
стучатъ четыре пары запыленныхъ са-

слышитъ она, наконецъ, долго жданный
отвѣтъ.—Они идутъ въ арсеналъ, со
стороны Мокотова! Только вы поосто-
рожиже, барышня! Мокотовъ обстрѣли-
вается...

О, пусть обстрѣливается!

* Ворота.

* Помни, не забывай.

ЦЕРНОВЬ ПОСЛЕ НЕМЕЦКАГО РАЗГРОМА.

Амрасский собор во Франции стал жертвой немецких пушек, подтверждающих своими снарядами «величие» нового германского кодекса нравственности и художественной красоты. Во время разгрома собора, знаменитые ангелы, занимавшие в течение многих веков место вверху храма, остались неразрушимыми и теперь поставлены на каменном полу молчаливыми свидетелями немецкого варварства.

Развѣ существуетъ для нея какая-нибудь опасность въ сравненіи съ тѣмъ счастьемъ, что они идутъ въ аррьергардъ! Значитъ, они еще не прошли черезъ Варшаву! Скорѣе бы только, скорѣе...

И Ванда уже мчится въ другую сторону:

Съ удивленіемъ и любопытствомъ смотрятъ «земляки» на бѣлую дѣвушку, перебѣгающую отъ ряда къ ряду, отъ колонны къ колоннѣ, повторяющую одинъ и тотъ же вопросъ и не знающую ни страха, ни усталости.

И уже къ разсвѣту, въ третьемъ часу утра находятъ она то, къ чему всю ночь были направлены ея тревожные поиски.

Широко открываетъ глаза пораженный Кречетовъ. Сразу забываются и усталость, и тяжесть послѣднихъ дней, и грозная утренняя контръ-атака...

— Ты?!—внезапно вырывается у юноши.—Какъ ты... Какъ вы меня нашли, Ванда? Какъ?!

У нея слишкомъ сильно бьется сердце, для того, чтобы сразу отвѣтить хоть слово.

Но Кречетову и не нужно словъ.

И они долго смотрятъ другъ другу въ глаза, не будучи въ силахъ связно выразить всѣхъ мыслей, бушующихъ въ головахъ и сжимающихся желѣзными тисками сердце.

V.

Вотъ она, Висла!.. Давно плывутъ среди отлогихъ береговъ ея воды, храня въ своей мутной глубинѣ не одну тайну суетливой земли.

— Вѣрь и надѣйся!—тихо и увѣренно звучатъ слова Ванды.—Я никуда не уйду изъ Варшавы до того дня, когда вы придете сюда вновь... Не уйду и не могу уйти. Здѣсь—моя родина, моя мать, мой госпиталь, мои раненые... Ваши же раненые, которые не могутъ двинуться съ мѣста и остаются въ нашихъ рукахъ... Куда же я пойду? Если ты останешься живъ и не забудешь сегодняшней нашей встрѣчи,—ты вернешься въ Варшаву и найдешь въ ней ту же Ванду, которая стоитъ передъ тобою и сейчасъ... Не расстаемся же мы на долгіе годы... Нѣтъ, я не брошу своего города. Сейчасъ мы оба будемъ тамъ, гдѣ намъ указано долгомъ и судьбою. И я буду ждать тебя, въ надеждѣ на самое луч-

шее, самое свѣтлое, буду ждать до самаго послѣдняго дня, пока не войдутъ разныя войска въ нашу старую, родную Варшаву...

Уже окончили свою подготовительную работу расторопные санеры и безстрашно ожидаютъ своей участи обреченные на славную гибель великаны-мосты.

Широкою рысью проходятъ отсталыя повозки, и торопливѣе бѣгомъ сдѣлать къ мостамъ отдѣльные стрѣлки, стараясь поскорѣе нагнать уже перешедшія на другую сторону части.

— Ну, что же, пора... Сейчасъ начнутся взрывы! Уже почти всѣ перешли на тотъ берегъ... Пора!

Крѣпко жметъ руку Кречетова маленькая, теплая ручка...

Бряцаютъ о желѣзную настилку моста лошадиныя подковы и, стараясь не оглядываться, Кречетовъ быстро нагоняетъ своихъ, уже вытягивающихся въ походную колонну.

Когда пришелъ въ себя взволнованный необычнымъ грохотомъ воздухъ и опять снискойно потекли своей дорогой мутныя воды Вислы, омывая холодной струей желѣзныя стропила рухнувшихъ въ нее мостовъ, Кречетовъ уже былъ на противоположномъ берегу.

Онъ сѣпнулся и, отойдя въ сторону отъ дороги, опять посмотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ медленно оживалъ подъ лучами восходящаго солнца большой и красивый городъ.

Величественной и спокойной казалась Варшава, и ни одинъ тревожный звукъ уже не прорѣзалъ воздуха.

Кречетовъ досталъ бинокль и, поднося его къ глазамъ, сталъ внимательно отыскивать на противоположномъ берегу какую-то точку.

И снова усиленно забилося его сердце, наполняясь неизъяснимой сладкой тоской.

Тамъ, за взорванными теперь мостами, на сѣрыхъ и безлюдныхъ камняхъ пабережной, по прежнему стояла тонкая, свѣтлая фигурка, и ясно видѣлъ Кречетовъ, какъ колебался въ воздухѣ бѣлый платокъ, которымъ она послала ему привѣтствіе, полное любви и надежды...

— Королева... Королева!—тихо повторялъ Кречетовъ, двигаясь среди своихъ къ новымъ позиціямъ, и уже давно миновавъ Прагу и Брестскій вокзалъ. —

Ген.-отъ-инф. Е. А. Родевичъ. Награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст.

Королева, бѣдная моя королева Ванда! Я увижу тебя снова, я вернусь за тобою!

И онъ крѣпко сжималъ въ рукѣ маленькій серебряный образокъ съ изображеніемъ Богоматери, только что подаренный ему при прощаніи золотокудрой королевой.

Юрій Лисовскій.

Подполк. И. П. Смирновъ. Награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст. и Георгиевск. оруж.

БѢЖЕНЦЫ.

Семья на пути на козья мѣста.

Шт.-кап. А. Д. Еетановъ. Скончался отъ ранъ. Награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст.

ОДИНЪ ИЗ ПОСЛЕДНИХЪ ПОРТРЕГОВЪ ЖЕРТВЫ НѢМЕЦКАГО ПРЕСТУПЛЕНІЯ.

Миссъ Эдитъ НАВЕЛЬ съ своими любимцами. «New-York World», сообщая объ убійніи сестры милосердія-героини нѣмцами палачами, говоритъ: «Для убійцъ выгодно было бы потерять цѣлый корпусъ на войнѣ, чѣмъ совершить эту звѣрскую расправу». 11 октября въ 10 час. вечера въ тюрьму къ миссъ Навель былъ допущенъ англиканскій священникъ о. Гаханъ, принесшій ей послѣднее напутствіе и причастившій ее, а въ 2 часа утра она, какъ извѣстно, была убита нѣмецкимъ офицеромъ. Приведенная на казнь и отназавшаяся одѣть повязку на глаза, она упала въ обморокъ въ тотъ моментъ, когда на нее были направлены дула шести ружей, и шесть нѣмецкихъ солдатъ-убійцъ готовы были прикончить свою жертву. Ихъ мрачную обязанность исполнилъ офицеръ.

СОЮЗНИКИ ВЪ САЛОННАХЪ.

Англійскіе солдаты, расположившіеся на отдыхъ на ираю дороги, пропуская мимо себя французскій отрядъ.

Къ 5-й годовщинѣ со дня смерти Л. Н. Толстого.

Изъ дневника 1903-го года.

Въ Ясной Полянѣ.
(Л. Л. Толстого).

11 марта. Сегодня за обѣдомъ разговоровъ было мало. Отецъ былъ не въ бодромъ настроеніи. Говорили немного о Владимірѣ Соловьевѣ. Я спросилъ отца, какъ онъ смотритъ на него. Послѣднее время въ Петербургѣ о немъ много гово-

разъ навсегда и утверждались. Напримѣръ, слава Шекспира.

Отецъ не могъ тутъ не вспомнить Шекспира, котораго не любилъ никогда. Я почувствовалъ, что онъ былъ не правъ, но возражать ему не сталъ. Онъ продолжалъ:

— Была одна такая незаслуженная слава и на моемъ вѣку, — я помню Eugène Su. Выдумали какой-то пауперизмъ. Теперь то же самое съ Горькимъ.

Послѣ обѣда отецъ ушелъ къ себѣ. Онъ хотѣлъ одиночества или былъ занятъ. Только вечеромъ онъ снова вышелъ къ чаю и сидѣлъ со всѣми въ залѣ. Приѣхала Варя Нагорнова, и отецъ былъ радъ гово-

Рубинъ.

Я—огненный рубинъ... Мой мѣсяцъ—розы багровыхъ
На буйный урожай небесный сводитъ Я дружбы и любви не знаю огорченій;
На дѣтскомъ личикѣ мерцаютъ отблескъ Я тверже всѣхъ камней... Я камень всѣхъ забвеній—
И яркой осенью—на заросляхъ кленовыхъ. мой Къ добру презрительный и равнодушный Къ злу...

Изъ камней блестящихъ—я самый до- Сь тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ—рабыни и царицы,
Въ космической борьбѣ, въ волненіяхъ су- И дѣвы чистыя, и грѣшныя блудницы
ровыхъ, Въ мою кровавую глядѣться любятъ мгу...
Гр. А. А. Салтыковъ.

Въ дыму и пламени подземныхъ бурь гро- мовыхъ
Родился мой закалъ... Я—древній жаръ земной

Съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ—рабыни и царицы,
И дѣвы чистыя, и грѣшныя блудницы
Въ мою кровавую глядѣться любятъ мгу...
Гр. А. А. Салтыковъ.

ВЪ ДАРДАНЕЛЛАХЪ.

Награжденіе французскихъ офицеровъ за боевыя отличія англійскими орденами.

ВЪ ДАРДАНЕЛЛАХЪ.

Командиръ англійской подводной лодки лейтенантъ Гюгсъ, подплывшій съ грузомъ динамита къ берегу Мраморнаго моря и взорвавшій тамъ желѣзнодорожный путь.

рять, имъ интересуются и продолжаютъ соловьевскіе обѣды.

— Ничего понять нельзя,—съ ноткой раздраженія сказалъ отецъ, — Соловьевъ нуженъ тѣмъ, кто ищетъ подпорку подъ свое православіе: этимъ только и объясняется его слава. Хотя какая же это слава? Соловьева за границей совсѣмъ и не знаютъ. Поразительно, сколько такихъ мѣстныхъ, временныхъ славъ. Ихъ можно объяснить только вліяніемъ прессы, газетъ и журналовъ. Я видѣлъ это на дѣлѣ Дрейфуса. Кому интересенъ какой-то Еврей, измѣнившій Франціи? А между тѣмъ онъ сдѣлался извѣстенъ всему міру, и каждый считалъ своимъ долгомъ быть за него или противъ. То же самое съ литературными, политическими, философскими незаслуженными словами. Изъ нихъ многія такъ

Воен. летчикъ шт.-кап. Ф. Е. Ионоваловъ. Награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст.

Павшие смертью храбрых.

Прaporщ. С. А. Еолотниковъ.
Сконч. отъ ранъ.

Подпор. М. С. Волковъ.
Сконч. отъ ранъ.

Поруч. В. В. Нисельевъ.
Сконч. отъ ранъ.

Прaporщ. А. И. Мочаловъ.
Сконч. отъ ранъ.

Прaporщ. Е. Е. Львовъ.
Сконч. отъ ранъ; предст. нъ
орд. св. Георгія 4 ст.

Поруч. А. Н. Эртовъ.

Прaporщ. Г. И. Ивановъ.

Ген.-м. Б. А. Стерляковъ.

Капит. Ф. Я. Сиверсъ.
Сконч. отъ ранъ.

Прaporщ. И. И. Казанскій.

Подполн. Б. Ф. Гильденбрандтъ.
Сконч. отъ ранъ.

Прaporщ. Д. В. Ипатьевъ.

Кап. I ранга С. С. Вяземскій.

Корн. В. В. Чирниковъ.

Прaporщ. В. А. Быковъ.

Шт.-кап. И. Н. Ивановскій.

Прaporщ. Н. И. Кулицкій.

Прaporщ. М. А. Муха.

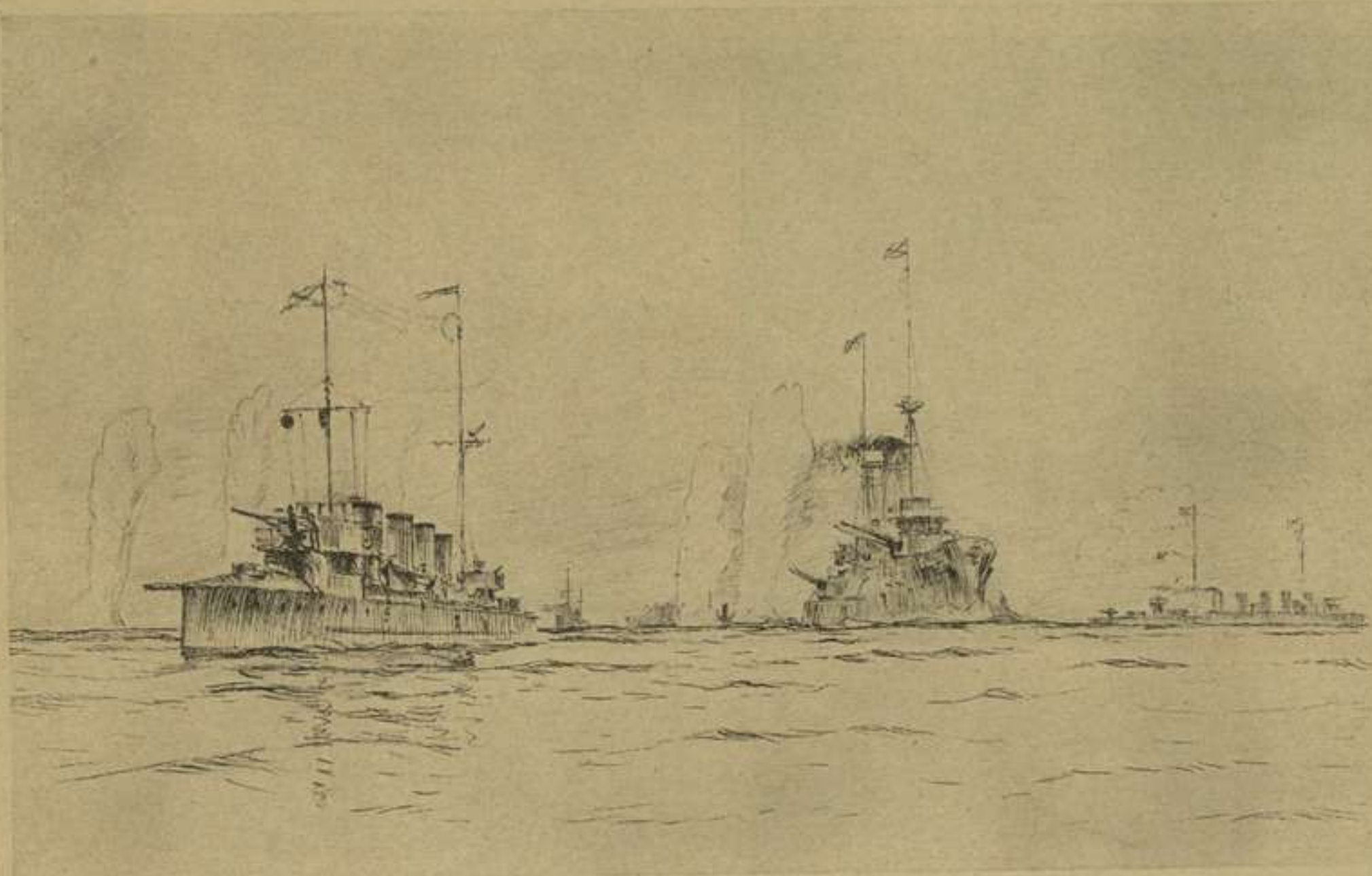

Прaporщ. Д. И. Старостинъ.

Прaporщ. З. А. Бронкъ.

ВОЙНА НА МОРЬ.

Бой у входа в Рижский залив.

Ориг. рисунок лейт. А. Ламмертс.

речь съ ней о дядь Серёжкѣ, съ которымъ онъ теперь въ дѣятельной любовной перепискѣ. Отношенія его съ дядей Серёжей подъ старость стали гораздо ближе и теплѣе. Видно, какъ онъ дорожитъ тѣмъ, что онъ существуетъ, что онъ его родной, единокровный братъ.

Вечеромъ, пока сидѣли за чаемъ, въ залѣ произошелъ переполохъ. Откуда-то явилась здоровенная крыса и, пробѣжавъ подъ ногами нашихъ обезумѣвшихъ дамъ, стала прыгать по комнатамъ вдоль стѣны. Все вскочили, началась суета, а докторъ всталъ у двери на площадкѣ, чтобы караулить крысу, когда она снова покажется. Она спряталась теперь за бюстомъ отца въ углу. Кто-то спугнулъ ее оттуда, крыса устремилась прямо подъ ноги доктора. Онъ съ остервенѣніемъ бросился на нее и нѣсколькими ударами каблука убилъ ее. Все это произошло очень быстро и неожиданно.

Отецъ вѣдетъ со всеми остальными дѣлалъ волненіе. Однако видъ убитой крысы былъ ему очень неприятенъ. Онъ сморщилъ лицо въ гадливую гримасу, въ которой была и сдержанная невозможная улыбка, заходя въ залъ, вышелъ изъ нея и снова вернулся.

— Какая гадость, — сказалъ онъ, — жалко ея и гадко. Ну, зачѣмъ ее убили? Бѣжала бы себѣ на здоровье.

12 марта. Сегодня говорили про Н., что онъ купилъ себѣ одну лишнюю, никому ненужную вещь. Никто не могъ понять, зачѣмъ собственно Н. купилъ себѣ эту вещь.

— Да, да, — сказалъ отецъ, — это разъ Николенька Арсеньевъ купилъ себѣ клетку, въ которой заводилась канарейка. Онъ заплатилъ за эту игрушку большія деньги, и никто изъ насъ не могъ понять, къ чему собственно и почему онъ ее купилъ. Наконецъ, мы долго искали и нашли причину. Отъ глупости! Вообще многое, чего нельзя понять въ жизни, разрѣшается этими. Отъ глупости!

Сегодня папа огорченъ тѣмъ, что здѣшняго воробьевскаго крестьянина Афанасія ссылаютъ въ Сибирь за кощунство. Несдержанный, но умный и развитый мужикъ Афанасій что-то очень рѣзкое сказалъ объ иконахъ. Отецъ придумывалъ способы, какъ бы помочь Афанасію, но, кажется, сдѣлать это трудно.

Послѣ обѣда прѣхала въ Ясную Лидія Ивановна Веселитская. Какъ всегда тихенькая, наблюдательная и умная, она всею была очень пріятна. Мы обрадовались ей. Я знаю, что обрадовался я и обрадовался папа.

Между прочимъ говорили съ ней о Розановѣ и о Мережковскомъ. Отецъ выразилъ Лидіи Ивановнѣ свое огорченіе по поводу того, что Мережковский его ненавидитъ.

— Живешь, живешь, — сказалъ онъ добрымъ и дѣйствительно огорченнымъ голосомъ, — стараешься установить со всеми любовныя отношенія, со всеми кругомъ тебя, со всеми близкими, и вдругъ оказывается, что тамъ гдѣ-то есть люди, которые тебя ненавидятъ. Это очень больно.

Веселитская на это возразила, что Мережковский вовсе не ненавидитъ отца, но что онъ пообиде очень безтолковый мыслитель. Дѣйствительно, ничего понять нельзя изъ того, что онъ говоритъ на собраніяхъ религіозно-философскаго общества.

— Ну, а Михайль Осиповичъ* какъ поживаетъ? — спросилъ отецъ.

— Пишетъ, — отвѣтила кратко Лидія Ивановна.

Разговоръ перешелъ къ дамѣ, которая написала отцу письмо на восьмидесяти страницахъ, стараясь обратить его вновь къ православію.

— Удивительное дѣло, — сказалъ отецъ, — каждый человекъ непремѣнно хо-

* М. О. Меньшиковъ.

четь, чтобы я смотрѣлъ на міръ черезъ его окошечко. Пусть каждый стоитъ у времени.

Сегодня отецъ еще рассказывалъ съ интересомъ объ одномъ священникѣ, который тайно приходилъ къ нему и говорилъ къ себѣ! И вотъ эта дама. Она угрожаетъ о томъ, что онъ желаетъ разстрѣлять. Онъ говорилъ, что ему тяжело внѣшнія, обрядовыя формы православія и что онъ не вѣритъ въ его сущность. Какъ всегда, отецъ при этомъ прибавилъ, что вообще всякое священнослужительство противорѣчитъ самому христіанскому ученію, основанному на смиреніи. Не знаю, что говорилъ отцу этому священнику. Вѣроятно то же, что онъ говоритъ по этому поводу всею. Я замѣчаю однако, что всякая встрѣча съ священниками отцу бываетъ скорѣе не пріятна, чѣмъ пріятна. И каждый разъ послѣ ихъ посѣщеній Ясной Поляны онъ не въ хорошемъ настроеніи духа.

Вечеромъ пришла большая почта изъ Тулы. Было много писемъ, и среди нихъ нѣсколько писемъ отъ одного сумасшедшаго Б., который вотъ уже второй годъ пишетъ отцу по нѣскольку писемъ въ день. Было и нѣсколько рукописей начинающихъ писателей. Позднѣе, послѣ чая, Л. И. Веселитская предложила отцу прочесть рассказъ Анатоля Франса, который она привезла съ собой и который хочетъ перевести. Рассказъ прочли. Анатолю Франсу отцу нравится, и онъ искренно радовался, слушая его.

Вечеръ былъ проведенъ очень пріятно, благодаря присутствію тонкой и милой Лидіи Ивановны. Она всегда умѣла будить въ отцѣ тѣ художественно-литературныя струнки, которыя не каждый день звучали въ его ежедневной жизни. Часто за послѣдніе годы струны эти спали, подавленные людьми, претендовавшими взятъ на нихъ, но столько же понимавшими литературу и чувствовавшими искусство, сколь мало они понимали и самого Льва Николаевича. Большинство толстовцевъ были такіе, а съ

ними отецъ убивалъ очень много своего

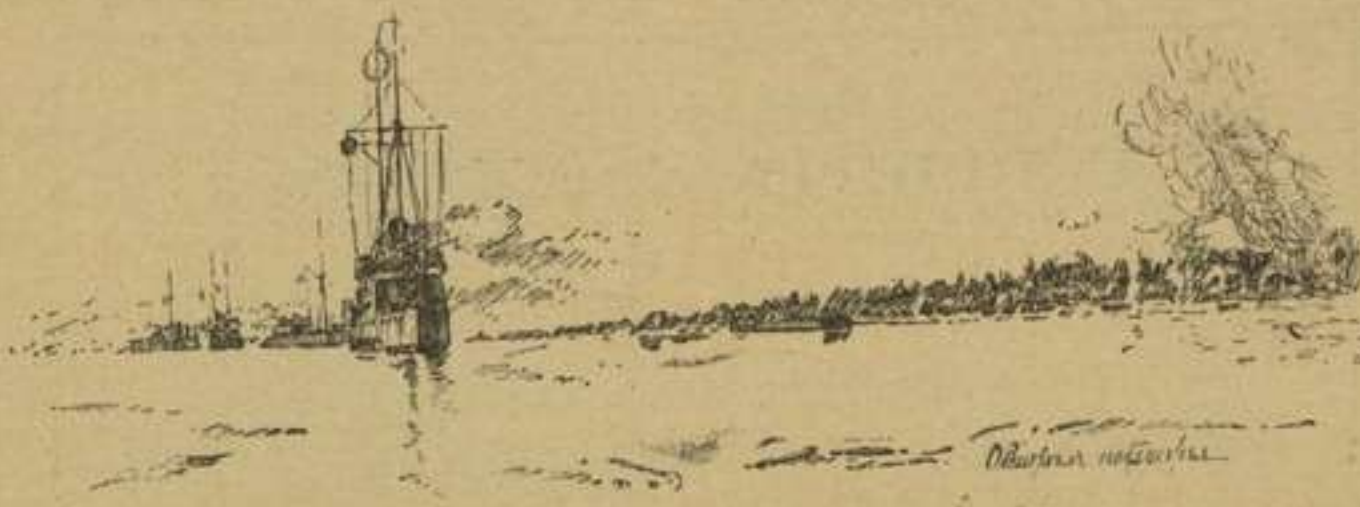
13 марта. Сегодня нѣтъ ничего особеннаго интереснаго. Не буду записывать внѣшнихъ событій. Они здѣсь однообразны. Запишу только то, что говорилъ отецъ вечеромъ о Некрасовѣ. Онъ хорошо зналъ его и всегда рассказываетъ о немъ съ нотой серьезнаго уваженія къ его памяти.

— Некрасовъ говорилъ мнѣ, — сказалъ отецъ по поводу разговора о смерти какой-то собаки, — что у него было только одно настоящее горе въ жизни. Это было, когда застрѣлили его любимую собаку. Онъ былъ очень правдивый, прямой человекъ и, когда онъ говорилъ это, онъ говорилъ правду. Онъ вообще говорилъ необыкновенно прямо и просто.

Еще былъ разговоръ о революціонерахъ. Отецъ сказалъ, что они слишкомъ узки въ томъ, что преслѣдуютъ, и что придаютъ себѣ слишкомъ много значенія. Революціонеры не понимаютъ того, что отъ одного ихъ желанія передѣлать жизнь жизнь не передѣлается. Если бы они сами передѣляли себя, жизнь бы передѣлалась скорѣе.

Вечеромъ была музыка.

18 марта. Вотъ что отецъ сегодня говорилъ по поводу дѣла крестьянина Афанасія. — Дѣятельность въ области религіозной кажется неподотворной многимъ. Она не даетъ сейчасъ какъ будто ничего. Но важно дѣйствовать именно въ религіозной области, откуда все. Я самъ по себѣ чув-

Обстрѣлъ побережья.

СРЕДИ ВОЕННОЙ ГРОЗЫ.

На сѣверѣ Франціи въ полуразрушенномъ деревенскомъ храмѣ. Англійскіе солдаты на богослуженіи передъ боемъ. Среди нихъ—старый деревенскій католическій священникъ.

С. А. СВИРИДЕНКО.—авторъ перваго русскаго перевода скандинавскаго эпоса «Эдды», удостоеннаго Императорскою Академіею Наукъ полною преміею имени Ахматова въ 1911 г., авторъ оригинальной поэмы «Пѣснь о Сигурдѣ», удостоенной половиною Пушкинской преміи въ заведеніи 19 октября 1915 г.

ствую, какъ спокойно жить въ этой области,—заклучилъ онъ,—и въ старости это особенно пріятно. Это то несомнѣнное преимущество, которое даетъ старость. Знаешь, что скоро конецъ и потому куда не уходишь изъ той области, гдѣ настоящая жизнь. Тогда и живешь, какъ надо, т. е. настоящей минутой.

Сегодня прѣзжалъ Дм. Дм. Оболенскій. Отецъ, какъ всегда, былъ съ нимъ любезенъ и радъ ему, какъ старому знакомому. Говорилъ съ нимъ опять о старости и ея выгодахъ.

Онъ записалъ вчера въ своемъ дневникѣ нѣсколько мыслей о вредѣ и злѣ славы. Эти мысли занимаютъ его и беспокоятъ. Слава его тревожить.

24 марта. Сегодня говорилъ съ отцомъ интересно о литературѣ и литераторахъ.

— У Чехова нѣтъ руководящихъ идей, —сказалъ отецъ,—это его большой недостатокъ, и это очень трудно. Помню, что мнѣ это было особенно трудно съ «Войной и миромъ». Нужна всегда руководящая идея, и вокругъ нея злѣнить все остальное.

— У Андреева нѣтъ одного главнаго условія творчества,—чувства мѣры. Художество—это такое сильное орудіе, что имъ нельзя злоупотреблять. А то сейчасъ же все обезцѣнишь.

Сейчасъ отецъ занялъ Хаджи-Муратомъ, отбѣлкой его. Сестра Саша ему переписываетъ. Много гостей и суеты.

30 марта. На шоссе рабочіе сидятъ и съютъ щербень. Отецъ, гуляя, подошелъ къ нимъ и говорилъ.

— Трудная работа?—спросилъ онъ.

— Видите сами. Что же?! Такая наша дѣля,—отвѣчалъ рабочий съ перевязанными тремя ногами,—другіе люди, какъ цвѣты цвѣтутъ, а наша жизнь такая.

Вечеромъ отецъ читалъ воспоминанія Пассекъ о Герценѣ.

17 апрѣля. Вчера вечеромъ отецъ повторилъ свои мысли о томъ, какъ надо утѣшаться въ горѣ. Эти мысли отчасти навеяны ему Шопенгауеромъ.

— Есть три способа,—сказалъ отецъ,—во-первыхъ, вспомнить старыя, прежнія огорченія, давно прошедшія, но казавшіяся когда-то непоправимыми, во-вторыхъ, думать, что всякое горе посылается намъ для чего-нибудь и изъ каждаго горя можно извлечь себѣ выгоду; въ-третьихъ, думать о томъ, что есть много людей, у которыхъ огорченія больше твоего, и что я могъ бы страдать гораздо хуже и больше, чѣмъ страдаю.

Какъ-то вспомнилъ сегодня отецъ о своихъ старыхъ друзьяхъ: Леонидѣ Урусовѣ и Юрьевѣ, С. А.

— Оба эти человека,—сказалъ отецъ,—были изъ тѣхъ, которые до старости остались воспримчивыми. Это рѣдко. Они не были запечатаны воскомъ, какъ большинство.

24 апрѣля. Братъ Илья рассказывалъ объ убійствѣ Гончаровой.

Отецъ еще разъ вспомнилъ про Афанасія.

— А вотъ его наказали, и жестоко,—сказалъ отецъ,—и вдругъ полужорядно, полугрустно засмѣялся.

Потомъ вдругъ принялъ грустное выраженіе.

— Да,—прибавилъ онъ,—поразительно, какъ густа эта людность въ мѣрѣ. Мы не можемъ себѣ даже представить. И мнѣ, посвятившему жизнь на то, чтобы измѣнить взглядъ людей (хотя это нескромно говорить), особенно тяжело сознавать и видѣть это.

Отецъ читаетъ книгу Мечникова «Sur la Nature» и откровенно находитъ ее глупой. Про Кони говоритъ, что онъ его утомляетъ потому, что его надо слушать. Онъ Causeur de métier.

— Вотъ Д. А. Дьяковъ. Онъ тоже былъ отличный рассказчикъ,—сказалъ отецъ,—но онъ замолкалъ, когда его начинали слушать. А Кони, напротивъ, замолка-

Подпор. Г. М. Матвѣевъ, бывшій изъ германскаго плѣна.

етъ, когда его не окружаютъ слушатели. Сегодня отецъ говорилъ о войнѣ. Вспомнилъ Бессарабію, гдѣ онъ былъ подъ пулями, вспомнилъ Севастополь.

Л. Л. Толстой.

Поручикъ Наз. Юр. Румша, бывшій въ Швейцарію изъ германскаго плѣна и возвращающійся теперь въ Россію.

Редакторы: Б. А. Суворинъ. М. Н. Мазаевъ.

Изданіе Товарищества А. С. Суворина—«Новое Время».

УРАЛЬСКІЕ Драгоценные Камни
А. Ю. ПИЛСУДСКІЙ.
НЕВСКІЙ, 96 (уголь Надеждинской).
Изумруды, рубины, сапфиры, александриты, цирконы, топазы и пр. и пр.
Пріемъ и быстрое исполненіе заказовъ на всевозможныя ювелирныя надѣлы.
Художественная работа. Цѣны вѣтъ конкуренціи.
Телефонъ 168-95.

ОКРАСКА КОЖИ
на мебели въ новый видъ.
Апраксинъ, д. В. Луановъ. Телефонъ № 5-71.

ДЛЯ ПОХОДА
небывало свѣтло, долго горящіе
ЭЛЕКТРО-ФОНАРИ
ТЕРМОСЪ, КОМПАСЫ и проч.
Петроградъ, МОРСКАЯ, 33.
СКЛАДЪ НОВЫХЪ ИЗОБРЕТЕНІЙ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ «НОВОГО ВРЕМЕНИ»
ПРОДАЕТСЯ РОМАНЪ
А. К. ГРИНЪ
ВЪ ЛАБИРИНТѢ ГРѢХОВЪ
Цѣна 50 коп.

ТИХІЙ СВѢТЪ
ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ
ВАСИЛІА НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКА
Цѣна 75 коп.
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА.

Новая книга:
ГЕНРИЕТТА КАРГРЭМЪ.
КОКТАШДЖУЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА.
Повѣсть.—Цѣна 1 руб.
Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени»
и въ кіоскахъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ.

ГЕМОРРОЙ
При геморрой, запорахъ
слѣдуетъ, чтобы желудокъ не былъ переполненъ,
принимайте Стомоксигенъ Д-ра Антона Мейеръ.
Стомоксигенъ устраняетъ запоры, не раздражаетъ
кишечника и производитъ послабленіе по своему
дѣйствию близкое къ нормальному. Стомоксигенъ
абсолютно безвреденъ и отлускается изъ всѣхъ
аптекъ по рецептамъ врачей. Остерегайтесь изъ всѣхъ
дѣлокъ. На оригинальной коробкѣ имя Д-ра
Антоня Мейеръ выписано полностью.

ЗАПОРЫ
С. Фельд-Котце
ГИПНОТИЗЕРЪ
Романъ.
Изданіе А. С. Суворина.
Цѣна 1 рубль.

НОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

45

№ 14254

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 14-го (27-го) НОЯБРЯ 1915 ГОДА.

№ 14254

съ войны.

Наша батарея под Шлокомъ.

Рис. А. Державинъ (участникъ войны).

Корнетъ И. А. Сербиновичъ.
Награжденъ орденомъ св. Георгия 4 ст.

Полк. А. С. Карицкій.
Представленъ къ ордену св. Георгия 4 ст.

НА БАЛКАНСКОМЪ ФРОНТѢ.

Выгрузка припасовъ съ англійскихъ транспортовъ въ углу Салонинской гавани.

Зазимки.

I.

Аллея.

Путь получерный, полублѣдный,
Последнихъ листьевъ бахрому,
Осенний остовъ пожелтѣлый,
И заглянувшая зима...

въ аллею парка заустѣлой
О прошломъ тайна и вопросъ...
И женщина въ одеждѣ блѣдой,
Что плачетъ вѣчно и безъ слезъ...

II.

Угольки.

Я уйду въ уголокъ, затоплю камелекъ
И смотрѣть буду въ кроткій огонь,
Я забудусь въ мечтахъ, въ тихихъ про-
шлаго снахъ...
Ты меня не зови и не тронь.

Будутъ искры огня тихо вѣжить меня
И подъ пепломъ дремать угольки,
Будутъ тихо дремать, умирать, умирать.
Догорять, какъ и въ насъ, огоньки.

Старость забнеть легко, все у ней далеко,
Старость ищетъ чего-то въ золѣ:
Неотлѣвшихъ углей, прошлыхъ солнеч-
ныхъ дней,—
Страшно ей оставаться во мглѣ.

Я уйду въ уголокъ, затоплю камелекъ
И смотрѣть буду въ кроткій огонь,
Я забудусь въ мечтахъ, въ тихихъ про-
шлаго снахъ...
Ты меня не зови и не тронь.

Н. Визде.

Ген.-м. А. А. Бабочкинъ.
Контуненъ. Награжденъ орденомъ
св. Георгия 4 ст.

Поруч. М. С. Скрягинъ.
Награжденъ орденомъ св. Георгия 4 ст.

Г. Г. ЕНЕЗЕ, бывший главный доктором госпиталя с 1869—1885 г. Основатель благотворительное общество при госпитале.

Почетн. лейб-медикъ В. Н. РАМЕХЪ, бывш. главн. докторомъ госпиталя с 1892—1908 гг. Много содѣйствовалъ процветанію и благоустройству госпиталя.

КЪ 200-ЛѢТІЮ ПЕТРОГРАДСКАГО МОРСКАГО ГОСПИТАЛЯ, ТЕПЕРЬ «ПЕТРОГРАДСКАГО АДМИРАЛТЕЙСКАГО ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО ГОСПИТАЛЯ».

См. «Нов. Вр.» № 14287.

Главное здание госпиталя въ Петроградѣ, на р. Фонтанкѣ, у Калинина моста.

Съ фот. К. К. Булла.

Лейб-медикъ А. Ю. ЗУЕВЪ, бывший главный докторъ госпиталя, теперь главный санитарный инспекторъ флота.

А. Д. РОНЧЕВСКІЙ, нынѣшній главный докторъ морского госпиталя.

Завоеватель жизни.

I.

А вѣдь это шалопай Яшка первый по-советовалъ Дѣлягину завести у себя въ трактирѣ женскій оркестръ и «пѣвцу оного, какъ никто, уважить хорошаго французскаго жанра». Скоро рѣшили пригласить еще весь малороссійскій хоръ Марусиной и знаменитую «кабаретистку» Дагмару Зерцалову.

Шибко пошли съ тѣхъ поръ дѣла въ шалопай, впрочемъ, изъ-за молодости лѣтъ. Хорошая грамотность и некоторое знаніе французскаго языка сдѣлали его человѣкомъ, совершенно незамѣнимымъ для составленія забавно-интригующими статей карточекъ съ интригующими названіями блюдъ. И когда Яшка для требуемыхъ постоянно «апаръ-кабинетовъ» пришлось нанять почти цѣлый этажъ смежнаго дома.

И публика приходила сюда не какаибудь третьеразрядная, норовишая, какъ бы это отдѣлаться подешевле,—наоборотъ, стали приходить люди денежные, и свое удовольствіе расходовъ не жалѣвшие: только уважь! Такіе, которымъ куда стѣснительны эти французскіе порядки барскихъ ресторановъ: ни тебѣ вышты, какъ слѣдуетъ, ни громко мнѣніе свое высказать.

— А вѣ да Яшка,—весело говаривалъ старикъ Дѣлягинъ, принимая кассу отъ дочери, отъ курьесой и бѣлокурой, немного рабой и очень полной Софьи Гордѣвны—лѣтницы весьма степенной для своихъ двадцати лѣтъ:—шалопай, шалопай, а разумѣніе имѣеть. Будетъ у меня скоро первый человѣкъ. Вотъ увидишь.

— Я и не сомнѣвался,—отвѣтила степенная Софья Гордѣвна и почему-то покраснѣла—густымъ, темнымъ румянцемъ.

Яшка былъ ихъ дальній родственникъ, сынъ бѣдныхъ и скромныхъ людей, выплывавшій изъ пятого класса гимназіи, на котораго и родители, и начальство окончательно махнули рукой. Лгунъ и мелкій ворюшка съ малолѣтства, онъ иначе, какъ шалопаемъ, никогда не прозывался,—ни дома, ни въ школѣ, ни даже въ трактирѣ Дѣлягина, куда пональ уже лѣтъ двадцати, послѣ ряда очень неудачныхъ и тяже-

лыхъ смитаній, даже, кажется, кратко-спленъ въ распознаваніи виллиныхъ марокъ временнаго пребыванія въ тюрьмѣ. и могъ категорически завѣрить, какое — Ладно, посмотрю, авось—приходишь-шампанское пьютъ маркизы во Франціи, ся,—отвѣчалъ Дѣлягинъ, когда Яшка какое лорды въ Англій, и какое погребля-явился къ нему полугодный, просясь ютъ кардиналы въ Римѣ.

И это опять-таки онъ настоялъ на приглашеній въ трактирѣ женщинъ,—женскаго оркестра и пѣвчечекъ. Софья Гордѣвна была вначалѣ противъ. А между тѣмъ доходы предпріятія увеличились ложительно въ десять разъ. Тутъ ужъ роль Яшки разрослась настолько, что можно сказать съ полной очевидностью: безъ него бы дѣло не продержалось и одной пѣвчечки, хотя и съ прозвищемъ «Яшка-Гордѣй Дѣлягинъ, который собиралъ ба-матр д'отеля, очень популярнаго и лю-ка сказать съ полной очевидностью: безъ него бы дѣло не продержалось и одной пѣвчечки, хотя и съ прозвищемъ «Яшка-Гордѣй Дѣлягинъ, который собиралъ ба-матр д'отеля, очень популярнаго и лю-ка сказать съ полной очевидностью: безъ него бы дѣло не продержалось и одной пѣвчечки, хотя и съ прозвищемъ «Яшка-Гордѣй Дѣлягинъ, который собиралъ ба-

полное повиновеніе. И это опять-таки онъ настоялъ на приглашеній въ трактирѣ женщинъ,—женскаго оркестра и пѣвчечекъ. Софья Гордѣвна была вначалѣ противъ. А между тѣмъ доходы предпріятія увеличились ложительно въ десять разъ. Тутъ ужъ роль Яшки разрослась настолько, что можно сказать съ полной очевидностью: безъ него бы дѣло не продержалось и одной пѣвчечки, хотя и съ прозвищемъ «Яшка-Гордѣй Дѣлягинъ, который собиралъ ба-

полное повиновеніе. И это опять-таки онъ настоялъ на приглашеній въ трактирѣ женщинъ,—женскаго оркестра и пѣвчечекъ. Софья Гордѣвна была вначалѣ противъ. А между тѣмъ доходы предпріятія увеличились ложительно въ десять разъ. Тутъ ужъ роль Яшки разрослась настолько, что можно сказать съ полной очевидностью: безъ него бы дѣло не продержалось и одной пѣвчечки, хотя и съ прозвищемъ «Яшка-Гордѣй Дѣлягинъ, который собиралъ ба-

въ адмиралтѣйскомъ госпиталѣ.

«Здравница» госпиталя для леченія туберкулезныхъ больныхъ.

ихъ съ посѣтителями, распредѣлялъ кабинеты; онъ же ладилъ и обдѣлывалъ всѣ нужныя дѣла съ полиціей и ловко умѣлъ предупреждать возникавшій скандалъ. Даже степенная и строгая Софья Гордѣвна совершенно перемѣнила свое прежнее мнѣніе и стала ему вполнѣ довѣрять. Ихъ часто видѣли серьезно бесѣдующими въ свободное время. Но они замолкали, когда появлялся слушатель,—и густой румянецъ ударалъ въ полныя щеки дѣвушки. А когда кто-то изъ пѣвчечекъ,—кажется, Зерцалова,—сказала однажды: «Этотъ Яшка-шалопай»,—такъ Софья Гордѣвна ее сурово оборвала: «Далъ васъ онъ Яковъ Васильевичъ».

Случались, конечно, непріятности и съ Яшкой, несмотря на всю его ловкость въ общеніи съ посѣтителями, на его скромность и солидность не по годамъ. Таковы ужъ неизбежныя трактирные правы. Попададо ему иногда, пьянымъ дѣломъ, отъ расхворавшихся купцовъ.

Только потомъ мирились, вмѣстѣ на брудершафтѣ пили. Яшка дорожилъ хорошими посѣтителями и дорожилъ своимъ мѣстомъ матрѣ д'отеля-распорядителя.

II.

Прочая въ газетѣ траурное объявленіе: Яковъ Васильевичъ Новокумовъ съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщаетъ о смерти горячо любимой супруги своей.—Софьи Гордѣвны.

А послѣ похоронъ сошлись на помпальномъ обѣдѣ въ квартирѣ Якова Васильевича, на Забалканскомъ. Тутъ были: и приставъ, и жандармскій полковникъ, и какой-то чиновникъ изъ министерства, и адвокатъ, любившій сытную ѣду, и когото изъ извѣстныхъ купцовъ, и батюшка, отецъ Спиридонъ, и еще одинъ странный человѣчекъ, въ полумонашескомъ одѣянн и босой, по рѣчамъ будто юриденскій, но съ хитрыми, бѣгающими глазами.

— Вы, батюшка, какую: обыкновенную, перцовую или польскую?—угощай сановитый усачъ, жандармскій полковникъ.

— Во благовременіи и та, и другая полезительны,—отвѣчалъ тонкимъ голосомъ, разглаживая бороду, отецъ Спиридонъ.

съ подарками на передовыхъ позиціяхъ.

Гр. М. А. Калнисть на позиціяхъ 7-го Сибирскаго полка во время раздачи подарковъ нижнимъ чинамъ.

Послѣ раздачи подарковъ на артиллерійской позиціи.

А пузатый адвокатъ, завѣсивъ себя салфеткой, какъ началъ уписывать записки.—и семгу, и икру, и жирную бѣлорыбцу,—такъ только мычалъ въ отвѣтъ собесѣдникамъ, выпаливая глаза.

За то приставъ Дивохонерскій, стройный и еще молодой, сердцѣдъ и дамскій угодинокъ, человекъ краспорѣчій «самаго юбилейнаго», какъ о немъ все говорили, сказалъ къ случаю прочувствованное слово, поманулъ съ дрожью въ голосѣ покойницу, эту «по-истинѣ патриархальную» жену, мать и хозяйку, и пожелалъ счастья, здравія и дѣловыхъ успѣховъ «безвременно покинутому вдовцу», съ которымъ тѣмъ же образомъ и съ видимымъ удовольствіемъ облобызался.

Да!.. Яковъ Васильевичъ Новокумовъ теперь уже подлинно не Яшка-шалопай. Ни кому и въ голову не придетъ. А въдъ прошло съ того времени всего только девять лѣтъ,—семь лѣтъ недавно минуло со дня свадьбы съ Софьей Гордѣевоной, четыре года, какъ сошелъ съ ума старикъ Дьягинъ и какъ проданъ въ чужія руки «Пароенонъ». Дьягиню очень плохо, тоже долго не протянетъ, онъ уже впалъ въ окончательный идиотизмъ, а былъ изъ буйно помѣшанныхъ, съ большимъ трудомъ его упрятали. Вотъ Дивохонерскій—тогда еще помощникъ пристава—всю эту исторію хорошо знаетъ: Дьягина нельзя было оставить на свободѣ.

Яковъ Васильевичъ по довѣренности жены и съ согласія опеки продалъ «Пароенонъ». Гдѣ жъ ему по столамъ-то расхаживать, да пьяную публику ублажать! А безъ постоянной собственной заботы дѣло не клеилось. Еще съ женитбы сталъ онъ другимъ человекомъ, почву подъ ногами почувствовалъ. Быстро и ловко втерся въ самую гущу, гдѣ копошится и рождаются деньги,—пригодился тутъ, видно, бывше трактирные брудершафты.

Онъ и въ подрядахъ разныхъ участвовалъ и земли какія-то пригородныя съ выгодой для себя перепродавалъ, онъ все время вертѣлся около денежныхъ сдѣлокъ, зналъ, кому нужна наличность, и гдѣ ее достать подъ вѣрное обезпеченіе. А главное—умѣлъ съ людьми заить,—съ купеческимъ сословіемъ и, когда понадобится, съ администраціей.

Только вотъ въ семейной жизни не очень-то былъ счастливъ. Изъ тронхъ дѣтей одна дѣвочка выжила, а съ Софьей Гордѣевоной отношенія—скрывать нечего—дѣлались изъ года въ годъ хуже. Она была женщина упрямая, въ себѣ замкнутая, что называется—съ характеромъ. Вначалѣ-то поддерживала мужа, сочувствовала его дѣламъ, а потомъ, какъ съ ума сошелъ старикъ Дьягинъ, пошли между ними большія ссоры. Софья Гордѣевна даже довѣренность отбирала и грозилась какими-то обвиненіями,—еле-еле ее Ди-

тутъ все поднялись съ мѣсть: такая волна все-таки дѣлать, что мнѣ вздумается. Во-вторыхъ, я не стану жалѣть и считать денегъ. Я не собираюсь васъ разорять, но я буду жить, какъ живутъ въ порядочномъ обществѣ. Мои условія приняты?

III.

— Я хорошо обдумала ваше предложеніе и я на него соглашаюсь,—сказала она спокойно, войдя въ комнату и глядя на собесѣдника очень внимательно и просто, безъ всякаго смущенія.

«Да, онъ совсѣмъ, совсѣмъ приличный»,—рѣшила она.

Передъ нею дѣйствительно стоялъ человекъ, котораго нельзя было не признать приличнымъ: таковъ именно былъ его ростъ, такова была его акуратная черная борода и ширина плечъ—умѣренная, но вмѣстѣ съ тѣмъ солидная.

— Я очень на это рассчитывалъ,—сказалъ онъ,—и вы не прогадаете.

Онъ въ свою очередь окинулъ ее быстрымъ, пронизательнымъ взглядомъ.

«Красивая женщина», подумалъ: «такой еще у меня не было... Барыня»...

Она крѣпко пожала ему руку, зашевеливъ цѣпью браслета, и быстро ее вырвала, точно намѣренно, такъ что онъ не успѣлъ даже поцѣловать.

— Садитесь,—сказала она:—намъ надо еще поговорить. Это будетъ, можетъ быть, повтореніе, но я хочу точно условиться.

Она сѣла въ кресло, поправила прическу и остановила на немъ красивые свѣтлые глаза.

— Женой вашей я быть согласна, но на условіяхъ, какъ вы знаете: во-первыхъ, я принадлежу сама себѣ. Это не значитъ, что я не буду никогда принадлежать вамъ,—она засмѣялась,—но я

во-вторыхъ, я не стану жалѣть и считать денегъ. Я не собираюсь васъ разорять, но я буду жить, какъ живутъ въ порядочномъ обществѣ. Мои условія приняты?

— Все это мнѣ извѣстно,—спокойно отвѣтилъ онъ.

— Теперь мои обязанности: помощь въ вашихъ дѣлахъ? Приемы нужныхъ людей? Хорошо поставленный домъ? Когда понадобится—близкое знакомство? Сохраненіе близости съ княземъ? Такъ?

Онъ утвердительно двинулъ головой и кашлянулъ въ сторону.

— Хорошо. Я уже все обдумала, и я соглашаюсь... Ну, а теперь скажите,—взглядъ ея глазъ сталъ вдругъ мягче, почти нѣженъ, и въ голосѣ послышались грудныя, низкія ноты,—вѣдь мы уже неужие, соглашеніе состоялось, скажите: это князь вамъ посоветовалъ сдѣлать мнѣ предложеніе? Вѣдь это его мысль?

— Не стану скрывать: мы съ княземъ говорили.

— Я такъ и думала, конечно... А, впрочемъ, такой планъ насъ всѣхъ устраиваетъ...

Она шевельнула плечомъ и сдѣлала гримасу губами.

— Да, это, пожалуй, лучшее...

Князь Чурай-Соломихинъ, о которомъ шла рѣчь, былъ человекъ довольно извѣстный не только среди многочисленной родни и знакомыхъ, но и вообще въ Россіи, за послѣднее время—въ дѣловомъ мѣрѣ. Онъ началъ блестящую административную карьеру, женившись на дочери виднаго въ свое время сановника, но красивой и не очень уже молодой, но быстро обезпечившей ему постъ губернатора. Здѣсь князь себя держалъ съ несомнѣннымъ тактомъ и ловко умѣлъ двигаться среди разнообразныхъ теченій, не слишкомъ наклоня свой слегка полнѣющей станъ изящнаго эцикурейца ни вправо, ни влѣво. Онъ одинаково пользовался и довѣріемъ въ министерствѣ, и симпатіями мѣстныхъ либеральныхъ газетъ, а въ сущности, жилъ въ свое удовольствіе, весьма равнодушный къ политикѣ и очень равнодушный къ женскому персоналу гастролирующихъ опереточныхъ труппъ. Тѣмъ не менѣе его всегда выдвигали, какъ молодую бюрократическую силу.

Но административная звѣзда сановнаго теста вдругъ сразу померкла на горизонтѣ, и безъ этого руководящаго свѣта князь скоро потерялъ равновѣсіе. Впрочемъ, онъ ужъ и такъ тяготился своими сложными полномочіями, а главное—не хватало для жизни денегъ. Все ярче рисовались ему новыя перспективы, и дѣйствительно—по прїѣздѣ въ столицу удалось, выйдя въ отставку, демонстративно опереться на сорокатысячный окладъ директора одного крупнаго промышленнаго предпріятія.

на войнѣ.

Раздача пищи солдатамъ. Съ фот. Э. Г. Шубской-Корсаковой, въ Москвѣ.

Воевода ПУТНИКЪ,—начальник штаба сербской армии, руководитель всех сербских военных сил.

Полковникъ Фирно ПАВЛОВИЧЪ,—правая рука воеводы Путника.

Как человек с хорошими связями и бывший администратор, князь постоянно выбирался во всевозможные совещания, он импонировал чиновникам и коммерсантам и скоро сосредоточил в своих руках представительство уже нескольких обществ, соответственно увеличив свой заработок почти втрое. Но дядя он в сущности не знал и всегда нуждался в осведомителях. В этой роли к нему понемногу приблизился некто Новокумовъ, самъ, видимо, мѣтивший въ большіе люди, но пока оставивший въ тѣни—еще сравнительно молодой, безъ вліятельной поддержки.

Этот скромный, прилично одѣтый, знавший свое мѣсто человекъ, дѣлалъ все болѣе и болѣе необходимымъ для князя. Видѣлись они постоянно, даже какъ-то подъ пьяную руку выпили на ты.

И вот однажды—послѣ обѣда въ ресторанѣ—князь предложилъ познакомиться его съ одной интересной женщиной.

Они пріѣхали въ небольшую, изящно обставленную квартиру, гдѣ ихъ встрѣтила молодая, нарядная, дѣйствительно красивая хозяйка.

На Новокумова она произвела очень большое впечатлѣніе. «Вот настоящая аристократка,—подумалъ онъ:—вотъ какъ надо одѣваться и какъ надо себя держать,—не то, что наши кухарки и прачки».

— Хороша?—спросилъ князь, когда они сѣли въ сани.

— Очень хороша,—искренно отвѣтил Новокумовъ.

Онъ, конечно, понялъ, что эта женщина—любовница князя, а скоро разузналъ о ней и остальное. Дѣвушка изъ дѣйствительно хорошей семьи, она сначала пошла на сцену, а вотъ уже три года, какъ сошлась съ княземъ, который обѣщалъ на ней жениться. Но жена развода не давала, да, повидимому, и самъ князь сталъ медлить рѣшительными мѣрами,—словомъ, ея положеніе дѣлалось тяжелымъ: остаться просто содержанкой, или опять идти на сцену?

Князь сталъ часто къ ней заходить Новокумова, и тотъ не противился.

— А вѣдь она тебѣ, кажется, нравится?—спросилъ князь.—хочешь, посватаю?

«Эге, вотъ оно что!»—подумалъ Новокумовъ, но ничего не отвѣтилъ, только постарался громко разсмѣяться, какъ милой шуткѣ.

А вечеромъ задумался внимательнѣй. И потомъ поѣхалъ къ ней раза два уже одинъ, безъ князя. Потомъ заговорилъ съ княземъ за ужиномъ въ ресторанѣ,—говорили просто и откровенно, и на другой день у нея обѣдали. Потомъ еще два раза былъ у нея, потомъ написалъ ей письмо и пріѣхалъ за окончательнымъ отвѣтомъ.

IV.

Изъ большого гастрономическаго магазина на Невскомъ выходили два барина. Швейцаръ выскочилъ ихъ провожать на улицу, а приказчикъ, уже уложивъ покупки въ автомобиль, ждалъ въ почтительной позѣ около дверцы.

— Все тутъ?

— Въ исправности, Яковъ Васильевичъ. Счастливо доѣхать.

И щегольской автомобиль, съ круглымъ верхомъ, мягко и плавно двинулся по Невскому, завернувъ потомъ на Садовую, къ Невѣ.

Тепло было сидѣвшимъ,—ихъ не денюга морозный воздухъ уже умиравшаго солнечнаго дня глубокой осени. Они курили сигары и разговаривали, какъ въ комнатѣ.

Яковъ Васильевичъ Новокумовъ почти не измѣнился за эти послѣдніе двѣнадцать лѣтъ, только немного пополнѣлъ и пріосанился: приобрѣлъ что-то спокойно-барственное и въ выраженіи лица, и въ тонѣ, и въ движеніяхъ. За то его собственникъ—князь Соломихинъ—постарѣлъ замѣтно: потемнѣла кожа, легли морщины. Но держался ничего, молодцомъ, не теряя обычно веселаго настроенія, и старательно красилъ волосы и усы.

— Такъ этотъ инженеръ,—говорилъ князь,—совѣтуетъ заняться Монголіей.. Ха-ха-ха!..

— Чудакъ!—небрежно опредѣлялъ Новокумовъ.

— Еще бы! Въ лучшемъ случаѣ какіе-нибудь двѣдцать—двѣдцать пять процентовъ. При этомъ несомнѣнный рискъ, громадная затрата труда и денегъ... И онъ думалъ, что ты пойдешь?

Новокумовъ двинулъ бровями и рукой, выразивъ полное недоумѣніе.

— Есть же такіе чудакъ,—продолжалъ князь:—здѣсь люди теперь нажимаютъ дѣйствію процентовъ безъ всякаго риска и не двигаясь съ мѣста, а онъ предлагаетъ какую-то тамъ Монголію...

Генераль ГАЛЛИЕНИ, военный министр въ новомъ французскомъ кабинетѣ.

У чорта на куличахъ... Что же ты ему сказалъ?

— Этого, разумеется, я не сказалъ, но все же...

— Все же даль понять, что съ дураками не разговариваютъ?

Адмираль ЛАНАЗЪ, новый французскій морской министръ.

ВЪ СЕРЕСКОЙ АРМИИ.

Сербскіе пѣхотинцы въ пути на передовыя позиціи.

Новокумовъ даже не кивнулъ, а только моргнулъ, ласково улыбувшись.

Было по всему видно, что положеніе теперь уже совсемъ иное. Первый человекъ уже изъ нихъ Новокумовъ, и заискивается и приспосабливается теперь князь.

— А графиня Займищевна у тебя была?

— Да, пріѣзжала. Она проситъ помочь въ завтрашнемъ сборѣ. Жена участвуетъ.

— А лазаретъ графини открываетъ?—Если я дамъ денегъ,—улыбулася Новокумовъ.

— Но ты, конечно, дашь?

— Дамъ.

— Однако тебѣ твои лазареты дорого стоятъ...

Новокумовъ глотнулъ дымъ сигары и прищурился.

— Ничего, выдержимъ... Пусть все, какъ оно есть, подольше продолжается, а это выдержимъ.

Князь засмѣялся.

— Я ужъ слышалъ въ банкѣ, что диви-

НА ВОЙНѢ ВЪ РИЖСКОМЪ РАЙОНѢ.

На «поворотъ» въ Н—омъ паркъ.
Рисов. А. Пржецлавскій (участникъ войны).

дендь у васъ будетъ въ этомъ году исключительный...

— Жаловаться не можемъ. Такой дивидендъ,—прибавилъ онъ лукаво и подружески похлопавъ руку на плечо князя,—что и показать-то его неудобно. Придется какъ-нибудь этапъ подь маской...

— Ну, вы умѣете...
Новокумовъ, прищурившись, смотрѣлъ въ окно,—хитрый, самодовольный.

Скользили мимо красивые фасады Каменноостровскаго, гдѣ въ каждомъ бельэтажѣ, въ шести, восьми и десяти тысячныхъ квартирахъ живутъ богатые, завоевавшіе свое мѣсто въ жизни люди. Многихъ изъ нихъ онъ теперь знаетъ, знаетъ хорошо, какъ были завоеваны эти роскошныя квартиры. А вѣдь бродилъ и онъ по холоднымъ улицамъ этой самой столицы, иногда не зная, гдѣ ночевать,—и какъ недоступны казались большіе, красивые дома. Странно вспомнить.

Впрочемъ, такихъ красивыхъ и такихъ большихъ тогда еще не было, въ особенности на Каменноостровскомъ,—здѣсь все тѣнулось огородами. Это за самое послѣднее время пришли сюда новые завоеватели, поселившіеся въ новыхъ дворцахъ...

Автомобиль мчитъ мимо, пересѣкая рѣчку, еще не замерзшую, величественную. Только зелени уже нѣтъ на Каменномъ островѣ.

Вотъ мелькнулъ флагъ съ Краснымъ Крестомъ надъ лазаретомъ Новокумова, вотъ и его домъ, гдѣ онъ постоянно живетъ. Въѣхали въ рѣшетчатые ворота, захрустѣвъ пескомъ у подъѣзда.

На лѣстницѣ встрѣтился мальчикъ—лѣтъ восьми, крѣпкій, хорошецкій, краснощекий, выходявшій въ садъ въ сопровожденіи догвозляой бонны, повидимому, Англичанки.

— А! Василій Яковлевичъ,—весело его приветствовалъ князь,—здравствуй, молодчинка, здравствуй!

И высоко поднятый Василій Яковлевичъ радостно заболталъ въ воздухъ но-

ПОДВИГИ НѢМЦЕВЪ ВЪ НѢМЦИХЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯХЪ. — Изъ серіи нѣмецкихъ открытых писемъ, изданія придворнаго фотографа Кюлевиндта,—официальнаго фотографа на театрѣ войны.

Полковая церковь въ Сувалкахъ, превращенная Германцами въ провіантскій складъ. Въ настоящее время церковь ограблена и все имущество ея вывезено въ Германию.

СУВАЛКИ.—Назармы въ Сувалкахъ, превращенная Нѣмцами въ лазаретъ для русскихъ солдатъ.

гами. Онъ обожалъ дядю-князя, который съ нимъ постоянно возился и баловалъ, какъ родного сына.

— Весной жду еще,—таинственно сообщила Новокумовъ, когда она подымалась дальше.

— Слышать, слышать,—откликнулся князь.

Въ роскошной гостиной, куда они вошли, съ гобеленами, бронзой и золоченой мебелью, имъ подиался навстрѣчу молодой человекъ въ безукоризненномъ смокингѣ, длинный, натянута-морщинистый, съ безукоризненнымъ проборомъ.

— Мое почтеніе, баронъ,—привѣтствовалъ его Новокумовъ,—вы одинъ?

Въ ту же минуту изъ-за портьеры появилась дѣвушка—небольшая, полная, въ костюмѣ сестры милосердія, съ очень простымъ курносомъ лицомъ, но разбитная, жизнерадостная.

— Ахъ, это вы... А я шла переодѣться... Я только что изъ лазарета, да вотъ заговорила съ барономъ...

Она скосила глаза на молодого человека. — А я васъ сегодня, господа, выдалъ,— сказалъ Новокумовъ:—меня столько допрашивала графиня Займицева,—«правда ли что баронъ Боргенъ женится на вашей дочери», что я, наконецъ, признался.

— По-моему, это уже не секретъ,— произнесъ баронъ, какъ всегда отчетливо и съ достоинствомъ.

— Конечно, не секретъ,—подхватила дѣвушка и повернула голову, обрисовать передъ отцомъ свой курносый профиль.

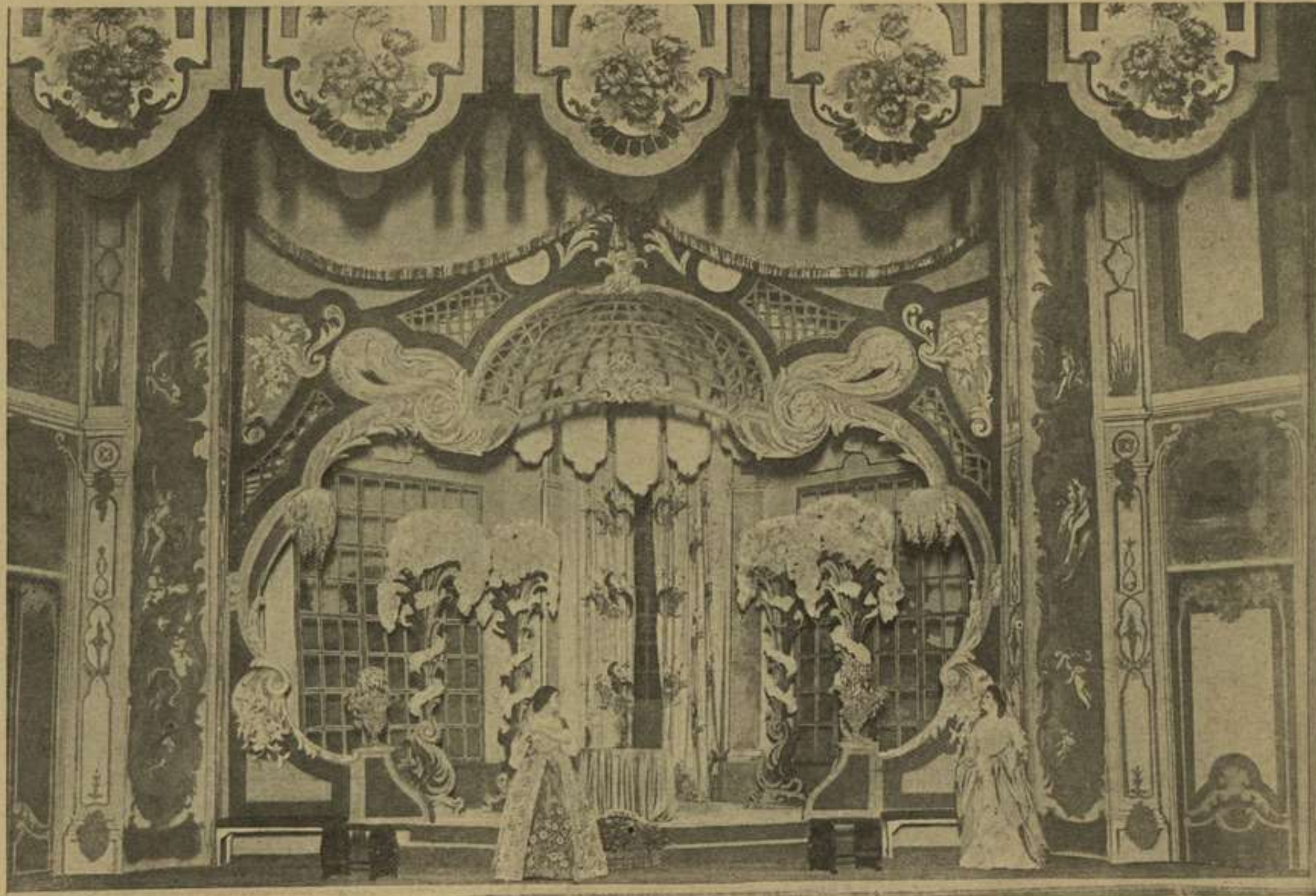
«Подлое-то происхожденіе», досадливо подумалъ Новокумовъ: «вылитая мамаша —Софья Гордѣевна».

Оставивъ дочь съ барономъ и съ княземъ, онъ прошелъ въ комнату жены.

— Войдите,—раздался ей мягкій голосъ, въ отвѣтъ на осторожный стукъ.

Она сидѣла въ свѣтломъ пенюарѣ передъ письменнымъ столомъ, еще не причесанная къ обѣду, и ожидала парикмахера. Она пополѣла и, пожалуй, чуть-чуть постарѣла, во всякомъ случаѣ имѣла не-

«АДРИЕНА ЛЕНУВЕРЪ», Е. СИРКЕА И Э. ЛЕГУБЪ, НА СЦЕНѢ ТЕАТРА А. С. СУВОРИНА ВЪ ПЕТРОГРАДѢ.

3-я акт драмы—сцена въ домикъ Донло.—А. А. СУВОРИНА въ заглавной роли и г-жа СОРОКИНА—Дюлло.

Декорация по эскизу художника Я. В. Гурецкаго.

много усталый видъ, но была еще очень хороша.

Новокумовъ почтительно поцѣловалъ ей нѣжную руку.

— Тебѣ звонила графиня Займищова? — спросилъ онъ.

— Да, я сговорилаась...

— У насъ сегодня обѣдаетъ еще и Моллеръ. А, можетъ быть, придетъ графъ Займищевъ, если успеетъ.

Новокумовъ скользнулъ взглядомъ по ея письменному столу и остановился на одной карточкѣ, подписанной какими-то каракулями. Это былъ портретъ во весь ростъ того страннаго человека—босого и юрлиценскаго, съ которымъ онъ давно знался.

— А ты съ нимъ сегодня говорила?

Она утвердительно качнула головой.

Новокумовъ еще разъ поцѣловалъ руку жены.

— Ну, а теперь новость,—весело сказалъ онъ:—я получаю дѣйствительнаго статскаго...

— Поздравляю,—спокойно отвѣтила она.

Доложили, что ждетъ парикмахеръ,—и Новокумовъ вышелъ.

Онъ направился прямо въ буфетъ распорядиться привезенными закусками и кстати повидать повара.

Любилъ онъ заняться самъ и сервировкой стола, и составленіемъ меню, любилъ бесѣдовать съ главнымъ поваромъ и поражать его иногда внезапнымъ творчествомъ новыхъ блюдъ съ самыми удивительными, забористыми названіями. Известный гастрономъ графъ Займищевъ подаромъ клялся всѣмъ своимъ знакомымъ, что онъ нигдѣ такъ вкусно не ѣстъ, какъ у красавицы m-me Новокумовой...

В. Опочининъ.

Мелочи.

Анестезирующія средства въ древности.

«Scientific American» помѣщаетъ статью доктора Фентона, касающуюся вопроса объ анестезирующихъ средствахъ въ глубокой древности. Анестезія въ медицинѣ примѣняется при серьезныхъ операціяхъ и является искусственнымъ

уничтоженіемъ чувствительности организма, достигаемымъ при помощи эфира, кокаина, хлороформа и т. д. Въ обществѣ составилось убѣжденіе, что анестезированіе есть достояніе новейшей медицинъ. Докторъ Фентонъ опровергаетъ это мнѣніе. У Гомера мы находимъ указаніе на примѣненіе конопли, какъ анестезирующаго средства. Геродотъ отмѣчаетъ объ употребленіи у Скивовъ и Аровъ конопли въ тѣхъ же цѣляхъ. Ко-

ноплиное сѣмя клали на раскаленные камни, и такимъ примитивнымъ способомъ получались анестезирующія пары. Китайскіе хирурги третьяго столѣтія до Р. Хр. примѣняли тоже коноплю при операціяхъ. Наиболее известнымъ анестезирующимъ средствомъ древности и среднихъ вѣковъ былъ сокъ мандрагоры, смѣлку на который мы находимъ, между прочимъ, у Шекспира. Значительно позже, въ 1760 году, германскій хирургъ Вейсъ, известный также подъ именемъ Альбинуса, отпилъ ногу короля польскаго Августа III, пользуясь для облегченія боли также настояшкой мандрагоры.

Помимо этихъ средствъ часто примѣнялись еще гипнотизмъ и сжатіе артерій. Известно, что Ассирійцы могли добиться летаргическаго сна, какъ результата сжатія артерій. Въ наши дни эти первобытные способы съ успѣхомъ замѣнены примѣненіемъ хлороформа и т. п. средствъ.

ВЪ НѢМЕЦКОМЪ ОРКЕСТРѢ.

Прологъ изъ оп. «Паяцы» на Балканскомъ театрѣ.

Карикатура Алова.

„Крестная“ плѣнныхъ.

Французскія женщины провели въ жизни очень симпатичное и гуманное начинаніе. Заботясь о судьбѣ своихъ плѣнныхъ соотечественниковъ, онѣ организовали своего рода корпорацію «крестныхъ матерей французскихъ плѣнныхъ», имѣющую цѣлью облегчить, насколько возможно, положеніе плѣнныхъ Французовъ въ концентраціонныхъ лагеряхъ «культурной» Германіи. Эта корпорація насчитываетъ теперь уже свыше 5.200 женщинъ-членовъ. Каждая «крестная» проситъ у главнаго штаба удѣлить ей известное количество плѣнныхъ, организуетъ сборы въ пользу своихъ пріемныхъ сыновей и беретъ на себя всѣ заботы о нихъ.

Она и ея помощницы пишутъ имъ письма съ далекой родины, ободряютъ ласковымъ словомъ, освѣдомляются объ ихъ нуждахъ и отправляютъ регулярно посылки съ бѣльемъ и пищевыми припасами.

Нѣкоторыя изъ такихъ крестныхъ берутъ на себя до 200 плѣнныхъ. И это неудивительно: вѣдь всѣ молодыя дѣвушки и женщины любого провинціалнаго городка съ радостью принесутъ свой трудъ и свои сбереженія, если на мѣстѣ есть энергичная инициаторша-«крестная».

Х ОСЕННЯЯ ВЫСТАВКА КАРТИНЪ 1915 Г.

Графъ Н. де-ЛАЛЭНГЪ.—Портретъ раб. художн. Е. Н. Клачевой.

«НА УЛИЦѢ».—Рисунокъ Е. Н. Клачевой. Съ фот. Ксен. Гамбюцкой.

Перелетныя птицы и война.

Натуралисты отмѣчаютъ большія пере- мѣны въ маршрутахъ перелетныхъ птицъ и объясняютъ это явленіе войною, охватившей почти все страны Европы. Уже осенью прошлаго года было отмѣ- чено, что ансты покинули югъ Россіи и Галлію на цѣлый мѣсяць ранѣе обыч- наго срока. Растерянные птицы задержа- лись въ Австріи, гдѣ и заполнили на

долгое время села и городки, лежавшіе по пути ихъ слѣдованія на югъ. Лѣто 1915 года принесло еще больше сюрпри- зовъ въ этой области.

Мѣста, изобиловавшія всегда дичью, опустѣли въ этомъ году и, наоборотъ, многія мѣстности, не посѣщавшіяся до сихъ поръ птицами, стали раемъ для охотниковъ.

Любопытно отмѣтить, напримѣръ, что

въ Люксембургѣ въ текущее лѣто замѣ- чалось полное отсутствіе перелетныхъ птицъ, лѣса совершенно опустѣли, и— что раньше было бы невозможной вещью,—къ осени все дороги и площади, на которыхъ кавалерія кормила лоша- дей, покрылись густыми всходами овса. Прежде птицы, весомѣнно, поклевали бы все зерно, упавшія на землю.

Редакторы: В. А. Суворинъ. М. Н. Мазаевъ.

Издание Товарищества А. С. Суворина— «Новое Время».

БИБЛІА

полная на русскомъ яз. съ параллел. мѣст. и указател., печать Синодальной типографіи, иллюстрирована въ текстѣ 208 художест- КАРТИНАМИ, размѣр. кн. венными 6x4 верш., 2 толщ., вѣс. 9 ф., 1550 стр., въ прочн. кра- сив. тисн. золотомъ полукожан. перепл. съ колленкор. футл., ц. 5 р. 50 к., съ перес. Евр. Рос. 6 р. 15 к., ушак. 25 к. Первая и единственная въ Россіи полная иллюстрир. Библия. Эту великую книгу-книгъ дол- женъ имѣть каждый. Адр.: Петроградъ, Невскій пр., 153-1, Е. П. МАСЛЕННИКОВУ. Тел. 90-36.

УРАЛЬСКІЕ Драгоценные Камни

А. Ю. ПИЛСУДСКІЙ. НЕВСКІЙ, 96 (уголъ Надеждинской). Изумруды, рубины, сапфиры, александриты, цирконы, топазы и пр. и пр. Приемъ и быстрое выполнение заказовъ на всевозможн. ювелирные надѣлы. Художественная работа. Цѣны внѣ конкуренціи. Телефонъ 168-95.

ДЛЯ ПОХОДА небывало свѣтло, долго горящіе ЭЛЕКТРО-ФОНАРИ ТЕРМОСЪ, КОМПАСЫ и проч. Петроградъ, МОРСКАЯ, 33. СКЛАДЪ НОВЫХЪ ИЗОбРѢТЕНІЙ.

Въ ноябрьскихъ номерахъ „ВѢСТНИКА МОДЫ“ помѣщено: 140 рис. дамскаго и дѣтскаго туалетовъ. 86 выкроекъ. 86 рис. рукодѣлій съ узорами въ натуральную величину. Рассказы: „Комедія въ замкѣ“, П. Маргеритъ. „Искушеніе“ и „Философія“. Женщины—мужчина. Женская доброта. Что зарѣбываетъ женщина въ домашнемъ хозяйствѣ. Психологія ребенка. Бессонне-Фаври. Лябони къ своей комнатѣ (съ рис.). Уходъ за ногтями (съ 12 рис.). Уходъ за волосами при перхоти. Кухня. Домоводство. Норвежскій горшокъ (съ рис.). Цѣна въ годъ 6 р. 1/2 г. 8 р. 50 к. 1/4 г. 2 р. 25 к. Отъѣздъ подписки на 1916 г. съ 1-го Декабря. Петроградъ, Итальянская, 16.

ШКОЛА РИСОВАНІЯ, ЖИВОПИСИ И ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА.

Минимъ „неспособность“ къ рисованію, о которой часто говорятъ, есть лишь пред- расудокъ. Всѣмъ нормальнымъ человѣкомъ надѣлены средними художественными способ- ностями, вполне достаточными для того, чтобы при правильной системѣ преподаванія овладѣть техникой рисованія и живописи. Мы своимъ изданіемъ „Искусство для всѣхъ“ даемъ возможность всѣмъ „заочно“ научиться рисованію и живописи подъ руковод- ствомъ лучшихъ педагоговъ для собственнаго удовольствія или для какихъ-либо прак- тическихъ цѣлей.

„Искусство для всѣхъ“ 1) даетъ читателямъ тѣ теоретическія познанія, которые необходимы для пониманія художественныхъ произведеній; 2) даетъ лиризмъ, уже запимавшимся рисованіемъ, тѣ познанія, которые необходимы для того, чтобы сдѣлать рисо- ваніе грамотнымъ и художественно-правильнымъ; 3) даетъ своимъ читателямъ все тѣ свѣдѣнія по технике, теоріи и исторіи искусства, безъ которыхъ невозможно пониманіе художественныхъ произведеній; 4) даетъ своимъ читателямъ такую подготовку и техни- ческія познанія въ области прикладнаго искусства, которые открыли бы имъ возмож- ность примѣнить свои познанія къ дѣлу, въ различныхъ и многочисленныхъ отрасляхъ художественной промышленности.

Изложеніе вполнѣ сознательное и сопровождается множествомъ пояснительныхъ и образцовыхъ рисунковъ.

Для художниковъ и учителей рисованія „Искусство для всѣхъ“ является необходи- мой библиографіей, къ которой они могутъ обращаться за всякаго рода справками и указаніями.

При редакціи учреждена художественная комитетъ, которая исправляетъ бесплатно работы и даетъ советы и справки, относящіяся къ области искусства. „Искусство для всѣхъ“ издается подъ редакціей проф. Академіи Художествъ А. В. Маковского и Валіана Лисового, при участіи Н. Е. Рѣпина, проф. А. К. Бялика и преподав. педагогическихъ курсовъ при Академіи Художествъ. Изданіе состоитъ изъ 10 томовъ большого формата роскошно иллюстрир. красочными и черными рисунками. Цѣна каждого тома съ перес. 2 р. 80 к. (за налогъ плат. 25 к.).

Подробные проспекты высылаются бесплатно.

Т-во «БЛАГО», Петроградъ, Николаевская ул., 44-15.

БЫСТРОЕ ПРЕКРАЩЕНІЕ ГОЛОВНЫХЪ БОЛЕЙ, НЕВРАЛГИИ, ИШИАСА,

простудныхъ и рева- тическихъ болей, даетъ Кефалдоль Д-ра Сторъ. Отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей. Кефалдоль абсолютно безвреденъ. Остерегайтесь поддѣлокъ.

НОВАЯ КНИГА ДЛЯ ЛЕГКАГО ЧТЕНІЯ М. Д. Ордынцевъ-Кострицкіи ВОЛШЕБНЫЯ СКАЗКИ НАШИХЪ ДНЕЙ

Повѣсти и рассказы изъ жизни Южно-Американ- ского материка.

СОДЕРЖАНІЕ: „Санта-Блаезъ“, „Приворо- тное зелье“, „Фавенда донны Мануэлы“, „Гарпагонъ изъ Коретубы“, „Пѣвцы Раф- флевина“, „Сибирійскій Камень“, „Per aspera ad astra“.

Обложка и рисунки худ. С. Ф. ПЛОШИНСКАГО Цѣна 2 рубля.

Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ и ж.-д. кіоскахъ.

Складъ изданій—книжные магазины Т-ва А. С. СУВОРИНА—«НОВОЕ ВРЕМЯ».

ИЖЕВСКИЙ

ИСТОЧНИКЪ

Русская лечебная известково-гипсово-магнезильная и соляно-углекислая радиоактивная минеральная вода.

БЛАГОТВОРНО ДѢЙСТВУЕТЪ:

при подагрѣ, ревматизмѣ, геморроѣ, запорахъ, изжогѣ, отрыжкѣ, ожирѣніи, артеріосклерозѣ, каменной болѣзни, почечномъ пескѣ, фосфатури, желтухѣ, брюшномъ полнокровіи, бленорреѣ, пізлитѣ, циститѣ, простатитѣ, бактериури, оксалури, при болѣзняхъ печени, почекъ, атоніи желудка и кишечника, при катарральныхъ и бактериальныхъ воспаленіяхъ почечныхъ лоханокъ, пузыря и мочевыхъ путей, при болѣзненномъ измѣненіи состава мочи, сопровождающагося осадками, вообще, при болѣзняхъ, возникающихъ изъ почвъ самоотравленія организма мочевой кислотой, пуринами и др. продуктами неполнаго сгорания.

ПРЕКРАСНЫЙ ГИГИЕНИЧЕСКІЙ НАПИТОКЪ,
восполняющій недостатокъ минеральныхъ элементовъ въ обычномъ питаніи.

ОТЗЫВЫ О ВОДѢ „ИЖЕВСКІЙ ИСТОЧНИКЪ“.

Профессоръ Императорской Военно-Медицинской Академіи Лейбъ-Медикъ Двора ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, Академикъ В. Н. СИРОТИНЪ.

Минеральная вода Ижевскаго Источника, посланная Вами въ клинику, завѣдываемую мною, назначалась нѣсколькимъ больнымъ, страдающимъ болѣзнями мочевыхъ путей и мочеиспускательнымъ діатезомъ, съ благоприятнымъ эффектомъ въ теченіе ихъ болѣзни.

Профессоръ В.-Мед. Академіи Лейбъ-Хирургъ С. П. ФЕДОРОВЪ.

При испытаніяхъ въ клиникѣ, мною завѣдываемой, Ижевская вода назначалась мною почечнымъ больнымъ взаимѣ воды Контраксевилля и Фахингенъ и оказалась для этого вполне пригодной.

Профессоръ Императорской Военно-Медицинской Академіи А. П. ФАВИЦКІЙ.

Минеральная вода Ижевскаго Источника была испытана въ Пропедевтической Терапевтической Клиникѣ Военно-Медицинской Академіи въ случаѣхъ катарральной желтухи, холециститовъ, желчно-каменной болѣзни, при хроническомъ катаррѣ желудка и почечномъ мочеиспускательномъ пескѣ, причемъ обнаружено благоприятное вліяніе при всѣхъ этихъ болѣзненныхъ процессахъ. Вода эта имѣетъ пріятный вкусъ и охотно принимается больными. При наклонности къ запорамъ она можетъ быть назначена, какъ легкое послабляющее.

Старшій врачъ Петроградскаго Госпиталя Дворцоваго Вѣдомства, Почетный Лейбъ-Хирургъ Двора ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, профессоръ Женскаго Медицинскаго Института В. А. ТИЛЕ.

Испытавъ натуральную минеральную воду Ижевскаго Источника на больныхъ внутреннаго мѣста Петроградскаго Госпиталя Дворцоваго Вѣдомства, я могу дать о ней самую лестную отзывъ. Примѣнялась вода при крайне разнообразныхъ заболѣваніяхъ, какъ-то: артеріосклерозѣ, мочеиспускательномъ діатезѣ, различныхъ страданіяхъ почекъ и пузыря, болѣзняхъ печени и желудочно-кишечнаго тракта, атоніи кишечника, геморроѣ, хроническомъ катаррѣ желудка и кишечника, и во всѣхъ случаяхъ, при отсутствіи иного рода осложненій и побочных явленій, она давала вполне благоприятные результаты, не уступающіе дѣйствию Контраксевилля, Vichy, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣняла Ессентуки и Marienbad.

Профессоръ-бальнеологъ-химикъ С. I. ЗАЛЬСКИЙ.

...Настоящее сокровище природы найдено въ предгоріи Урала, и въ данный моментъ оно приобрѣло уже не только громадную славу и известность, но и нашло себѣ надлежащую оцѣнку со стороны авторитетныхъ представителей научнаго врачебнаго міра. Подъ этимъ сокрывающагося мы понимаемъ «Ижевскій Источникъ»...

(Изъ доклада въ Бальнеологической Секціи Всероссийскаго Съезда по улучшенію отечественныхъ лечебныхъ мѣстностей 9-го января 1915 года въ Петроградѣ).

Профессоръ Урологическаго Клиническаго Института Вел. Кн. Елены Павловны Н. А. МИХАЙЛОВЪ.

И примѣнялъ вашу воду на многихъ больныхъ, какъ въ частной своей практикѣ, такъ и въ Урологической Поликлиникѣ Императорскаго Клинич. Инстит. Вел. Кн. Елены Павловны, а также въ Урологической Клиникѣ Психо-Неврологическаго Института. Результаты примѣненія воды Ижевскаго Источника на больныхъ, страдающихъ воспаленіемъ почечныхъ лоханокъ, мочевого пузыря, а также мочеиспускательнаго канала оказались въ высшей степени благоприятны. Особенно хорошее вліяніе оказывала эта вода при желтухѣ равно выраженной фосфатури, при избыткѣ в осадкѣ мочи трифосфатовъ и аморфной фосфорной кислоты. Мое глубокое убѣжденіе, что вода Ижевскаго Источника способна замѣнить источникъ Вальдунгена, Контраксевилля, Виши и др.

Профессоръ Клинич. Института Вел. Кн. Елены Павловны Г. Ю. ЯВЕИНЪ.

При испытаніяхъ въ Терапевтической Клиникѣ, мною завѣдываемой, вода Ижевскаго Источника назначалась мною нѣсколькимъ больнымъ, страдающимъ воспаленіемъ почечныхъ лоханокъ, съ благоприятнымъ результатомъ. Вода переносилась больными хорошо.

Ассистентъ Клинич. Инстит. Вел. Кн. Елены Павловны Препод. Психо-Неврологическаго Инст. А. Л. МЕНЦИКОВСКІЙ.

Наблюденія мои надъ дѣйствіемъ известково-углекислой, соляно-серно-магнезильной воды Ижевскаго Источника, вытекающей изъ длительнонаго примѣненія этой воды на многочисленныхъ больныхъ, страдающихъ болѣзнями мочеиспускательныхъ путей, какъ-то: почечныхъ лоханокъ, мочевого пузыря и мочеиспускательнаго канала, въ особенности на бактериальной почвѣ—показываютъ, что вода эта весьма благоприятно дѣйствуетъ на эти процессы и является могущественнымъ подспорьемъ наряду съ другими лечебными препаратами. Пріятная на вкусъ, принимаемая больными вода эта въ нѣкоторыхъ случаяхъ должна быть предпочтена аналогичнымъ заграничнымъ водамъ.

Приватъ-доцентъ Военно-Медицинской Академіи С. ПОГГЕНПОЛЬ.

Я примѣнялъ воду Ижевскаго Источника на нѣсколькихъ больныхъ, какъ въ клиникѣ Сиротина, такъ и въ своей частной практикѣ—при мочеиспускательномъ діатезѣ, оксалури, воспаленіяхъ почечныхъ лоханокъ и пузыря. Впечатлѣніе, вынесенное мною отъ этой воды, въ высшей степени благоприятно. Благодаря ей пріятному вкусу, больные пьютъ ее съ удовольствіемъ, причемъ даже большія количества этой воды не вызываютъ никакихъ непріятныхъ явленій со стороны желудочно-кишечнаго тракта; дакъ, напротивъ, у лицъ съ наклонностью къ запорамъ она нерѣдко оказывала послабляющее дѣйствіе.

Вода эта обладаетъ и несомнѣннымъ мочегоннымъ дѣйствіемъ, и, какъ таковая, должна безусловно найти себѣ широкій кругъ примѣненія, занявъ мѣсто рядомъ съ Контраксевиллемъ, Виттельсвилля-Каша, Фахингенъ и т. п.

Ассистентъ Императорскаго Клиническаго Института Вел. Кн. Елены Павловны Д-ръ Н. П. СТУДЕНЦОВЪ.

Натуральная минеральная вода Ижевскаго Источника является прекрасной лечебной и пріятной, освежающей столовой водой. При подагрѣ, при воспаленіи почечныхъ лоханокъ, какъ улучшающая азотообмѣнъ, она можетъ быть поставлена на одну высоту съ Контраксевиллемъ минеральнымъ источникомъ. Больные выражали неоднократно благодарность за назначеніе этой полезной, пріятной и дешевой воды.

Ординаторъ Академической Акушерской клиники акушеръ Петроградскаго Градоначальства Д-ръ Д. Н. НЕДРОВЪ.

Примѣнялъ я воду Ижевскаго Источника у беременныхъ и небеременныхъ женщинъ, страдающихъ брюшнымъ полнокровіемъ, застойными явленіями въ области тазовыхъ органовъ, застойными явленіями въ почкахъ, альбуминурией беременныхъ, при почечномъ пескѣ, фосфатури, изжогѣ, отрыжкѣ и вообще неправильномъ дѣйствіи кишечника тракта, особенно у беременныхъ, и всегда съ благоприятными результатами, безъ какихъ-либо непріятныхъ побочныхъ явленій. Одно изъ главныхъ качествъ Вашей воды—пріятный освежающій вкусъ, такъ что больная употребляетъ ее продолжительное время безъ всякаго отвращенія, дакъ, какъ питьевую воду.

По моему убѣжденію, «Ижевскій Источникъ» съ успѣхомъ можетъ замѣнить заграничныя воды: Вильдунгенъ, Ракохи, Контраксевилль, Виши и др.

Еще одно достоинство воды,—это ея дешевизна, почему она можетъ быть примѣнена и у больныхъ, не обладающихъ большими средствами.

Докторъ медицины М. Л. КРЕПСЪ, извѣстный въ Петроградѣ специалистъ по урологии.

Вода «Ижевскаго Источника» оказалась очень полезной при заболѣваніяхъ мочевыхъ путей и обменъ веществъ.

Замѣняя вполнѣ Контраксевилль, Эвианъ, Виттель, Фахингенъ и другія однородныя воды, вода Ижевскаго Источника превосходитъ ихъ вѣдно послабляющимъ дѣйствіемъ и пріятнымъ вкусомъ.

Послѣднее качество дѣлаетъ эту воду превосходнымъ столовымъ напиткомъ.

Ассистентъ Урологической Кн-ки Московск. Универс. Р. М. ФРОНШТЕЙНЪ.

Вода Ижевскаго Источника, обладающая пріятнымъ вкусомъ, легко переносилась тѣми больными, которымъ я назначалъ ее. Слегка послабляющая и мочегонная, она должна быть поставлена по своему дѣйствію наравнѣ съ Виши и Вильдунгеномъ, имѣя въ то же время передъ послѣдними то преимущество, что стоитъ значительно дешевле, а потому и доступна въ амбулаторной практикѣ. Я горячо рекомендую Вашу воду при мочеиспускательномъ діатезѣ, равно и при хроническомъ воспаленіи почечныхъ лоханокъ, особенно—вызванныхъ кишечной палочкой.

Ординаторъ Обуховской больницы въ Петроградѣ д-ръ мед. Е. В. БЛЮМЕНАУ.

Хотя мои наблюденія не особенно многочисленны, но отъ методическаго употребленія минеральной воды Ижевскаго Источника я получаю крайне хорошие результаты при болѣзняхъ обмена, ожирѣнія, фосфатури, а также при ревматизмѣ на почвѣ подагрическаго діатеза, испытать, между прочимъ, воду на себѣ самомъ при послѣдней болѣзни.

Въ одномъ случаѣ брюшнаго полнокровія на почвѣ ожирѣнія отъ 4-хъ недѣльныхъ лѣтъ 2-хъ станковъ воды въ день получалось уменьшеніе веса тѣла на 10 фунтовъ, а въ другомъ случаѣ, у больного, страдающаго подагрой и подагрическимъ пораненіемъ гортана (утолщеніе надгортанника) подъ вліяніемъ только пяти водъ произошло исчезновеніе подагрическаго катарра гортана.

Въ виду переживаемаго нами въ настоящее время момента, не только теперь, но и на будущее время можно предсказать Вашей водѣ славою будущаго.

Врачъ-специалистъ по внутреннимъ болѣзнямъ Максимиліановской лѣчебницы Краснаго Креста докторъ М. Д. ГРИНБЕРГЪ.

Во всѣхъ наблюденныхъ мною случаяхъ примѣненія воды Ижевскій Источникъ при катарральныхъ и бактериальныхъ воспаленіяхъ почечныхъ лоханокъ и мочеиспускательныхъ органовъ, катарральныхъ состояніяхъ желудка и кишечника, при которыхъ запорахъ, зашлахъ въ брюшной полости, хроническомъ ревматизмѣ, золотухѣ, расстройствѣ дѣятельности печени и при разнообразныхъ болѣзняхъ обмена веществъ: діабетъ, подагра, ожирѣніе, артеріосклерозъ, мочеиспускательный песокъ и наини—вѣнчательно наблюдалось быстрое улучшеніе, а при болѣе длительномъ употребленіи и совершенное устраненіе болѣзненныхъ симптомовъ. Общее состояніе организма замѣтно улучшается, обменъ веществъ усиливается и ускоряется, мочегонное и слегка послабляющее дѣйствіе воды содѣйствуетъ энергичному очищенію организма. Считаю особенно полезнымъ употребленіе воды «Ижевскій источникъ» при катарральныхъ заболѣваніяхъ органовъ дыхания, съ теплымъ молокомъ, вмѣсто воды Эмса.

Дѣйствіе воды «Ижевскій Источникъ» испытано мною не только на пациентахъ, но и на себѣ лично при мочеиспускательномъ діатезѣ. Результаты оказались блестящими.

Вода «Ижевскій Источникъ» заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. Еще одно весьма важное достоинство воды—это весьма рѣдко встрѣчающееся въ водахъ земляного типа сочетаніе солей кальция съ поваренной солью и магнезіей, что дѣлаетъ ее годной для употребленія не только въ качествѣ лечебной воды, но и въ качествѣ столовой, такъ какъ вливающее дѣйствіе кальциевыхъ солей нейтрализуется въ ней разрыхляющимъ дѣйствіемъ поваренной соли и магнезіи, благодаря чему не получается при употребленіи ее даже въ большихъ количествахъ никакихъ вредныхъ побочныхъ явленій. Полагаю, что регулярное ея употребленіе, какъ гигиеническаго напитка, можетъ служить средствомъ предупрежденія многихъ изъ указанныхъ выше заболѣваній, тѣмъ болѣе, что благотворное ея дѣйствіе на процессы пищеваренія и выделенія не поддѣлать сомнѣнію.

Подробная брошюра высылается правленіемъ и выдается въ мѣстахъ продажи бесплатно.

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО ИЖЕВСКІЙ ИСТОЧНИКЪ

Правленіе въ Петроградѣ, Надеждинская ул., № 1. Телефоны 416-15 и 602-78.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ ДЛЯ ПЕТРОГРАДА ВЪ РУССКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ТОРГОВЛИ АПТЕКАРСКИМИ ТОВАРАМИ

Казанская ул., д. № 12. Телефоны 2-21, 104-48 и 479-03.

СКЛАДЪ ВЪ МОСКВѢ—Лубянской Провѣзды, № 7 Тел. 67-50.

Продажа въ лучшихъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ столицъ и провинціи, а также въ гостиницахъ, ресторанахъ, кафе, буфетахъ и гастрономическихъ магазинахъ.

НОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

46

№ 14261

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 21-го НОЯБРЯ (4-го ДЕКАБРЯ) 1915 ГОДА.

№ 14261

ВЪ РИНСКОМЪ РАЙОНѢ.

Ст. Комаръ послѣ занятія ею нашими войсками.

Дорога черезъ лѣсъ отъ Б—ца на Немзрнскій паркъ. Драгуловскія застава.

Передъ наступленіемъ.
Съ фот. З. Г. Шубской-Корсаковой, въ Москвѣ.

Изъ Edmond Karacourt.

Изъ книги «Seul» стихотв. «Les plus beaux vers».

Стихи всѣхъ лучше тѣ, которыхъ не напишутъ,
Восторгомъ сладостнымъ исполнясь, никогда;
Которыми цвѣты нѣмой полночи дышутъ,
Которыми блеститъ далекая звѣзда;
Которыми полны туманные долины,
Куда не проникалъ еще искусства грѣхъ,
Сердца влюбленныхъ и рядъ мечтаній длинный,
Будущій чувства свѣтлыя во всѣхъ.
Въ одинъ изъ вечеровъ, когда волной безсонной
Въ насъ страсть заговоритъ, нища свой идеаль,
Приди ко мнѣ—прочешь въ душѣ влюбленной
Стихи, которыхъ я тебѣ не написалъ.

И. Давидовъ.

Ген.-лейт. В. Н. Браганозъ, начальникъ дивизіи. Награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст. и Георгіевскимъ оружіемъ.

Подполи. В. И. Захрявскій. Награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст.

Селеніе Илуксты переходитъ въ жестокихъ рукопашныхъ схваткахъ изъ рукъ въ руки.
Рисов. А. Пржевальскій (участникъ войны).

Подполи. Н. П. Блаудзевичъ. Награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст. и Георгіевскимъ оружіемъ.

сЪ БЪЖЕНЦАМИ.

Питательный пунктъ для бѣженцевъ, устроенный фрѣйликой Ихъ Императорскихъ Величествъ Государынь Императрицъ Е. А. Нелеповской.

Старый лоцманъ.

I.
Юхо Илойненъ проснулся отъ лая рыжей Пики. Пика звонко потявкала и замолчала, но чуткій сонъ Юхо не возвратился: Онъ повернулся на широкой кровати и грузно сѣлъ. Крѣпкое раннее тѣло плохо слушалось. Прошли года, когда здоровье не чувствуется и кажется неистощимымъ. Правая нога прихрамываетъ, а пальцы на рукахъ распухли. Трудно стало передвигаться въ киркѣ по воскресеньямъ пожелтѣвшіе листья семейнаго молитвенника. И нехорошо выходить подъ утро, когда земля блеститъ сыростью, а трава упруга, но скучно оставаться въ

Полковн. Н. П. Бѣлянкъ.
Былъ раненъ и вернулся въ строй.Ротм. С. П. Бѣлянкъ.
Паль смертью храбрыхъ.

душной комнатѣ. Юхо одѣлъ шведскую куртку и лоцманскую фуражку. Осталась она памятью о прошедшей службѣ, когда приходилось водить по шхерамъ корабли. И сейчасъ хорошо знаетъ Юхо родныя мѣста между островами, точно видитъ каждый камень въ водѣ. Отырсясь на можжевеловую палку, Илойненъ вышелъ на крыльцо и оглядѣлся. Совѣтъ было рано. Крикнула гдѣ-то гагара, ей отвѣтила прибрежная чайка. Сонные острова пока синеваты, но на востокѣ трепещетъ розовая радость восхода. Таилъ надъ полемъ прозрачный туманъ, изъ лѣса тянула теплая струя. Неподвижно стояли на поблѣвшемъ небѣ клочки облаковъ. Старый Юхо съ удовольствіемъ подумалъ, что день будетъ хорошимъ. Жаль только, не скоро проснется для дневной суеты деревня Куца-Мулле. Въ глубинѣ усталого сердца зашевелилось бодрое чувство. Умиленно моргали узкіе глаза на скуластомъ лицѣ. Семьдесятъ лѣтъ живетъ Юхо на свѣтѣ. Онъ честно поработалъ, гнулъ спину подъ трудомъ и не кривилъ совѣстью. Недаромъ много лѣтъ выбирался лоцманскимъ старостой. Не только начальникъ дистанціи, но и самъ генералъ при проѣздахъ жалъ Юхо руку. Не зря висятъ въ столовой серебряные часы съ гербомъ, а подъ ними пехвалыный отъѣвъ за спасеніе погибавшихъ. Илойненъ съ гордостью нацѣпляетъ серебряную медаль, когда въ сюртукѣ идетъ въ церковь. Она получена за хорошую работу. Кажется, и теперь молодѣетъ душа, вспоминая тотъ день. Съ лоцманскаго дежурства на маякѣ сообщили о перевернувшейся вблизи парусной баркѣ. Въ погоду вселенная душа сатаны. Выйти казалось невозможнымъ. Лодки смѣльчаковъ буруны выбрасывали на берегъ и безжалостно колотили о камни. Погибающіе держались за сломанныя мачты и старались повернуться къ маяку. Ихъ захлестывали волны. Съ тупымъ ужасомъ неизбежнаго несчастья, молча глядѣли люди на берегу. Смерть трепетала сѣрыми крыльями надъ жертвами бури. А Илойненъ пошелъ. Его не останавливали, молча качали головами. Въ Юхо вслыхнула ненависть къ штурму. Желаніе сморить стихію яростью человеческой воли. Боть жалобно бился о пристань, отговаривая лоцмана отъ опасной затѣи... Да, онъ сдѣлалъ работу и спасъ три жизни. Медаль заставляетъ вспоминать спасенныхъ. Мокрые сидѣли они на берегу съ лицами, искаженными близостью смерти и радостью возвращенной жизни, и даже не благодарили.

Много воды утекло съ тѣхъ поръ. Старый боть и теперь стоитъ у пристани. За него заплачено девятьсотъ марокъ, а сейчасъ не дадутъ и трети. Вѣрному другу минуло двадцать лѣтъ. Для дуба пустой возрастъ, а для пихты чувствительный.

Грустно было бы Юхо продать его. На немъ лоцманъ ходилъ во весь край залива, къ мрачному Гогланду съ высокими вершинами и на зеленые берега Эстляндіи съ изумрудной водой и запахомъ сѣна съ полей. Куда угодно пошелъ бы, зная, что двѣ тонны каменнаго балласта даютъ надежную устойчивость. Давно уже стерлась красная лоцманская полоса на парусѣ. Пробѣло въ немъ время дырки, хотя парусъ и шитье изъ лучшаго матеріала. Юхо вспоминаетъ прошлое и радостно вдыхаетъ утренній воздухъ, насыщенный испареніями. Онъ смотритъ на востокъ. Разбрызгивая золото, подымается тамъ раннее солнце. День начинается, а его жизнь на закатѣ. Самое дорогое теперь—это семья.

Сыновья всѣ въ отсутствіи. Старшій смѣнилъ его въ лоцманахъ. Видіо служить шкиперомъ на маленькомъ пароходѣ, а младшій Пекка работаетъ на фабрикѣ. Десять лишь внучки—краснощекая Илька и подростокъ Марія. Илька невѣста и собирается улѣтѣть изъ гнѣзда. Но, кромѣ семьи, есть еще кое-что. Вотъ эти родные острова, то длинные, какъ огурцы, или круглые, похожіе на картофель. Узкіе проливы, причудливые заливы и родная земля, жесткая, но близкая. Дорого то, что каждый кусочекъ земли доставался потомъ тяжелого труда. Любовь къ землѣ и суровой и прекрасной, наполняетъ Юхо теплымъ чувствомъ. Рыжая Пика вертится подъ ногами стараго хозяина, и онъ говоритъ ей ласковыя слова. Пробѣгаютъ утренніе часы. Подъень прошелъ. Сосны въ лѣсу расправили иглы и прино запахи. По стволамъ потекла матовая смола. Серебрянымъ зеркаломъ играетъ дымки изъ очаговъ красныхъ домиковъ Куца-Мулле. Въ чуткомъ воздухѣ трепещутъ звуки. Звонко кричатъ мальчики, купаясь у осокни, и, надернувъ на голову полосатые колпачки, бѣгутъ на склоны лѣсной опушки рвать землянику и громко аукать.

По случаю воскресенья Илька и Марія одѣли цвѣтные корсажи и пестрые фартики. Волосы заплетены въ косы, перевиты лентами, и спускаются до зеленыхъ юбокъ. Дѣвушки сидятъ подлѣ дѣда и слушаютъ. Дежурный лоцманъ только что сдалъ почту. Время пощадило зрѣніе стараго Илойнена, и онъ читаетъ внучкамъ письмо отъ Пекки. Въ письмѣ скверныя новости. Въ отдѣленіи спичечной фабрики, гдѣ Пекка работалъ, случилась крупная кража. Обстоятельства складываются такъ плохо, что обвиненіе падаетъ на него. Но пусть отецъ вѣритъ. Пекка чистъ душой. Скорѣй онъ убьетъ себя, чѣмъ потеряетъ довѣріе людей и уваженіе отца. Директоръ фабрики, Нѣмецъ Кегель, противъ Пекки, такъ какъ считаетъ его виновникомъ послѣдней забастов-

Корн. *** гусар. полка А. П. Забѣло.
Награжденъ орд. св. Анны 4 ст., Владимира 4 ст. съ мечами и бант. и Станислава и Анны 3 ст. съ меч.
Скончался, отъ ранъ.

ки, а она принесла фабрикѣ большіе убытки. Юхо прочелъ письмо, и у него затряслись руки:

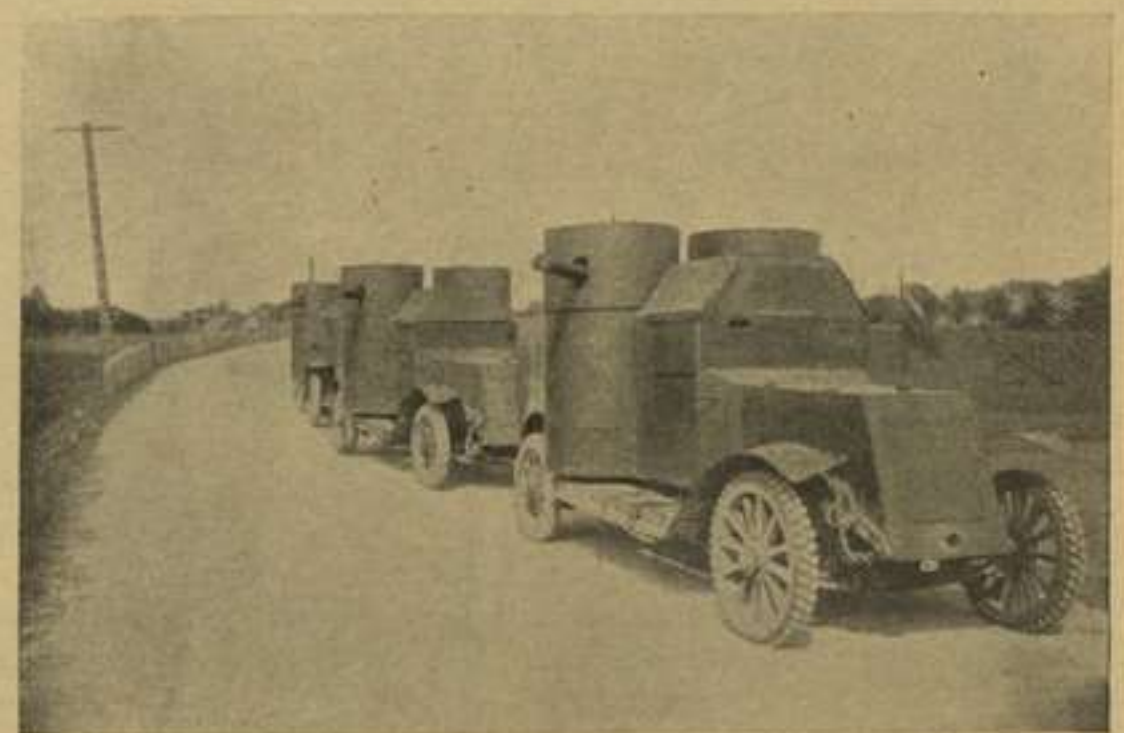
— Позоръ! Пекку Илойненъ считаютъ воромъ! Богъ всемогущій, за что ты покарашь?

Письмо вывалилось. Илька поспѣшно его подхватила. Дѣвушки съ испугомъ смотрѣли на старика и слушали безсвязное бормотанье. Потускнѣло небо. Прошла прозрачность воздуха, и онъ сталъ душнымъ. Въ устахъ стучало одно слово—воръ. Что же дѣлать? Вѣхать самому, сказать директору, гофгерихту, — всѣмъ, что это ошибка? Пекка Илойненъ можетъ честнымъ людямъ глядѣть въ глаза, онъ не воръ. Никогда въ теченіе долгой жизни мысль Юхо не была такъ напряжена. Даже въ ураганъ, когда, развязывая цѣпь у бота, онъ сказалъ: человекъ сильнѣе бури! Даже въ тотъ день, когда Юхо, стоя на мостикѣ великолѣпной яхты, блестящей позолотой и краснымъ деревомъ, управлялъ движеніями красиваго корабля съ гордой радостью, что знатные гости любятъ красотами его страны. Тамъ была гордость, борьба со стихіей, лѣзкость, съ которой яхта, повинувшись указаніямъ руки Юхо, проходила между острыми камнями на днѣ. А здѣсь клевета. Съ ней трудно бороться. Природу можно побѣдить, и она станетъ раскинь служить, а клевета липнетъ. Человекъ вязнетъ въ ней, какъ муха.

Старый лоцманъ разстроился. Онъ даже не выпилъ литра молока, замѣняющаго обѣдъ, и не накормилъ остатками хлѣба маленькую Пикку. Даже не прочелъ въ этотъ день любимой газеты. Жена отнеслась къ несчастью спокойно:

— Подождемъ, Юхо! Пекку будутъ судить, тогда и повѣдемъ. Возьми Ильку. Одному тяжело.

НА ВОЙНѢ.

Наши бронированные автомобили.

Съ фот. А. Д. Далматова.

НА ВОЙНѢ.

Въ резервѣ.

Съ фуражомъ!

Илька, крупная, въ дѣла, задумчиво опустила глаза и играла кончикомъ косы цвѣта спѣлыхъ колосѣвъ. Ей хотѣлось попасть въ большой городъ. Посмотрѣть каменные дома, похожіе на кирпичи, погулять въ паркѣ съ красивыми дорогами, какихъ нѣтъ въ лѣсу. Тамъ растутъ любимые ею цвѣты, играетъ музыка. Въ кинематографахъ идетъ интересное представленіе. Вотъ теперь желаніе исполняется, и при такихъ грустныхъ обстоятельствахъ. Бѣдный дѣдъ, несчастный дядя! Что онъ теперь чувствуетъ? Быть можетъ, сидитъ за рѣшеткой?

Илойненъ на замѣчаніе жены упрямо качнула головой:

— Конечно, Анка! Послѣзавтра, раньше, чѣмъ зарвонитъ на рынокъ колоколь, я буду въ городѣ. И пусть проклятый сатана унесетъ директора, куда захочетъ, если Пекку лишать честнаго имени.

Практичная старуха дала внучкѣ продать въ городѣ на рынокѣ пять кило

масла и полсотни яицъ. Все равно въ хозяйствѣ у нихъ избытокъ, а лишнія деньги всегда пригодятся! Женихъ Ильки, лопманъ Анти, доставилъ ихъ на своемъ небольшомъ ботѣ въ портъ. Прощаясь, они поцѣловались съ безразличными лицами.

Илойненъ съ внучкой сѣли въ вагонъ, и поѣздъ побѣжалъ на западъ къ небольшому городу, даже въ солнечные дни окутанному дымомъ многочисленныхъ фабрикъ. Старый лопманъ наружно успокоился и читалъ газету. Бѣжала мимо оконъ урюмая красота сосновыхъ лѣсовъ и полей, смягченная лаской заката. Мелькали низкія станціи. Юхо читалъ газету, а Илька думала о милomъ Анти, Пеккѣ и городѣ, куда ѣдутъ. Дѣвичье сердце, несмотря на горе, трепетало, полное жажды жизни. Колеса вагона выстукивали то, что думалось каждому. За всю дорогу грузный Юхо, съ шарфомъ на шеѣ и медалью на сюртукѣ, не перекинулъ и парой словъ съ краснощекой

У союзниковъ.

Англійскій генералъ МОНРО, новый главнокомандующій дарданельской экспедиціей.

Илойненъ. Онъ молчалъ, потому что человекъ, который зря говоритъ, уважаетъ только себя, а который молчитъ — и себя, и другихъ.

II.

Дѣло въ городѣ обстояло плохо. Юхо видѣлъ, что поѣхалъ напрасно, только даромъ разстроился. Повидаться съ директоромъ фабрики не удалось. Важный Нѣмецъ отказался его принять. Противъ Пекки нашлись тяжелыя улики и имѣли для суда рѣшающее значеніе. Два клеветы директора дали скверныя показанія. Одинъ разсказалъ, что въ день проважи денегъ видѣлъ Пекку въ конторѣ съ пакетомъ въ рукахъ, сильно смущеннаго. Другой встрѣтилъ его на слѣдующій день въ городѣ мѣняющимъ крупныя бумажки. Деньги къ этому времени нашлись случайно въ загородной рошѣ. Они были захвачены въ жестяную бутылку отъ молока и закопаны въ землю. На бутылкѣ была написана фамилія Пекки. Напрасно Пекки утверждалъ, что бутылка у него украдена и все дѣло о пропажѣ ловко подстроено. Напрасно объяснилъ суду, что видитъ тутъ дѣло мести служащаго на фабрикѣ Нѣмца, котораго избилъ въ случайной дракѣ на пирушкѣ. Безуспѣшно и старый лопманъ звалъ къ справедливости гофгерихта. Директоръ фабрики былъ также на судѣ. Отъ него даже на разстояніи пахло пуншемъ и сигарами. Кегель далъ о Пеккѣ плохой отзывъ и призналъ вполне способнымъ на кражу. Этихъ словъ Юхо не забылъ. Острой раной врѣзались они въ душу. Если бы Илойненъ не боялся повредить сыну, то громко назвалъ бы Нѣмца мерзкимъ лжецомъ. Судъ приговорилъ сына къ тюремному заключенію. Бѣдный Пекка молчалъ и растерянно глядѣлъ на отца, когда читали обвинительный приговоръ. Илойненъ крѣпко пожалъ руку сына:

— Не падай, духомъ, Пекка! Я и мать считаемъ тебя честнымъ человекомъ. Что же дѣлать, если нѣтъ больше справедливости въ нашихъ судахъ!

Онъ вернулся съ Илькой въ Куца-Мулле, даже не показавъ внучкѣ кинематографа—до того ли было! Женѣ Юхо сказалъ:

— Пропать, старуха, Пекка! Выкинуть съ позоромъ за бортъ. Теперь всякій сосѣдъ скажетъ, что у насъ сынъ воръ. Но не воръ онъ. Богъ накажетъ погубившихъ его людей.

Это было въ концѣ іюля. Газеты несли тревожныя вѣсти. Вскорѣ загремѣло грозное эхо войны. Оживился Илойненъ, узнавъ изъ своей газеты о началѣ страшной борьбы, и рѣшилъ сразу,

Прaporщ. Н. Г. Рафаловичъ. Убитъ.

что война сотретъ Нѣмцевъ съ земли, и что судьба покараетъ и директора Кегеля. Послѣ гнусныхъ словъ на судѣ Илойненъ его ненавидѣлъ. Съ злорадствомъ Юхо раздумывалъ, какъ-то чувствуетъ себя теперь директоръ въ виду предстоящаго изгнанія съ насиженнаго гнѣзда. Лопманъ съ жадностью читалъ газету и радовался всякому, хотя бы маленькому успѣху русскихъ войскъ. Жалѣлъ только, что не можетъ изъ-за старости помочь дѣлу. Почта въ Куца-Мулле получалась съ большимъ запозданіемъ. Военное время сдѣлало шхерное сообщеніе труднымъ. Деревня жила своими новостями. Нелъ-

В. М. РИЧКО, сестра милосердія, погнѣшанна на кавказскомъ фронтѣ.

НА ВОЙНѢ.

Допросъ военнопленныхъ Германцевъ

Поймали шпиона!

вѣстно, откуда онъ появлялся, точно съ неба. Когда слухи были менѣе суровыми. Безсонница не мучила хороши, Плойнень одобрительно кричалъ, въ постели, какъ раньше, тяжелыми а когда плохи—сердился и называлъ ихъ мыслями. Отѣтый въ теплую шведскую враньемъ. У Юхо появилась новая прикуртку, приходилъ онъ къ берегу и садился вычка. Часто онъ приходилъ къ берегу, на камень. Чаше всего думалъ онъ о сынѣ. Садился на камень и смотрѣлъ въ море. Онъ представлялъ, какъ Пекка живетъ. Даже женѣ Плойнень не умѣлъ объ- въ тюрьмѣ. Отѣтый въ струю одежду, обу- яснить, что привлекаетъ его на берегу чаеся какому-нибудь ремеслу, можетъ и заставляетъ просиживать цѣлые часы. быть дѣлаетъ столик или кресло. Хоро- Да и не все ли равно, куда тратить сво- шю было бы купить сработанное или бодное время? Старуха была рада, что кресло, поставить въ домѣ, какъ знакъ

Фальшивая батарея и чучело, по которымъ Нѣмцы выпустили не мало снарядовъ.

трогательнаго уваженія къ несчастной участи. Часто видѣлъ лоцманъ проходя- шия мимо русскія суда и мысленно же- лалъ успѣха въ ихъ тяжелой службѣ. Вѣдь онъ охраняютъ весь заливъ и спо- койствіе его милой родины. Какъ-то же- нинъ Ильки привезъ изъ города интерес- ную новость. Последовало распоряженіе о выселеніи изъ Финляндіи всѣхъ нѣмед- кихъ подданныхъ. Полиція явилась къ Кегелю и узнала, что директоръ сбѣ- жалъ, бросивъ свое имущество, но захва- тивъ кассу. Это извѣстіе обрадовало ста- рика. Юхо, представивъ надутую фи- зиономію Кегеля съ запахомъ пунша и сигарнаго дыма, въ первый разъ постѣ возвращенія въ деревню засмѣялся и сталъ шутить съ своей любимцею Иль- кой. Вздурожженный впечатлѣніями, лоц- манъ въ этотъ вечеръ не могъ уснуть. Тихо одѣвшись, онъ позвалъ рыжую Пи- ку и отправился къ излюбленному сто- рожевому камню. Деревня уже спала. Ло- еживаясь отъ сырого вѣтра, Юхо та- нулъ трубочку съ крѣпкимъ табакомъ и глядѣлъ на западъ, гдѣ пряталась въ темнотѣ группа маленькихъ незаселе- ныхъ острововъ. Онъ глядѣлъ на нихъ, и вдругъ трубка выпала изъ рукъ. Стукъ ея разбудилъ задремавшую Пикку, которая испуганно тивкнула. Старый лоцманъ, островецъ и забавлялся зажиганіемъ ог- позабывъ о трубкѣ, всталъ, охваченный ней? Какъ всегда въ трудныя минуты жизни, мысль его напряглась, и явившая- ся догадка освѣтила сразу вопросъ. До- рѣль таинственный бѣлый огонекъ. статочно Юхо слышалъ о шпионахъ. Онъ всныхивалъ и гасъ, точно подавая сиг- былъ старый лоцманъ и звалъ, что мимо валъ. Юхо не могъ понять, что это за «Трехъ братьевъ» проходить корабельный

Начальникъ Новогоріевскаго госпиталя д-ръ П. М. Автократовъ, — одинъ изъ популярнѣйшихъ врачейъ въ Варшавѣ (психиатръ), авторъ многихъ научныхъ работъ. Самоотверженно ухаживалъ въ Новогоріевскѣ за тифозными солдатами, зара- зился отъ нихъ тифомъ и умеръ.

огонь. Прибрежная полоса была темнѣе души чорта, и всякій огонь строго вос- прещался. Какому же чудаку понадобил- ось ночью забраться на пустынный островъ и забавляться зажиганіемъ ог- ней? Какъ всегда въ трудныя минуты жизни, мысль его напряглась, и явившая- ся догадка освѣтила сразу вопросъ. До- рѣль таинственный бѣлый огонекъ. статочно Юхо слышалъ о шпионахъ. Онъ всныхивалъ и гасъ, точно подавая сиг- былъ старый лоцманъ и звалъ, что мимо валъ. Юхо не могъ понять, что это за «Трехъ братьевъ» проходить корабельный

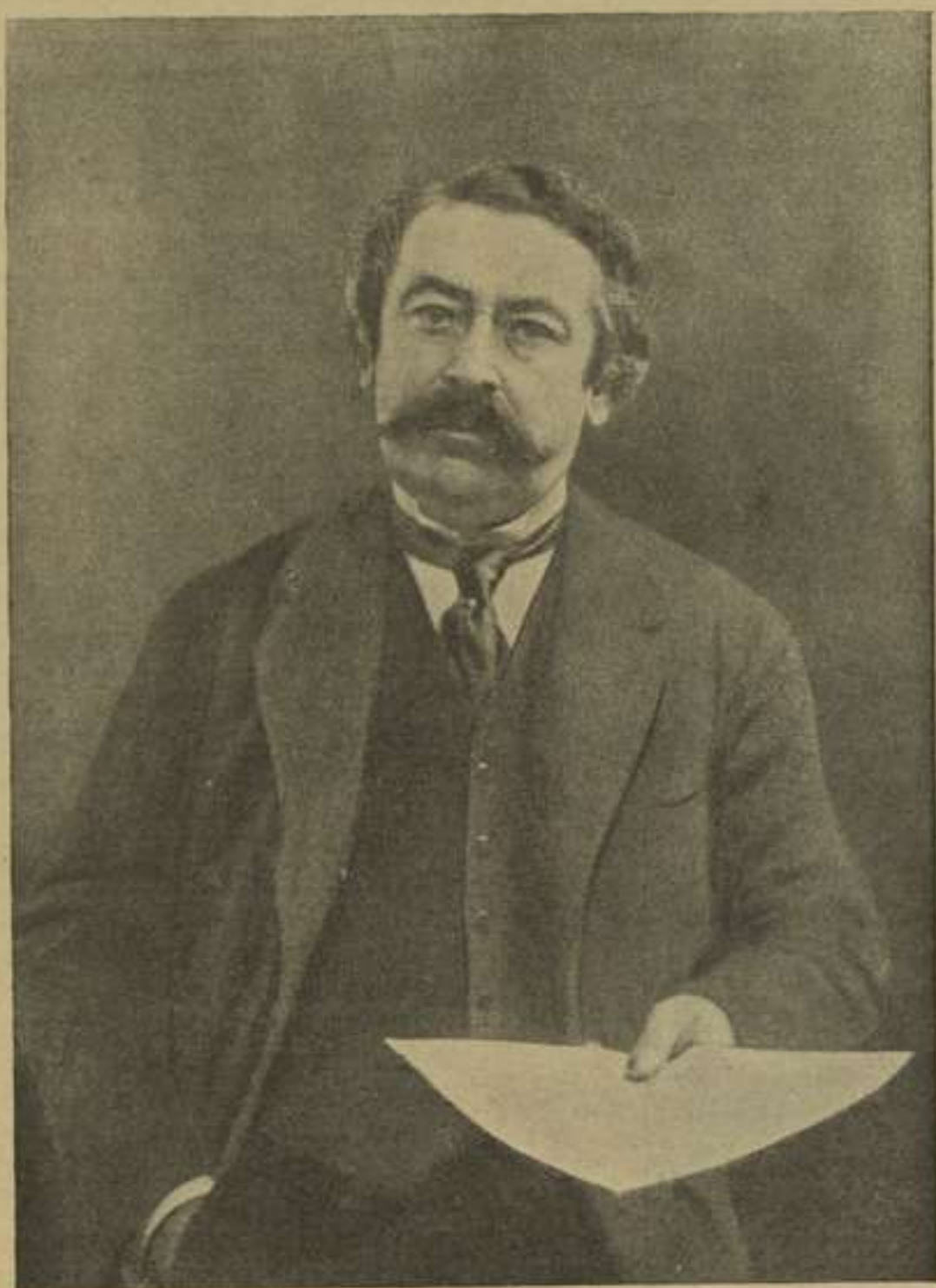

Прибытіе одного изъ нашихъ полковъ на новую позицію.

Полковой священникъ на войнѣ.

У СОЮЗНИКОВЪ.

Аристидь БРИАНЪ, глава новаго Французскаго кабинета.
 .....Пусть не ожидаютъ наши враги, что мы утомлены или падемъ духомъ: Наше
 непереложное рѣшеніе—побѣдить, и мы побѣдимъ!
 (Изъ речи Бриана въ палатѣ депутатовъ, сказанной 3 ноября)

Главномандующій генералъ ЖОФФРЪ поздравляетъ съ боевой наградой офицеровъ
 Французскихъ колониальныхъ войскъ, одѣтыхъ въ новую форму. Окрестный пейзажъ еще
 больше подчеркиваетъ средневековый характеръ ихъ стальныхъ касокъ.

путь, гдѣ сейчасъ вѣхи сняты и поста-
 влены мины. Русскія суда ходили осо-
 лонокъ? Не притаились ли онѣ хищными
 бымя путями между скалами и минами.
 Кто знаетъ, не былъ ли мигающій огонь
 удобнаго момента для нападенія изъ-за

ВАРВАРЫ ПРОТИВЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО ГЕНІЯ.

Церковь «Scalzi» въ Венеціи, на Большомъ каналѣ, вблизи станціи желѣзной дороги.
 Эта церковь была первой жертвой нѣмецкихъ летчиковъ-варваровъ, покушающихся на
 уничтоженіе несравненныхъ чудесъ «царицы Адриатики». Плафонъ церкви былъ покрытъ
 фресками знаменитаго Тьеполо, уничтоженными нѣмецкими бомбами.

угла, лишь только забрежить разсвѣтъ?
 (старое сердце билось заботой. Юхо не
 рѣшилъ еще, что дѣлать, но чувствовалъ
 какъ молотѣть и крѣпнѣть. Онъ хорошо
 зналъ всѣ мѣста, лучше картъ могъ ука-
 зать выступы подводнаго рельефа, постѣ-
 дѣвъ за проводкой судовъ. Рѣшеніе
 Илойнена опредѣлилось. Онъ поѣдетъ
 туда, гдѣ мигаетъ таинственный огонь, и
 узнаетъ, въ чемъ дѣло. Вотъ когда при-
 годится старый ботъ! Илойненъ поста-
 вилъ мачту, поднялъ парусъ и ласково
 его погладилъ.

— Въ путь, старина, не подведи!

Вѣрный другъ вздрогнулъ, какъ предан-
 ная лошадь при звукѣ голоса добраго хо-
 зяина, наклонился на бокъ и легко за-
 скользилъ по темной водѣ. И показалось
 Илойнену, что не было ночной сырости,
 не были кости отъ ревматизма, не мучи-
 ла старость, а была одна радостная цѣль
 сдѣлать что-то полезное. За поясомъ лоп-
 мана висѣлъ двухсторонній финскій
 ножъ,—единственное его оружіе, да
 и имъ плохо владѣли распухшіе паль-
 цы. Другому было бы трудно спра-
 виться съ задачей плыть ночью въ
 темнотѣ на тяжеломъ ботѣ среди остро-
 вовъ и камней, но Илойнену легко. Море
 было его родиной, а шхеры—жилищемъ.
 Тихо казалось вокругъ. Съ легкимъ шу-
 момъ скользила по борту вода. На берегу
 Куца-Мулле жалобно скулила покинутая,
 оскорбленная и удивленная Пика. Юхо
 обошелъ островъ, маленький и неровный.
 Онъ былъ пустъ, какъ выпитая бутылка.
 Въ серединѣ угрюмо молчали три узкія
 скалы, въ честь которыхъ и былъ названъ
 островъ. Илойненъ удивился. Неужели это
 было навожденіе сатаны, который захо-
 тѣлъ посмѣяться надъ его старостью?
 Огонекъ несомнѣнно мигалъ здѣсь и по-
 гасъ, когда ботъ былъ близко отъ «Трехъ
 братьевъ». Юхо въ недоумѣніи ходилъ по
 острову. Ноги скользили по мокрому мо-
 ху, покрывавшему плоскую часть. Что-то
 хрустнуло подъ тяжелыми сапогами. Илой-
 ненъ подпалъ маленькіе куски, похожіе на

уголь. Даже въ темнотѣ по ихъ запаху
 можно было узнать сгорѣвшій казцій-
 карбидъ. Онъ самъ не разъ заряжалъ аце-
 тиленовые маячки-мигалки. Теперь Юхо по-
 нялъ, почему свѣтъ казался бѣлымъ, и былъ
 доволенъ, что не обманулся. Кто-то здѣсь
 жегъ ацетиленовый фонарь и успѣлъ уйти
 послѣ предательской работы. Лопманъ воз-
 вратился къ боту, жалѣя о неудачѣ. Онъ
 спѣшилъ немедленно вернуться и довести.
 Вздыхая, онъ свалилъ съ цѣпи ка-
 менъ, закрѣплявшій ее тяжестью, и
 влѣзъ въ ботъ. Въ эту минуту въ
 лицо ему брызнулъ свѣтъ электри-
 ческаго фонаря, а изъ-за паруса вы-
 шелъ притаившійся человекъ въ чер-
 номъ пальто. На Илойнена глядѣло въ
 упоръ хорошо запомнившееся сырое лицо
 сбѣжавшаго директора. Кегель его не
 узналъ и казался пораженнымъ, вида ста-

Дени КОШЕНЪ, министръ безъ портфеля въ
 новомъ французскомъ кабинетѣ, вступившій
 недавно изъ дипломатической поѣздки въ
 Грецію, предпринятой имъ по порученію фран-
 цузскаго правительства.

рика Финна в лоцманской фуражке, не понимал, зачем ему понадобилось приехать. Спокойно рассматривая озадаченное лицо Кегеля, Илойнен чувствовал радость. Ему пришлось встретиться с человеком, личным именем честного имени Пекку; и можно свести счеты. Хорошо, что директор его не узнал. Теперь старый лоцман не сомневался: судьба ему помогает. Всемогущий Бог, которому он молился за сына, в его руки вкладывал наказание злого человека. Значит, не даром сидеть старику в часы бессонницы на берегу и смотреть в море! Тяжелая фигура Илойнена выражала так много спокойствия, что Кегель невольно вынул из кармана руку, сжимающую револьвер. Лоцман обдумывал дальнейшие действия. Он был еще силен и не сомневался в себе. Справиться с этим разжиревшим человеком было не так трудно, но рядом с ботом Юхо замечал маленькую моторную лодку, на которой приехал Кегель. Он понял, что лучшего достигнуть, действуя разумом, а не силой. Бог, отдавший человека в его руки для наказания, поможет в дальнейшем. Надо постараться сначала получить побольше ценных сведений, а затем исполнить волю судьбы. Какое счастье, что Кегель не узнал и не чувствует в Юхо кровавого врага! Если бы знал Немец, что старый Финн упрямо решил свести счеты, то не глядел бы успокоенным. Директор предлагал серьезные вопросы, а Илойнен отвечал, усмехаясь. Ему нравилась эта игра. Очевидно, Кегель считает себя коншкой, а его мышью, между тем как на деле было наоборот. Кегель с тревогой ждал ответов и внимательно смотрел в лицо Юхо. Он обдумывал способы использовать пойманного старика, видимо, мало испуганного. Уклончивые ответы ласкали надеждой его подкупить. Ему нужен был человек, знающий шхеры, как свои пальцы. Лучше этого старого лоцмана не найти. Какой успех, если бы удалось щедрой рукой купить его помощь и использовать ее для нападения на русский суд! Кегель начал торг. Все существо Илойнена возмущилось от мысли, что негодий директор может покупать у него измену, смелость думать, что лоцман способен стать предателем. Не открыть ли карты? Но нет—еще рано, надо ждать. Юхо сдерживал гнев. Кегель говорил вкрадчивым голосом.

Итак, приятель, вы проведете подводную лодку к русским судам, а плату назначайте сами. Знайте, что мы не скучимся.

— Надо подумать,—глухо ответил Илойнен и опустил глаза.

Он боялся, что Кегель даже в темноте прочтет их ненависть. Теперь Юхо знал достаточно.

«Дыши, пока, негодяй! Хватай последние глотки воздуха. Сейчас всаку нож в твою жирную шею, как тюленю. Я заплачу тебе за сына».

Но поднятая рука Илойнена медленно опустилась. Да, он убьет Кегеля, а ведь это будет только личная месть. Новая, яркая, прекрасная, как солнце, мысль вспыхнула в мозгу старого лоцмана и согрела тепло. Он стар. Прожитая без пылинки честная жизнь и не стала нужна. Но смерть может пригодиться,—пусть же сослужит она последнюю, самую лучшую службу. Юхо поедет с Кегелем на немецкую подводную лодку и поведет ее, поведет на взрывную гибель, на страшные мины. От взрыва их разлетятся вражеские борты на тысячу кусков. Илойнен улыбнулся тихому свету радости, озарившей закат его жизни, и сказал Кегелю, садясь в моторную лодку:

— Вдем же! На разсвет будет славная работа.

Н. Вечеслов.

ВЫСТАВКА «МИРА ИСКУССТВ» 1915 г.

Эскиз памятника королю-герою, АЛЬБЕРТУ Бельгийскому.
Скульптура А. Л. Обера.

Литературные заметки.

Стихи Владимира Соловьева*.

Вот они выходят уже шестым изданием, эти странные стихи—философия в поэзии или поэзия в философии. Часть литературного наследия Влад. Соловьева, едва ли не наиболее ценная—та самая, которая «отъ глѣна убѣжавъ, по смерти станетъ жить»...

Ибо Владимир Соловьев был в основе своего типа «странствующий раб»—подобный тем, которые на заре ионийской цивилизации бродили с острова на остров, из общины в общину, всюду принося свои ритмические сказания о

* Владимир Соловьев. «Стихотворения». Изд. 6-е, значительно дополненное. М. 1915. Стр. X+359. Ц. 2 р. 50 коп.

«началь всѣхъ вещей»—эти первые полусознательные движения зарождающейся философской мысли. Человеку свойственно сперва воспринять то, что онъ послѣ разскажетъ въ «отвлеченной» логической формулировкѣ. «Нѣтъ ничего въ разумѣ, что не явилось бы раньше въ чувствахъ»,—замѣтили еще древне эту иерархическую истину нашей психики.

И то обстоятельство, что Влад. Соловьеву лучше удавалась новизна и оригинальность его «откровеній», когда онъ заключал ихъ въ оболочку поэтическихъ образовъ, чѣмъ когда пытался построить изъ нихъ законченную научную систему (такъ и не закончившуюся), служитъ лучшимъ доказательствомъ действительной новизны, действительной «ферментности» принесенной имъ съ собою духовной стихии. Русская философия начинается, какъ греческая, съ этихъ стиховъ—полныхъ сно-

ва пережитого платонизма, вновь почувствованныхъ экстазовъ древнихъ александрийцевъ, полагавшихъ «розоваго призрака»:

Произана лазурью золотистой,
Въ рукѣ держа цвѣтокъ не злѣсныхъ странъ,
Стояла ты съ улыбкою лучистой,
Кивнула миѣ и открылася въ туманъ...

Стихи Влад. Соловьева—заключенныя въ нихъ настроенія, ихъ мистическое созерцаніе,—это, действительно, какой-то «цвѣтокъ нездѣнныхъ странъ», выросшій на почвѣ еще такъ недавно (и въ годы именно написанія этихъ стиховъ) насвозь позитивной, но самъ уже обобщающей намъ иные страны и другіе, болѣе «лазурные» горизонты... И если въ началѣ русской философии прошла передъ нами эта фигура новаго Ксенофана Колофонскаго или Парменида, то мы въ правѣ ожидать, что ей послѣдуетъ не простое подражаніе западнымъ учителямъ или столь же «простая» полемика съ ними (какъ было до сихъ поръ), а новое «начало»—оригинальное и мощное раскрытіе русского мышленія, приходъ русскихъ «собственныхъ Платоновъ» и завершителей Аристотелей.

Новое изданіе является «значительно дополненнымъ» сравнительно съ прежнимъ не только въ смыслѣ поэтического матеріала (помѣщено болѣе 30 новыхъ стихотвореній), но также въ комментаторскомъ и библиографическомъ отношеніи (даны подробныя примѣчанія издателя, племянника покойнаго философа, С. М. Соловьева). Приложена также довольно обширная біографія. Но особенно цѣнны два, раньше не воспроизводившіяся портрета—молодого Соловьева и послѣднихъ годовъ. Оба рѣзко отличаются отъ общезвѣстныхъ, нѣсколько декоративныхъ, и потому мало «убѣдительныхъ» портретовъ. Эти, напротивъ (можетъ быть, по ихъ непривычности), даютъ «свѣжее» дѣлательное впечатленіе. И если на юношескомъ портретѣ преобладаетъ еще внѣшняя «живописность», то второй,—покидая, утомящая житейской дорогой, голова, снятая въ профиль,—поражаетъ. Тѣ же пышные волосы, стояшіе тамъ гордой короной, легли сылошь серебряной пеленой, вокругъ носа и глазъ—тяжелыя морщины; сдвинутыя брови, напряженный взглядъ—это лицо стоитъ цѣлой книги!.. И замѣчательнъ «сословный» типъ его: это лицо стараго православнаго (пожалуй, даже нерусскаго, а греческаго) священника, «ерея»,—старого не только въ смыслѣ лѣтъ, но еще болѣе въ смыслѣ глубокой, «ветхой» мудрости, увѣчавшей, вмѣстѣ съ серебрянымъ отблескомъ волосъ, эту удивительную голову. И это именно православное, «восточное» лицо—вовсе не католическое, какъ можно было бы ожидать отъ такого проповѣдника Рима. Но тутъ сказался длинный рядъ предковъ «изъ духовнаго званія» (см. біографію).

Несмотря на полноту книжки, въ ней все же есть пропуски: такъ не помѣщено краткое, но очень выразительное для Вл. Соловьева, превосходное стихотвореніе «Колѣблется воля людей, что волна» (помѣщено въ собр. писемъ, томъ III), въ которомъ такъ отчетливо сказались присущее Соловьеву ревностное ошущеніе трансцендентнаго міра. Нѣтъ шуточнаго обращенія къ Лопатину («Невронъ финляндскій, стражащій всеритомъ»...). Впрочемъ, не вошло большинство шуточныхъ стиховъ.

П. Перцовъ.

Тургеневъ о Нѣмцахъ*.

Отыскались два старыхъ письма Тургенева, напечатанныя въ свое время въ «Современникѣ» (отъ 1847 г.) и въ «Атеней» (1858). Въ старыхъ журналахъ не-

* В. Саводникъ. «Забутыя страницы П. С. Тургенева». М. 1905 г.

«Пеньный бунтъ въ Петроградѣ». Старинная постройка на М. Невѣ. Здѣсь жилъ при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ герцогъ Ейронъ.

Картина Е. Е. Лансера.

сомнительно скрывается еще немало материала, принадлежащего нашим литературным корифеям, и извлечение его отсюда есть занятие во всяком случае болѣе похвальное, нежели подсчитываніе, сколько разъ упомянуть Александръ Македонскій у Лермонтова и какой процентъ приходится у Пушкина на дактилическія строки и какой на анапесты. Но сами по себѣ вновь открытыя тургеневскія письма не очень интересны — особенно второе, изъ Рима, посвященное «скукъ» путешественниковъ, не умѣющихъ «смотреть» за границу. Зато въ первомъ, изъ Берлина, находятся строчки, не лишеныя, можно сказать, злободневнаго интереса. Это, хотя бѣгле, по мѣткіе штришки нѣмецкаго духовнаго облика.

Берлинъ былъ тогда еще смиреннымъ городомъ: «Берлинъ до сихъ поръ еще не столица», — пишетъ Тургеневъ, — «по крайней мѣрѣ, столичной жизни въ этомъ городѣ нѣтъ и слѣда». Тогдашній Петроградъ производилъ на него гораздо болѣе грандіозное впечатлѣніе: тотъ «растетъ не по днямъ, а по часамъ», тогда какъ Берлинъ въ 1847 г. Тургеневъ засталъ по внѣшности такимъ же, какимъ оставилъ въ 1840 г. Узналъ ли бы онъ теперь четырехмилліонную столицу объединеннаго фатерланда? За послѣдніе годы Берлинъ былъ болѣе почной городъ, нежели какой-либо другой въ Европѣ (по крайней мѣрѣ, такъ было до войны), а во времена Тургенева въ немъ ложились спать «гораздо раньше куряцы». «Въ 10 часовъ вечера одни меланхолическіе и нагруженныя пивомъ ночные сторожа скитаются по пустыямъ улицамъ, да какой-нибудь буйный и подгулявшій нѣмецъ идетъ изъ «Тиргартена» — и у Бранденбургскихъ воротъ тщательно гаситъ свою сигарку, ибо «нѣмѣтъ передъ закономъ»...

Смирномудріе «буйныхъ» предковъ передалось по наследству потомкамъ — и мы видѣли, какъ «законопослушные» германскіе Kaiser-Socialisten также загасили своей «оппозиціонный» пылъ, проходя подъ окнами Вильгельма, какъ ихъ дѣдушки тушили когда-то свои вонючія сигарки, выходя на другой конецъ той же «Унтер-денъ-Линденъ».

Другая національная черта: въ томъ же Тиргартенѣ выстроено «огромнѣйшее зданіе, гдѣ каждую недѣлю добрые Нѣмцы собираются сотнями и «торжественно вѣдать» (halten ein Festessen) въ честь какого-нибудь достопамятнаго происшествія или лица: лейпцигскаго сраженія, изобрѣтенія книгопечатанія, Семилѣтней войны, столпотворенія Вавилонскаго, міросозданія и дружныхъ допотопныхъ ливней»...

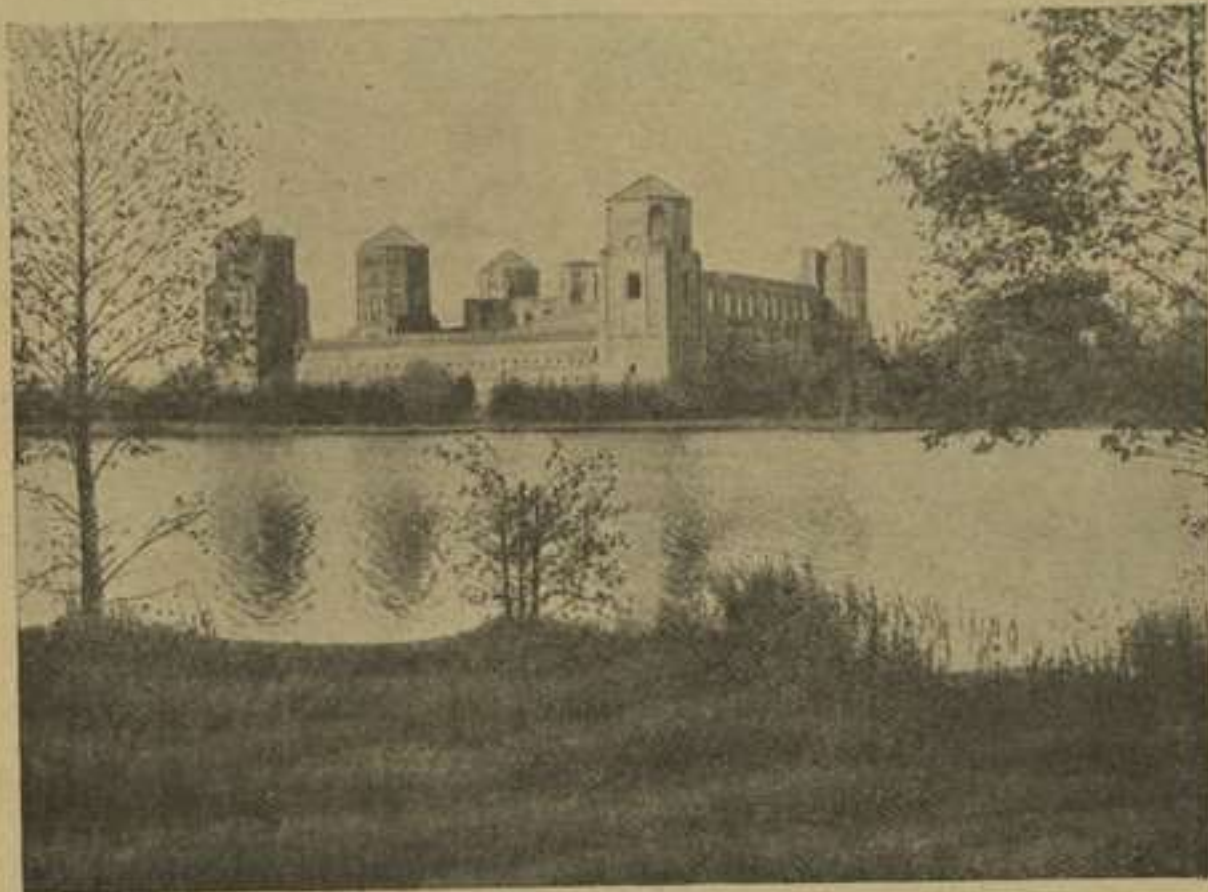
Но главное занятіе тогдашнихъ Берлинцевъ было, кажется, философствованіе. По крайней мѣрѣ, всѣ письма Тургенева перестраиваются именами позабытыхъ теперь знаменитостей тѣхъ романтическихъ временъ, которымъ, «какъ любопытный «Скюль», внимали когда-то русскіе юнцы. Впрочемъ, къ 1847-му году, когда написано письмо, этотъ интересъ для самихъ Нѣмцевъ сталъ уже мѣняться — началась метаморфоза прекраснороднаго «Шаллера» въ шелкающаго зубамъ волка, который оказался закутанымъ въ эту овечью шкурку... Тургеневъ отмѣчаетъ другое духовное впечатлѣніе отъ Берлина, чѣмъ за семь лѣтъ до того:

«Въ 40-мъ году съ волненьемъ ожидали Шеллинга, шипѣли съ ожесточеньемъ на первой лекціи Штала (профессоръ-пѣвистъ), воодушевлялись при одномъ имени Гердера, воспламенялись отъ Беттины, съ благоговѣніемъ слушали Стефенса; теперь же на лекціи Штала никто не ходитъ, Шеллингъ умолкъ, Стефенсъ умеръ, Беттина перестала красить свои волосы»...

И уже тогда онъ резюмировалъ свои наблюденія: «литературная, теоретическая, философская, фантастическая эпоха германской жизни, — кажется, кончена».

Думалъ ли онъ самъ, насколько она бы-

подъ егкой грозой,

Замокъ ин. Радзивилла въ гор. Мирѣ. Въ настоящее время величественный замокъ носитъ тяжелые слѣды разрушенія, пострадавъ о тѣ вѣрительскихъ орудій.

ла кончена и въ какой степени была готова, «по Гегелю», переломиться въ свой «антитезисъ»!

П. П.—въ.

Мелочи.

Черты изъ жизни Франца-Иосифа.

Съ пораженія при Садовой, вся Европа сочувственно слѣдила за катастрофами, поражающими Габсбургскій домъ, и всѣ несчастія, обрушивавшіяся на эту династію, ступеньками истинный образъ монарха «слоскутной имперіи». Являлся привычка говорить о немъ въ тонѣ симпатизирующаго сожалѣнія.

Съ войною, однако, произошла перелома личности, и многіе факты изъ жизни престарѣлаго австрійскаго императора предстали въ совершенно иномъ освѣщеніи.

Тщательно разбирая всѣ личныя воспоминанія о Францѣ-Иосифѣ, мы сталкиваемся повсюду съ однороднымъ элементомъ въ оцѣнкѣ его характера. Глубочайшій эгоизмъ, онъ воспринимаетъ весьма поверхностно всѣ несчастія, если они не затрагиваютъ лично его. Недалекій по уму, — онъ обладаетъ достаточнымъ тактомъ и искусствомъ, чтобы скрыть пробѣлы своего интеллекта. Самоуверенный, искренно вѣрившій въ неоспоримое происхожденіе своего рода вадъ всѣмъ че-

ловѣчествомъ, — онъ въ то же время умѣетъ быть общительно любезнымъ и доступнымъ...

Такъ трагически погибшая супруга Франца-Иосифа, императрица Елизавета, въ послѣдніе годы своей жизни избѣгала говорить о своемъ супругѣ, но ея молчаніе было достаточно краснорѣчиво и давало почувствовать нѣмое осужденіе всѣхъ его поступковъ.

Послѣ трагической кончины эрцгерцога Рудольфа императрица переживала самый острый кризисъ своей жизни, отчаяніе ея выразилось бурно и несдержанно, и она навсегда сохранила неприязнь къ Францу-Иосифу, замкнувшемуся послѣ этой катастрофы въ молчаніе и ничѣмъ не проявившему своего горя.

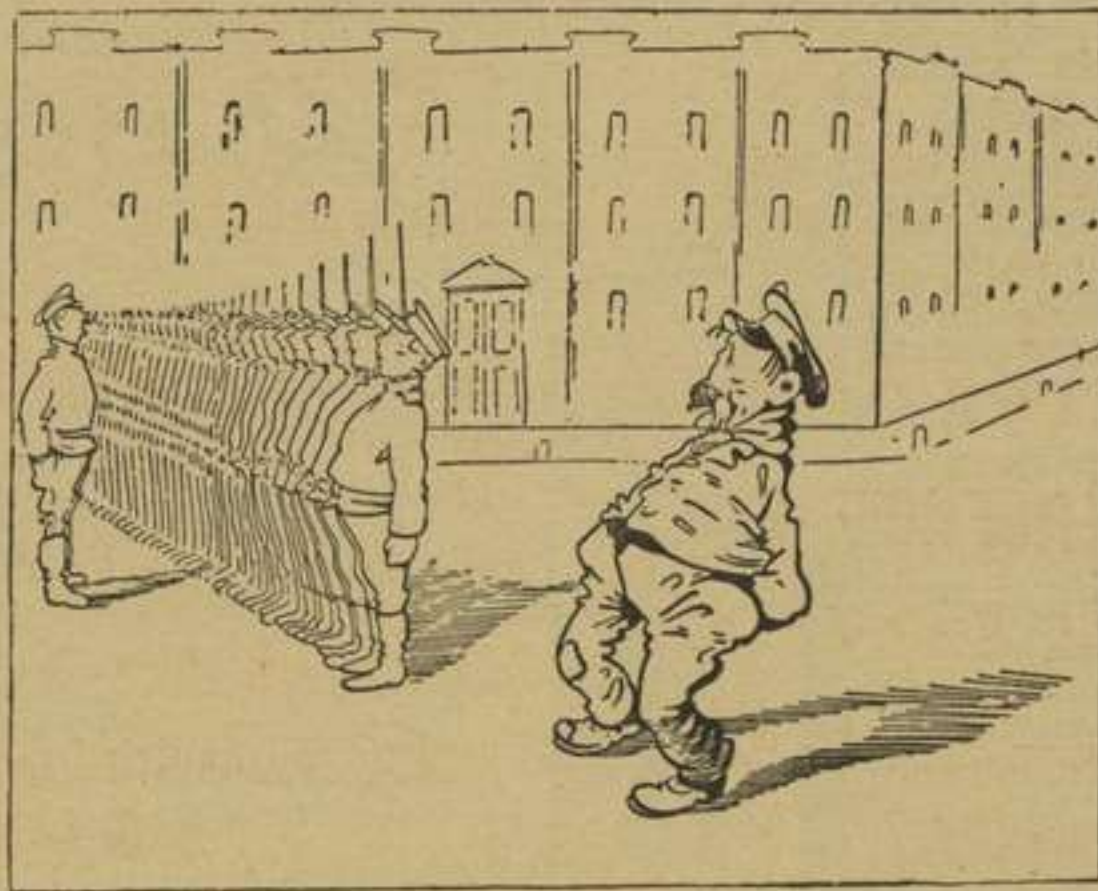
Лица близкія къ императрицѣ говорили, что она часто высказывала увѣренность, что императоръ знаетъ болѣе, нежели хотѣлъ сказать о мрачной драмѣ охотничьяго домика, и что она далеко не увѣрена, что императоръ не сыгралъ здѣсь какой-то темной роли.

Эти слова, вырвавшіяся у императрицы въ порывѣ горя, и дали основаніе вѣрному сплетнямъ и догадкамъ, расцвѣтившимъ столь пышно на могилѣ погибшаго наследника престола.

Изъ воспоминаній очевидцевъ мы можемъ составить точное представленіе о томъ, какъ отражалась на Францѣ-Иосифѣ каждая очередная катастрофа, обрушивавшаяся на династію.

Во всѣхъ случаяхъ «мезальянса» императоръ вслухъ гнѣвомъ и выражалъ сожалѣніе, что «принцы крови не умѣютъ любить, не теряя разсудка». Ес-

два поколенія.

Ханжества. — Трезвое время, трезвая молодежь! А вотъ выстроится какъ слѣдуетъ и не умѣютъ: не фронтъ, а канал-то ломанная линія!

Кар. Эн-Эра.

ли посредникъ, избранный для ликвидаціи этого деликатнаго вопроса, ъгтался приводить аргументы въ защиту влюбленной пары, то императоръ насмѣшливо прерывалъ его:

— Да, я знаю заранѣе, что вы скажете... Что она добродѣтельна какъ ангелъ, умѣетъ жарить гуся и готовится стать матерью!..

И, не выслушавъ дальнѣйшихъ возраженій, онъ удалялся гнѣвно въ свои апартаменты.

Но... гнѣвъ и раздраженіе вредятъ пищеваренію, а поэтому черезъ день или два императоръ смягчался, особенно если не возникало препятствія въ видѣ разныхъ религій. Относительно этого вопроса онъ оставался непоколебимымъ.

Въ своихъ отношеніяхъ къ окружающимъ его императоръ умѣетъ быть виртуозно-гениальнымъ актеромъ.

Одинъ придворный рассказываетъ слѣдующій характерный случай. Дѣло происходило въ Ишлѣ, гдѣ скончался высокій сановникъ, возмужавшійся неограниченнымъ довѣріемъ монарха.

Въ домѣ убитой горемъ собрался съ выраженіями соболъзанія весь цвѣтъ вѣнскаго двора, когда доложили о прибытіи императора. Всѣ почтительно разступились: вошелъ Францъ-Иосифъ и направился къ вдовѣ. Его взглядъ, обычно безцвѣтный и блуждающій, — выразилъ глубокую печаль. Глухимъ и расстроганымъ голосомъ онъ произнесъ слова сочувствія и выразилъ глубокое сожалѣніе, что судьба лишила его лучшаго помощника и вѣрнаго друга. Спросивъ о послѣднихъ минутахъ жизни «друга», онъ распрошался и удалился, попросивъ, чтобы его не провожали дальше дверей зала.

Послѣ его ухода залъ наголился восторженными дифирамбами по адресу императора, — восхваляли его простоту, его доброту, его умѣнье раздѣлять чужое горе... Какъ вдругъ, на порогѣ появилась молодая фрейлинка Р.

Съ трудомъ сдерживая улыбку, немужественно при такихъ печальныхъ обстоятельствахъ, она увлекла въ уголокъ совѣтника М. и камергера графа В. и начала имъ рассказывать насмѣшнѣйшій ея эпизодъ.

— Я поднимаюсь по лѣстницѣ, и вдругъ услышала, что кто-то весело насвистываетъ арію изъ «Прекрасной Елены». Подымаю глаза — императоръ! Мнѣ такъ хотѣлось расхохотаться, что я не помню, какъ я пробѣжала мимо него.

Въ воспоминаніяхъ другого придворнаго мы находимъ еще болѣе рельефное подтвержденіе того, что Францъ-Иосифъ — глубочайшій эгоистъ и актеръ по натурѣ. Описывается одинъ изъ дней императора:

«Вставъ рано и совершивъ одинокую прогулку по парку, онъ возвращается въ рабочій кабинетъ, гдѣ находитъ кипу бумагъ и докладовъ со всѣхъ концовъ своей обширной имперіи. Онъ выслушиваетъ рапорты, подписываетъ два-три смертныхъ приговора... Доклады утомляютъ его, и онъ черезъ полчаса или черезъ часъ начинаетъ зѣвать и говорить министру: «Слѣдуйте все сами, — какъ найдете лучшимъ». Министръ почтительно откланивается. Кто-то докладываетъ императору, что графиня С. пала жертвой кровавой драмы. И вдругъ императоръ оживаетъ, высказываетъ ужасъ, повторяетъ: «Schrecklich» (ужасно)... Онъ знаетъ бѣдную графиню, знаетъ мужа, а также и того... другаго! Онъ погружается въ задумчивость, но въ это время приноситъ завтракъ, скромный завтракъ стараго холостяка: шинцель по-вѣнски, овощи и стаканъ пива.

— Ужасно! — повторяетъ онъ, начиная ѣсть съ апетитомъ, и еще два или три повторяетъ онъ это слово, и забываетъ затѣмъ всю драму, пуская клубы дыма изъ своей трубки.

Францъ-Иосифъ не скрываетъ того, что общественная жизнь страны мало интересуетъ его, и не разъ, въ отвѣтъ на изумленіе какой-либо простодушной дамы, начинавшей бесѣдовать съ нимъ о томъ или иномъ событіи, возмущавшемъ всю страну, онъ возражаетъ равнодушно:

— Не слыхаль... Впрочемъ государя, какъ и врачи, почти полные невѣжды въ своей области!..

Редакторъ М. А. Суворинъ.
Изданіе Товарищества А. С. Суворина —
«Новое Время».

УРАЛЬСКІЕ Драгоценные Камни
 А. Ю. ПИЛСУДСКІЙ.
 НЕВСКИЙ, 96 (уголь Надеждинской).
 Изумруды, рубины, сапфиры, александриты, цирконы, топазы и пр. и пр.
 Приемъ и быстрое выполнение заказовъ на всевозможныя ювелирныя надѣлы.
 Художественная работа. Цѣны вѣтъ конкуренціи.
 Телефонъ 168-95.

Посвящ. вс. родителямъ.
 пов. Волковичъ-Вель.
АНЧАРЪ
 (изъ переп. гимназиста). Ц. 60 к. (бѣл. обложка)
ТОГО-ЖЕ АВТОРА.
 «БОГА ИЩУТЬ» Ц. 75 к.
 (разск. изъ судебн. хроникъ, почтен. отъ Акад. Наукъ). Брѣж. повр. малъ дѣтск. воар.
 Прод. во всѣхъ книж. маг. и жел.-ж. бюрокъхъ.

Изданіе А. С. Суворина:
РАБОЧИЙ ВОПРОСЪ И СОЦІАЛИЗМЪ
 П. ГЕРЦБЕРГА.
 Переводъ со шведскаго подл редакціей Л. Л. Толстого. — Цѣна 1 рубль.

ЭТИ ПРЕКРАСНЫЯ, СВѢЖІЯ, ОЧАРОВАТЕЛЬНЫЯ ЛИЦА,
 этотъ юный видъ и бархатистость кожи получается отъ употребленія Дермозона Д-ра Антона Мейеръ. Въ ближайшей аптекѣ Вы можете получить банку въ 30 граммъ полукрѣпкаго Дермозона. Втирайте его на ночь въ лицо кончиками пальцевъ и Ваше лицо сдѣлается свѣжимъ, юнымъ и бархатистымъ. Дермозонъ Д-ра Антона Мейеръ абсолютно безвреденъ. Остерегайтесь поддѣлокъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1916 г.
Три рода людей
 Подписн. годъ начин. 1-го ноября

52 №№ художеств.-иллюстрир. журналовъ, свыше 1.000 стр. **52** №№ ХРОНИКА ВОЙНЫ съ многочислен. иллюстраціями. ЗА ГОДЪ 4 руб. съ дост. и перес. 3 руб. 50 к. безъ дост. и пересылки.

Приложенія по выбору подписчиковъ за особую плату, а именно:

12 кн. журн. литер. повѣсокъ	МІРЪ ПРИКЛЮЧЕНІЙ	за доплату 2 руб. 60 к.
20 кн. собраніе сочиненій	РЕДИАРДА КИПЛИНГА	за доплату 3 руб.
50 книгъ новаго собранія сочиненій	ИЗВѢСТНАГО ПИСАТЕЛЯ	за доплату 6 руб. 50 коп.
16 кн. художествен. изданія	НАРОДЫ МІРА	въ нр вахъ за доплату 3 руб. 60 к.
12 кн. ежем. журн. самообр.	ЗНАНІЕ ДЛЯ ВСѢХЪ	за доплату 3 руб. 50 к.

УСЛОВІЯ РАЗСРОЧКИ: Разсрочка на журналъ и приложенія допускается въ два или три срока: въ два срока: при подпискѣ половина стоимости журнала и выбран. приложеній и къ 1 мая остальные. Въ три срока: при подпискѣ треть стоимости, къ 1 февраля еще 1/3 стоим. и къ 1 мая остальные. Каждому подписчику предоставляется право выписать журналъ безъ приложеній, либо съ однимъ или нѣскольк. прилож., но не одинаков., по собств. выбору. Приложенія безъ журнала не высылаются. Подробн. объявленіе жу н. высылается безплатно. Главн. Контора: Петроградъ, Стрѣлнинъ, 12. — ИЗД. П. П. СОЙКИНЪ. —

ДЛЯ ПОХОДА
 небывало свѣтло, долго горяще
ЭЛЕКТРО-ФОНАРИ
ТЕРМОСЪ, КОМПАСЫ и проч.
 Петроградъ, МОРСКАЯ, 33.
 СКЛАДЪ НОВЫХЪ ИЗОбрѢТЕНІЙ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ» ПИ ОДАЕТСЯ
 ПЕРВОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ
Х. А. ВЕЧЕЛЬ
Романъ изъ Жизни Школьника
 Переводъ съ англійскаго А. Витковской
 СОДЕРЖАНІЕ: I. Машоръ. — II. Цезарь. — III. Дослѣ попойки. — IV. Торпиды. — V. Товарищество. — VI. Откровеніе. — VII. Реформа. — VIII. Вернъ-Боскобель. — IX. Тяжелые дни. — X. Наказаніе. — XI. Домъ съ привидѣніемъ. — XII. У Лорда. — XIII. Погибать такъ погибать. — XIV. Покойно! ючи.
 Цѣна 2 рубля (въ переплетѣ).

НИВА еженедѣльный иллюстрированный журналъ **1916.**
 ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЬ:

52 №№ журналовъ: повѣсти, разск., картинки, рис. въ краск., иллюстраціи съ текстомъ военн. дѣятелей.	52 КНИГИ, отпечатанныя въ четк. крѣпкомъ шрифтомъ, въ которыхъ войдетъ:
12 книгъ ежемѣсячн. журнала ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ.	
40 книгъ «СБОРНИКА НИВЫ», содѣланныхъ:	
ВТОРУЮ СЕРІЮ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ	
Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА,	
ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ	
Н. Г. ГАРИНА-МИХАЙЛОВСКАГО,	
— НОВЫЯ — ПОСМЕРТНЫЯ СОЧИНЕНІЯ	
А. П. ЧЕХОВА.	
Романъ Шарля ДЕ-КОСТРА: „БИБЛІЯ БЕЛЬГІИ“ (Уленспигель).	
2 Нивы спец. картъ театра воен. дѣятелей двухъ фронтовъ западнаго (русскаго) и западно-европ. подл ред. проф. Ю. М. Шокальскаго.	
12 №№ ежемѣсячн. «НОВЫХЪ МОДЪ».	12 Листовъ выкроекъ и рисунковъ рукодельн. работъ.
1 «ОТРЫВНОЙ ЕЖЕМѢС. КАЛЕНДАРЬ» на 1916 г.	

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА «НИВЫ» совсѣмъ приложеніями на годъ: въ Петроградѣ: безъ доставки 8 р. 50 к. (съ перес. по Россіи) 10 р. до ускорен. разсрочка: съ доставкой 9 р. 50 к. (въ Европ. Россіи) 11 р. 50 к. (въ Сибирякѣ, доплачиваютъ 3 р. 50 к., съ перес. въ Европ. Россіи). Новыя подписчики, желающіе получить первую серію (18 кн.) Мамина-Сибиряка, доплачиваютъ 3 р. 50 к., съ перес. въ Европ. Россіи. Адресъ: въ Контору журнала «НИВА», Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ Т-ва А. С. Суворина — «Новое Время» Петроградъ, Невскій, 40, Москва, Харьковъ, Одесса, Ростовъ (на Дону) и Саратовъ продаются новыя книги

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА:

ОБРАЗЫ ПРОШЛАГО. Очерки и разсказы о великихъ людяхъ прошлыхъ вѣковъ: Моисей и Бела, епископъ Амброзій, олимп. стенографъ Палисен, Даміанъ де-Вестеръ, Дж. Говардъ, Дж. Чосеръ, Робертъ Борнъ, Чарльзъ Диккенсъ, Пьеръ де Шанпанъ и др.). Петрогр. 1915 г. Цѣна 2 р. 25 к., въ папкѣ 2 р. 50 к., въ переплетѣ 3 р.

СКАЗКИ И ЛЕГЕНДЫ ШВЕДСКАГО НАРОДА въ обработкѣ для дѣтей Н. Каринцева. Съ 78 рисунками шведскаго художника. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р. 75 к., въ папкѣ 2 р., въ коленк. переплетѣ 2 р. 50 к.

ДВА ДРУГА. Изъ жизни въ лѣсахъ Африки. Повѣсть для дѣтей и юношества. 1915 г. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ коленк. переплетѣ 2 р. 25 к.

ВЪ ЛѢСНЫХЪ ДѢБРЯХЪ. Разсказы Ч. Робертса. Переводъ съ англійскаго Волюмова, съ рисунками С. Плотинскаго. Петрогр. 1914 г. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ коленк. переплетѣ 2 руб.

ДИКОВИНКИ ЗЕМЛИ, СИЛЬНОВАГО. Популярныя очерки изъ жизни нашей планеты П. Е. Васильева. Съ 88 рисунками въ текстѣ. Петрогр. 1913 г. Ц. 1 р. 75 к., въ папкѣ 2 р., въ коленк. переплетѣ 2 р. 50 к.

ЧУДЕСА ПОДВОДНАГО ЦАРСТВА. Популярныя очерки изъ жизни обитателей моря П. Е. Васильева. Съ 106 рисунками. Петрогр. 1914 г. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ коленк. переплетѣ 2 р. 25 к.

Исполняются заказы на всѣ книги: научныя, учебныя, для дѣтскаго чтенія, для легкаго чтенія, справочныя и проч.

НОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

47

№ 14268

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 28-го НОЯБРЯ (11-го ДЕКАБРЯ) 1915 ГОДА.

№ 14268

Думы.

Есть дни, как сумерки, что кажутся не днями,
Есть ночи бѣлыя, что смотрятъ бѣднымъ днемъ,
Есть сны, которые намъ кажутся не снами,
И пробужденія, казавшіяся сномъ.

Есть жизни долги съ умершими годами,
И есть мгновенія, гдѣ жизнь полна огня,
Есть души юныя съ угасшими мечтами
И есть цвѣты, боящіеся дня.

Есть тризны хмѣльныя—подобье пирова-
ванья,
И есть вѣчаніе съ печалью похоронъ,
Есть чувства вѣрныя безъ клеветъ, безъ
объщанья,
И страсти пылкія, обманныя, какъ сонъ.

Безъ словъ есть набожность, молитвы
есть безъ вѣры,
Есть ледъ безгрѣшности и жаркій воулъ
въ грѣхахъ,
Есть непроданная привязанность гетерымъ,
И ядъ продажности на двѣстическихъ
устахъ.

Н. Вилье.

Королева-скиталица.

Роланда де Маресъ*.

Она тамъ, среди сражающихся войскъ,
звѣстѣ съ королемъ Альбертомъ. Она шеп-
туетъ изъ города въ городъ, изъ лагеря
въ лагерь, изъ траншеи въ траншею. Она
ободряетъ живущихъ и утѣшаетъ умираю-
щихъ, она улыбается, она перевязываетъ

* Les Annales.

РЫЦАРЬ БЕЗЪ СТРАХА И УПРЕКА.

Король Бельгийцевъ АЛЬБЕРТЪ въ рѣдкія минуты отдыха отъ шума и опасностей битвы. Одна изъ послѣднихъ фотографій короля.

КОРОЛЕВА-СКИТАЛИЦА.

Супруга короля Альберта, ЕЛИЗАВЕТА Бельгийская. (См. статью Роланда де Маресъ на этой стр.)

ВЪ РИНСКОМЪ РАЙОНѢ.

Опой-Кирна. Убранная елками, она представляла хорошо замаскированный наблюдательный пунктъ.

Рисун. А. Пржевальскаго (участника войны).

мой, не преследуя никаких политических целей.

Съ первого же дня она стала «маленькой королевой», и название это произносилось съ таким отглагольным изъяснением и любви, что даже иностранец постигал его чуждую всякой лести и фамильярности прелесть. Она изменила угрюмую атмосферу, царившую при дворѣ изъ-за непрестанных семейныхъ несчастий и частаго траура. Она привлекала ко двору поэтовъ и артистовъ, стремясь отбѣтить царствованію своего супруга мощнымъ расцвѣтомъ литературы и всѣхъ искусствъ. Много говорили объ оказанномъ ею вліяніи на ярко выраженную новую ориентацию правящихъ сферъ страны. Трудно опредѣлить, чье участіе здѣсь было значительнѣе—короля или королевы? Но самый фактъ сочетанія этихъ двухъ столь одаренныхъ природою существъ—воплощенія разумной доброты и мужественной правды—для бодрствования надъ величьемъ народа является чудомъ историческихъ судебъ. Даже самый суровый социализмъ былъ обезоруженъ и, не отрываясь отъ своихъ принциповъ, склонился передъ прелестью и простотой королевы. Когда въ первый же день войны она отправилась одна на перевязочный пунктъ въ Maison du Peuple въ Брюссель и пошла въ залъ, стѣны котораго не разъ оглашались самыми рѣзкими революционными выкриками, ее встрѣтили такъ, какъ никогда не встрѣчали ни одного трибуна.

Народъ, впрочемъ, проявилъ любовь свою къ ней еще раньше. Четыре года назадъ, когда она была опасно больна, и когда послѣ многихъ дней смертельной за нее тревоги населеніе страны узнало, что ей предписано покинуть на нѣсколько мѣсяцевъ Бельгію, оно было глубоко взволновано. Изъ всѣхъ провинціальныхъ городовъ начали присылаться пожеланія и советы и рекомендовались средства, часто трогательныя по своей наивности. Позже, съ возвращеніемъ въ столицу праздновалось, какъ вторичный «горжественный въездъ». Но послѣ этой тяжелой болѣзни королева, вынужденная беречься, рѣдко показывалась въ общественныхъ мѣстахъ. Свои медленно восстанавливавшіяся силы она всецѣло отдавала посѣщенію обездоленныхъ, основанному ею благотворительнымъ учрежденіемъ и своимъ дѣтямъ. Она понемногу замыкалась и удалялась отъ толпы, и однако никто ее не забывалъ.

Когда разразилась война, первая мысль народа была о ней:

— А королева?

Будетъ ли она искать убѣжища съ принцами и маленькой принцессой Маріей-Жозефиной въ Англии, или на Югъ Франціи.

Но она осталась со своимъ народомъ и, уже нѣсколько мѣсяцевъ нигдѣ не показывавшаяся, внезапно снова появилась. Въ дни страшной опасности, когда всей странѣ грозилъ ужасъ вражескаго нашествія, когда людямъ предстояло страдать и умирать, она появилась, чтобы исполнить до конца свой долгъ. Она покинула Брюссель лишь за день до вступленія въ него Нѣмцевъ; она отправилась въ Антверпенъ, проникая всюду, гдѣ лежали раненые и умирающіе. Въ то время, какъ король посѣщалъ траншеи, она шла подъ бомбами цепелиновъ и разрывавшимися снарядами нѣмецкихъ орудій въ госпитали и на перевязочные пункты, двигаясь руки и улыбкой отстраняя тѣхъ, кто совѣтовалъ ей быть осторожной. Потомъ, когда ей пришлось покинуть Антверпенъ и, отступивъ въ равнины Фландріи, видѣть, какъ сотни тысячъ бѣглецовъ тѣснились къ единственной надеждѣ на спасеніе, къ морю, она прошла по этимъ равнинамъ со спокойнымъ лицомъ, улыбаясь солдатамъ и несчастнымъ, сохраняя такую совершенную душевную ясность, что въ сердцахъ самыхъ отчаявшихся воскресла вѣра.

Елизавета, королева Бельгіи, царствующая въ настоящее время—впредь до грядущей побѣды союзниковъ—лишь въ разоренномъ участкѣ земли, тянущемся передъ дюнами, увѣнчана самой прекрасной изъ коронъ, тѣмъ, что мистики называютъ «ореломъ святости». Въ эпоху колебанія всѣхъ добродѣтелей она является прекрасное зрѣлище слабой женщины, черпающей въ величій своего духа силу противостоять неумолимой судьбѣ. Королева-скиталица, но болѣе перетепленная, чѣмъ супруга могущественнѣйшаго повелителя, она символизируетъ все свое отечество, умерщвляемое, но не желающее умирать.

Вдали отъ пышныхъ городовъ и великолѣпныхъ дворцовъ посѣщаетъ она смертельно-раненыхъ солдатъ. И когда она проходитъ около нихъ, вѣки умирающихъ въ послѣдній разъ приподымаются, и послѣдняя слеза скатывается съ ихъ рѣсницъ; руки судорожно протягиваются съ мольбой, и блѣдныя уста, обращаясь къ ней, шепчутъ имя, заключающее въ себя всю человѣческую нѣжность, имя, которое произносится въ минуту глубочайшаго страданія и которое трогаетъ самые суровыя сердца: имя матери.

Въ лѣсу.

Зимній холодъ природу сковалъ,
Блещутъ рѣки поверхностью синей,
Разомклись деревья, какъ будто на балъ,
Въ серебристый, сверкающій иней.
Солнце золотомъ блѣднымъ горитъ въ
вышинѣ,

Дарить землю улыбкою нѣжной.
Что за радость въ лѣсу, въ бѣлизнѣ, въ
тишинѣ

Пробираться тропинкою снѣжной,
Чистый воздухъ вдыхать и хрустящихъ
шаговъ

Умѣрять осторожно движенія:
Снѣгъ отъ солнечной ласки растаять
готовъ,

Обнажая пеньки и кореня.
На прогалину высочилъ зайцъ—и вонъ
Закружилась, слѣды заметая,
Перенуганный тѣмъ, что голодныхъ во-
рошь

Вдругъ раскаркала шумная стая.
Тихо стало опять. И на сердцѣ легко,
Позабыты вѣзгоды, печали,
И сияющей видни всю жизнь далеко,
Какъ и эти пушистыя дали!

Гемма.

Поцѣлуй изъ царства Геллы.

I.

У меня подъ-рядъ два раза было воспаленіе легкихъ. Разъ—отъ театралныхъ сквозняковъ, здѣсь, на сѣверѣ; другое—черезъ мѣсяць, въ Италиі, отъ февральскихъ испареній Понтийскихъ болотъ. Венція меня немножко поправила, и я добрался опять до сѣвера. Одинъ Шведъ-докторъ сказалъ мнѣ:

— Дышите тяжелымъ нашимъ туманомъ на закалѣ солнца. Вы сѣверный уроженецъ, и долѣживаться вамъ надо здѣсь, а не на югѣ. У васъ одышка. Чѣмъ гуще воздухъ, тѣмъ для васъ здоровѣе.

Несмотря на вонни друзей, я выскокалъ въ Финляндію туманный загонъ одного озера и поселился тамъ. И съ какою наслажденіемъ я вспоминаю эти багровые вечера, эти ползучіе золотисто-сизые туманы!

Когда солнце уже приблизится къ полюсу далекаго фюлетоваго лѣса, и облака закрутятся вокругъ него огненными, пересыщенными раскаленнымъ громадами роръ, садился я въ легкій финскій челнокъ, и онъ несъ меня черезъ спокойную

стеклянную гладь въ дальнюю заводь, и ски сказала она, укорачивая цѣпь, и прибавила, взглянувъ на меня:—не обращайтесь на него вліянія, онъ не тронетъ.

И опять что-то начала говорить собака,—но, кажется, не по-русски, а по-шведски или фински. Я шелъ по узкой дорожкѣ и вѣлки пощелкивали наверху и поглядывали на меня черными, безноконными глазками, цѣпко держась за вѣлки и постыжась чужимъ своимъ пушистымъ хвостомъ. Дятлы сидѣли низко на старыхъ стволахъ и стучали твердымъ носомъ въ кору, выгоняя оттуда пріотянувшихся насекомыхъ. Блѣдныя бабочки плюхали своими крылышками и выжидали тѣ вѣлки, которъ е бы имъ были больше по вкусу. Муравьи тащили къ себѣ въ муравейникъ огромную для нихъ тушу томя опятаго изъ стада жука. Бѣгли, за свѣтлыми островками, тѣпился дымкомъ парохода. И тишина была соннаго царства лѣта.

— А хорошо здѣсь зимою,—думалъ я,—еще больше вѣкового покоя, чѣмъ лѣтомъ. И я представлялъ себѣ гладь озера, поцѣпленную снѣжкомъ, снѣга, туманнаго дѣвственнаго снѣга,—и эти сосны, всѣ опушенные бѣлыми густыми снѣжными глыбами, и эти домики, занесенные снѣгомъ до самыхъ коньковъ, и розовый дымкомъ, что поднимается изъ трубъ и таетъ въ морозномъ прозрачномъ воздухѣ.

— Но неужели здѣсь, въ этой снѣжной могилѣ, она проводитъ всю зиму? спрашивалъ я себя.

II.

На противоположномъ берегу озера, верстахъ въ трехъ, разъ къ ночи вдругъ вспыхнуло желтовато-красное пламя, густой дымъ, выходя по валу о ерочъ, и темной полосой отразился въ водѣ. Изъ моего окна такъ ясно былъ виденъ этотъ далекий пожаръ. Я вышелъ на берегъ, чтобы было еще виднѣе, и пошелъ у самой воды. Ночь была сѣверная, прозрачная, опалочная,—такія бывають только утра на югѣ.

На выступѣ поросшаго мхомъ и травой берега сидѣла, охвативъ руками колѣна, Майя. Я приподнявъ шляпу. Она кивнула головой.

— Это горитъ въ Пейпуло,—сказала она. Памъ есть сарай такой, гдѣ лодки сгораютъ. Онъ и горитъ.

Пламя встало высоко въ крону и дождемъ огненныхъ искръ посыпалось въ воду.

— У нихъ застраховано,—прибавила она, и стала опять смотреть на пламя.

— Вамъ зимой здѣсь не скучно?—спросилъ я, послѣ молчанія.

— Я зимой буду жить у сестры въ Стокгольмѣ,—сказала она вмѣсто отвѣта.

— А здѣсь останутся Анна и Тапіо.

— Дни здѣсь коротки зимой?—полувопросительно сказалъ я.

— Она задумчиво посмотрѣла на воду.

— Да. Въ десять солнце восходитъ. Въ два заходитъ. Вонъ за тѣмъ лѣсомъ. По-кажется изъ-за этой горки, поднимется только—и сейчасъ прятается.

— Она вдругъ сдвинула брови и замолчала.

— И съ двухъ дня до десяти утра—темная ночь,—заговорила она опять, и все сильнѣе стискивала себѣ колѣна.

— Иногда вѣтеръ реветъ, иногда морозъ трещитъ. И звѣзды яркія такія, яркія. А дома тепло, и печки томятся и лампы горятъ.

— Она опять замолчала, задумалась. Потомъ вскопчила, постоала,—и пошла тихо по берегу. Ея бѣлое платье долго блѣло, мелькая то тутъ, то тамъ изъ-за прибрежныхъ кустовъ. Потомъ исчезла совсемъ, точно расплылась между зеленою молодого ивняка...

На другой день я шелъ по берегу. На томъ мѣстѣ, гдѣ было Пейпуло, не выглядывала изъ-за деревьевъ знакомая крыша, и сѣренькій фронтонъ, давшій че-

НА ВОЙНѢ.

Въ лѣсныхъ трупцахъ.

Рисунъ А. Пржевальскаго (участника войны).

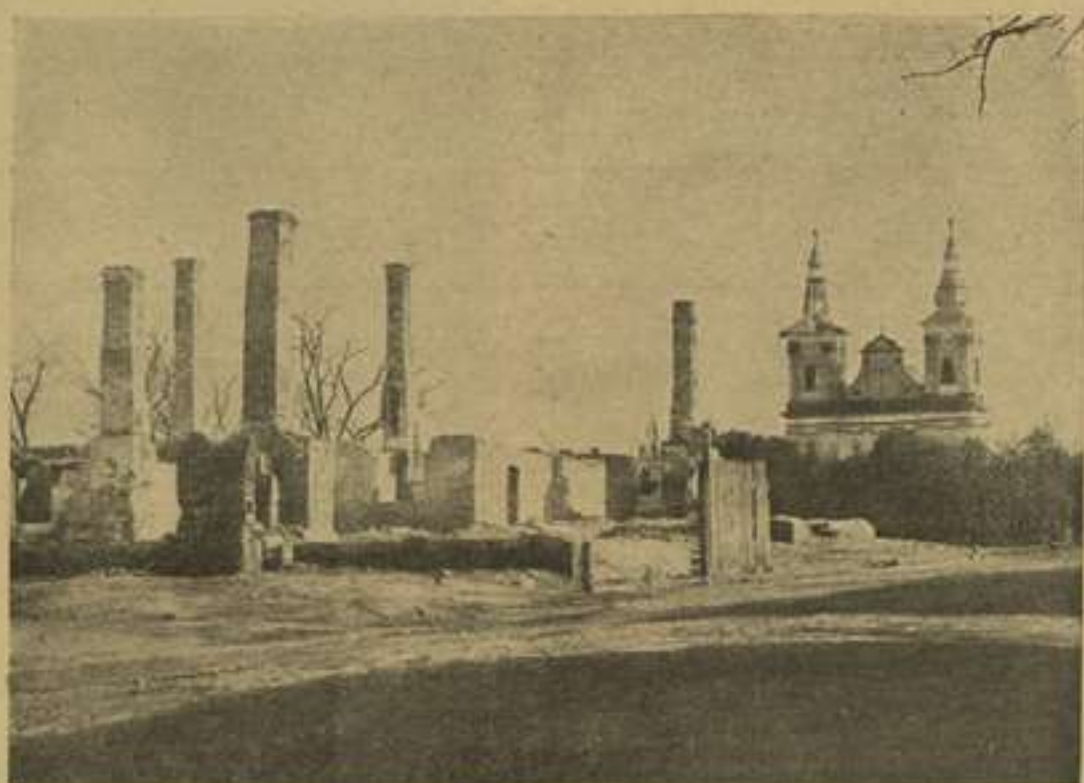

Подполковникъ В. А. Топъ-Францезъ, раненый на австрійскомъ фронтѣ, получивъ чинъ подполковника за боевые отличія. Кроме того имѣетъ 7 наградъ, въ числѣ которыхъ георгиевское оружіе и орденъ св. Георгія 4-й степени. Последняя награда пожалована за то, что въ австро-болгарскомъ бою съ 24 на 25 января 1915 года у с. Овечина, при штурмѣ укрепленной высоты 682, командовавъ ротой, обошелъ фронтъ противника и лѣвой штыковой атакой ослѣдилъ его окопы, захвативъ два дѣйствующихъ пулемета и взявъ въ плѣнъ 3 офицеровъ и 200 инвальныхъ чиновъ.

Подполк. И. В. Буринскій. Награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст., за то, что въ бою 27 и 28 января 1915 года подъ Дригалленомъ и Байковомъ, находясь подъ сильнымъ огнемъ пяти неприятельскихъ батарей, а затѣмъ почти и всей артиллеріи неприятельскаго корпуса, искуснымъ и очень важнымъ своимъ дѣйствіемъ заставилъ замолчать сильнѣйшую неприятельскую артиллерію. Онъ привлекъ на себя огонь противника и тѣмъ далъ возможность нашей пѣхотѣ упорно оборонять занятую позицію противъ сильнѣйшаго противника до окончания поставленной ей задачи.

БИТВА ЗАТИХЛА

Въ разоренной деревнѣ. Съ фот. В. І. Шубской-Корсаковой, въ Москвѣ.

тыре бѣлыя колонны. На камнѣ, но не на томъ, что былъ подалше, а что плотно сидѣлъ у самого берега, я увидѣлъ Машу. Она сбѣсила ноги въ воду.

— Слышите, какъ гарью оттуда тянетъ? Къ вечеру это пройдетъ,—сказала она, полуоглядываясь, точно продолжала длинный разговоръ.

— А вы хорошо говорите по русски,— замѣтилъ я.

— Что жъ мнѣ не говорить? Я въ русской школѣ училась. Вотъ сестра Эва, та ни слова не говоритъ по-русски. Она за фабрикантомъ замужемъ. У нея трое дѣтей. Младшій—толстый мальчикъ, и у него на лѣвой рукѣ шесть пальцевъ...

Она посмотрѣла серьезно на небо, потомъ засмѣялась.

— А мужъ у нея Гуго. Его зовутъ Гуго. Когда ему сказали, что у мальчика шесть пальцевъ, онъ спросилъ: «только шесть?». Понимаете? Онъ хотѣлъ, чтобы никто не удивлялся, и что шесть пальцевъ—очень мало. Поэтому мама его не любила,—она говорила, что онъ вѣчно притворяется. Что всякому отцу неприятно, если у его ребенка больше пальцевъ, чѣмъ надо. А если Гуго сбѣется, значитъ онъ нехорошій человекъ.

— А вы какъ полагаете?—спросилъ я, когда она остановилась.

— А я думаю, что онъ хорошій, только его сердитъ, что люди полагаютъ, что все какъ надо, и на каждой рукѣ должно быть по пяти пальцевъ. Онъ поэтому и споритъ. Поэтому, я на Рождество къ Эвѣ ѣздила одна, а мама двѣ недѣли была здѣсь, вдвоемъ съ Анной. И отпуская меня, она говорила: «Ну, я такъ рада, что, наконецъ, одна остаюсь, и никто со мной спорить не будетъ». И она знала маленькихъ дѣтей съ озера, дѣлала имъ елку и кормила сладкими. А когда одна дѣвочка объѣлась пряниками и заболѣла, она заплатила десять марокъ доктору, за то, что онъ приѣхалъ на лыжахъ за восемь километровъ, и потомъ заплатила еще четыре марки за лѣкарство.

— А отчего ваша мама умерла? Она задумалась. Потомъ покачала головой.

— Не знаю. Она съ вечера говоритъ мнѣ: «Я задыхаюсь». Я ей сказала, что надо послать за докторомъ. Она говоритъ, что завтра пошлетъ, а потомъ засмѣялась: «Если,—говоритъ,—доживу до утра». Я ничего ей не сказала. А она легла и говоритъ: «ну, вотъ я и усну сегодня, такъ усну, такъ усну», и повернулась на правый бокъ. А потомъ помолчала и тихо бормочетъ: «уѣду я въ каретѣ далеко, далеко!». Я думала, бредитъ она, и говорю: «Хорошо!» А она спрашиваетъ: «Развѣ ты рано будешь одна остаться? Вѣдь когда я говорила, что лучше одной.— я лгала. Хуже одной, хуже—холоднѣе». Я спрашиваю: «Укрыть тебя?» Она говоритъ: «Не надо, мнѣ, старой, и такъ жарко». Я тронулъ ей лобъ, онъ холодный. Говорю: «И совѣмъ тебѣ не жарко». А она повторяетъ: «Жарко,—уѣду я». Потомъ погнала меня спать. Я полежала въ постели и спрашиваю: «Ну, какъ тебѣ теперь?» А она говоритъ: «Скоро пѣду, скоро».

Маша опять замолчала и все такъ пристально смотрѣла на воду.

— А ночью,—часа уже четыре бито,— проснулась я какъ отъ толчка какого: показалось мнѣ, что она говоритъ: «Что, спрашиваю, мама?» Молчитъ. Я подошла. А она ужъ на половину холодная. Она замолчала.

— Сестра ваша прѣзжала изъ Стокгольма на похороны?

— Нѣтъ. Да ей нельзя. У ней опять ребенокъ долженъ родиться. Она только недѣлю спустя узнала, что мама умерла. И также Гуго хочетъ назвать, если будетъ дочь, какъ звалась бабушка—Гильда... И въ ней, въ этой Гильдѣ, маленькой Гильдѣ,

можетъ быть возродится мамина душа.

Она повернула ко мнѣ голову и большіе сѣрые глаза уставились на меня.

— Я маму ни разу во снѣ не видѣла послѣ ея смерти. Гдѣ же душа ея? Отчего не возлѣ меня? Она была всегда здѣсь. А теперь вѣтъ ея. И тѣло увезли отсюда и зарыли въ песокъ въ городѣ на кладбищѣ. Я говорила пастору, что это не хорошо, а онъ говоритъ: «Нѣтъ, хорошо».

Она отвернулась опять и задумалась. Темный вѣтеръ тихо набѣгалъ съ запада и шевелилъ пряди ея серебристо-желтыхъ волосъ. Она подставила его поцѣлуймъ лицо, и онъ ласково скользилъ по ея щекамъ, губамъ и открытой шеѣ.

III.

— Есть у насъ здѣсь такая легенда,—начала она задумчиво.—Мнѣ мама много разъ рассказывала...

Она говорила это медленно, тягуче, точно съ трудомъ разбирала старыя письмена.

— Души умершихъ все живутъ въ царствѣ Геллы. А царство Геллы наверху, въ сѣверныхъ горахъ сѣвера. Тамъ ихъ высокіе замки,—и башни, и дворцы, и залы. Тамъ горятъ ярко лампы, а по стѣнамъ висятъ шкуры волковъ и оленей. Вокругъ замковъ носатся орлянины стаи и громкимъ крикомъ возвѣщаютъ, что здѣсь

† А. Н. ЧИНОЛГВЪ, товарищъ предсѣд. совѣта съѣздъ дѣятелей по средней и мелкой промышленности и пр. дѣст. 2-го отдѣла о щ. содѣйствія русской торговлѣ и промышленности. См. № 14247 «Нов. і р.»

ВЪ СТРАНѢ НАШИХЪ БРАТЪЕВЪ-ГЕРОЕВЪ.

ПОСЛѢ ТРЕХДНЕВНОЙ БОМБАРДИРОВКИ.

Типы сербских «войниковъ» изъ долины Вардара.

На улицахъ Бѣлграда, разрушеннаго трехдневной бомбардировкой Германцевъ и Австрийцевъ и въ концѣ опустошеннаго нѣмецкими мародерами.

Генераль-майоръ Мих. Дм. Ниченко.

Командуя самостоятельными отрядами отъ полка до дивизии, онъ провелъ удачно 14 боевъ, причемъ его войсками взято 300 неприятельскихъ офицеровъ, 12,000 лошадей, чинцовъ, 4 орудія и 15 пулеметовъ. Награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й ст. и георгіевскимъ оружиемъ и представленъ къ чину генераль-лейтенанта за боевыя отличія и георгіевскому кресту 3-й степени.

великое царство. А наверху, на самой высокой крышѣ, стоитъ коза съ золотыми рогами, и течетъ изъ нея не молоко, а старый медь, который пьютъ тѣ рыцари, гомъ царство злыхъ силъ. Все глубже за-

что пали въ бояхъ, а теперь пируютъ съ блестящихъ залахъ.

«И въ этомъ царствѣ Геллы—царство вѣтровъ. И души умершихъ вселяются въ вѣтры и несутся съ ними къ лѣсамъ, полямъ и жилищамъ живыхъ людей. Добрыя души, свѣтлыхъ, хорошихъ людей, теплыхъ и мягкихъ, и послѣ смерти живутъ въ теплохъ вѣтрахъ. И когда минуетъ зима, вмѣстѣ съ первыми цвѣтами весны онѣ прилетаютъ сюда и начинаютъ нѣжно и ласково цѣловать насъ, и обнимать и кружиться вокругъ, и такъ намъ дѣлается легко и весело, всѣ болѣзни проходятъ, и такъ далеки мы отъ жизни земной,—отъ тѣлесной, и хочется намъ, чтобы вѣчно такъ мягко и хорошо окользало по нашему тѣлу ихъ прикосновеніе.

«А когда минуетъ лѣто, цвѣты завянутъ, листья пожелтѣютъ, скоробятся и станутъ падать, порхая неровно, зигзагами, какъ мотыльки съ пораненными крыльшками,—добрыя души тихо начнутъ сторониться и уступать мѣсто злымъ душамъ. И злыя души завоюютъ, загудятъ и понесутся, срывая съ деревьевъ послѣдніе уборы. Вода почернѣетъ, птицы полетятъ на югъ, къ теплу, звѣри заберутся въ теплыя норы, и холодные дожди, какъ ударами плети, станутъ полосовать безпріютныхъ.

«И все больше и больше разольется кру-

Подполи Б. Н. Гармаевъ. Награжденъ Георгіевскимъ оружиемъ за отличныя дѣянія своей батареи.

берутся въ дальніе покои Геллы добрыя души. Ласковаго вѣтра больше никто не чувствуетъ. А тѣ духи, что гуляютъ на снѣжномъ просторѣ, тѣ шиплютъ, замораживаютъ, кусаются. Они бьютъ въ лицо острой ледяной изморозью. Они заматаютъ на смерть путниковъ въ открытомъ полѣ, стучать въ окно, визжать, реветъ и воютъ, какъ голодные волки.

Она сдвинула брови. Румянецъ точно сбѣжалъ съ ея свѣжихъ щекъ. Потомъ она подвинула голову, даже слегка запрокинула ее назадъ.

— Когда вотъ сижу я на камняхъ, на берегу, и вѣтеръ охватитъ меня со всѣхъ сторонъ,—я чувствую вокругъ себя что-то родное. Я не знаю,—мать ли это, другой ли кто,—но я сброшу сандалии и такъ мнѣ хорошо и спокойно. И кажется мнѣ, когда я умру,—такъ же ласково буду вѣять вокругъ другихъ и ласкать и цѣловать ихъ...

Она замолчала. Потомъ истеронясь надѣла сандалии и тихо, тихо пошла прочь, оборвавъ разговоръ, какъ будто перешла на другую мысль и, полная ею, поплыла куда-то вдаль, увлеченная какой-то силой.

Нѣсколько дней я не видѣлъ Майи. Я пошелъ къ ея дому. Тамъ, увидѣвъ меня, рвался и поднимался на заднія лапы съ силой лаемъ. Анна копошилась въ кустахъ. Я спросилъ ее, здорова ли барышня. Она что-то отвѣтила мнѣ на незнакомомъ языкѣ, махнувъ рукой, и засмѣялась.

Я спросилъ у своей старушки-сторожки о томъ же.

— Въ Стокгольмѣ она уѣхала. Сестра ея умерла. Дѣти маленькія остались. Она и поѣхала къ нимъ. Должно быть, не вернется сюда: она будетъ теперь мать для племянниковъ.

А лѣто догорало такое же тихое и ясное, какимъ было и въ началѣ. И такъ же по вечерамъ я плылъ въ челнокѣ по спокойному озеру. И такъ же вѣтеръ ласкалъ меня,—и казалось мнѣ, что это ласкаютъ меня поцѣлуи изъ царства Геллы. И я почувствовалъ, какъ крѣпну съ каждымъ днемъ, и какъ здоровье вливается въ меня отъ живительныхъ силъ духовъ Геллы...

П. Гейдичъ.

НОВЫЕ ГЕОРГІЕВСКІЕ КАВ'ЛЕРЫ.

Торжественно раздачи Георгіевскихъ крестовъ отличившимся солдатамъ.

Прапорщ. И. Г. Кутитонскій (направо), убитый въ австрийскихъ окопахъ въ Галиціи во время ихъ штурма. Рядомъ съ нимъ прапорщ. В. Г. Кутитонскій, въ день смерти брата дважды раненый и безъ вѣсти пропавшій въ Галиціи на Днѣстрѣ во время атакъ деревни, занятой Австрийцами. Всѣхъ, знающихъ что-либо о судьбѣ его родителю просить уведомить по адресу Петербургъ, Вас. Остр., 17 линия. № 64—66, кв. 20.

ВЪ ЗАТЪШЬЕ.

Привалъ полнаго обоза въ лѣсу.

Походная кузница въ районѣ боевого фронта.

Пречистую Дѣву, съ главою покорно
склоненною,
На темной иконѣ чуть видно въ лампад-
номъ огнѣ.
Какъ пламень, угаснуть готовой овѣчи
предыконной,
Молитвою трепетной вспыхнуло сердце
во мнѣ:
—Устала, устала я въ скорби своей
одинокой,
Устала на долгомъ, на тяжкомъ, на труд-
номъ пути!
Пошли мнѣ на сердце молчаніе и ти-
шину,
Другого желанья въ погасшей душѣ не
найти.
И только, чтобъ сердце глухою обидой
не пыло,
Что даромъ прошла любви его поздней
краса,—
Ты все, что любимымъ не взято, не по-
нято было,
Возьми, Богородица Дѣва, къ Себѣ въ
небеса.
Вечернія зори потомъ надъ землей за-
лигаютъ,
Недолгую радость въ сіяніи тихомъ раз-
лей,
А слезы, что жарко лились безъ конца
и безъ края,
Ты съ ливнемъ шумящимъ пошли на
просторы полей».

Вѣра Рудичъ.

C'est peu qu'en un ouvrage, où les fautes fourmillent
Des traits d'esprit semés de temps en temps pétillent:
Il faut que chaque chose y soit mise en son lieu...
Que le début, la fin répondent au milieu...

При такихъ условіяхъ литература не
знала тѣни. Отъ сравненія съ по-

выми богами старыя становились толь-
ко ярче, опредѣленнѣе. Хорошо по-
ступило издательство «Шиповникъ»,
что приступило къ переводу про-
изведеній Гюстава Флобера*. Этотъ

* Вышелъ т. 8, ч. I. Письма къ племян-
ницѣ. Перев. А. А. Кублицкой-Нюлгухъ.
Подъ ред. А. Блока. Пѣтр. 1915. 432 стр. 8'.

отмѣнный стилистъ французской литера-
туры XIX в. сравнительно мало извѣстенъ
въ Россіи. Впервые познакомилъ его съ
русской публикой Тургеневъ, большой
другъ писателя. Затѣмъ пропагандировалъ
его кн. А. И. Урусовъ, извѣстный адво-
катъ и тонкій художественный критикъ.
Про Урусова даже говорили, что на сво-
ихъ фотографическихъ карточкахъ онъ
вмѣсто подписи обыкновенно писалъ:
«Lisez Flaubert». Нужно сознаться, что
переводы Флобера, самыя совершенныя,
значительно умаляютъ его значеніе. Рѣд-
ко въ какомъ писателѣ живой языкъ
живой души народа такъ ярко выливался
въ литературныя формы, какъ въ авторѣ
«Саламбо». Въ этомъ отношеніи особенно
замѣчательна переписка Флобера. Жаль,
что для начала переписки редакция вы-
брала письма Флобера къ его племянницѣ.
Захватывая послѣднія двадцать лѣтъ жи-
зни писателя, они не даютъ въ достаточной
степени того матеріала, который спосо-
бенъ заинтересовать читателя. Слѣдовало
бы начать съ болѣе ранняго періода. Въ
ту пору, когда Флоберъ пишетъ своей ма-
тери, г-жѣ Х., другу юности Э. Шевалье,
это совѣтъ другой человѣкъ. Это время
наиболѣе гибкихъ переживаній. Флоберъ
увлекается, любитъ, мечтаетъ. Дни проте-
каютъ не только за письменнымъ столомъ,
но за дружескими спорами съ товарища-
ми, за путешествіемъ по Востоку и т. д.
Радость бытія отражается, конечно, въ
характерѣ переписки. Счастливые оборо-
ты мысли искрятся въ каждой страницѣ.
Цѣлыми пригоршнями черпаешь читатель
остроумныя афоризмы, мѣткія сравненія и
выводы. Конечно, и переписка съ К. Ка-
монвилемъ любопытна, но болѣе съ биогра-
фической стороны. Къ 1857 г. Флоберъ
значительно уже постарѣлъ, усталъ, разо-
чаровался. Многие друзья его умерли, дру-
гіе пошли по иному пути, отстали или из-
мѣнили. На письма, простые и искренніе,
легли печальныя тѣни осени. Поэтъ уто-
мился, ищетъ покоя. Что-то под-
сказываетъ ему, что конецъ его не за го-
рами, и онъ лихорадочно спѣшитъ, двадца-
тичасовой работой въ сутки, завершить
начатое. Только иногда обстоятельства
жизни нѣсколько измѣняютъ его нормаль-
ное состояніе. Чрезвычайно интересны, въ
смыслѣ современности, страницы, посвя-
щенныя франко-прусской войнѣ. Флоберъ
находится въ самомъ центрѣ событий,
вблизи Парижа, въ Руанѣ или Круассе, и
волей-неволей долженъ принять участіе
въ трагической борьбѣ его родины съ Гер-
манцами. Этимъ фактомъ судьба какъ
будто зло подсмѣивается надъ старымъ
писателемъ. Было время, когда, въ созна-
ніи своей ответственности передъ ислу-

Отрядъ Краснаго Креста на театрѣ военныхъ дѣйствій во время затишья.

Литературныя замѣтки.

Переписка Флобера.

Въ нашъ вѣкъ пара и электричества
литературная форма перестала быть дѣ-
ломъ искусства. Она болѣе вопросъ тех-
ники. На все выработались особые
пріемы, иногда упрощенные до край-
ности. Еще недавно въ газетахъ
промелькнуло объявленіе объ открытіи
спеціальной школы газетныхъ сотрудни-
ковъ. Въ двадцать уроковъ, съ ручатель-
ствомъ за успѣхъ, подготавливается кадръ
дѣятелей печати. Конечно, не всѣ эпохи
были такими счастливыми. Существовало
время, когда печатное слово составляло
принадлежность особой касты, по своей
замкнутости напоминавшей жреческую.
Тамъ бережно хранили заветы стараго
Буало, выраженные въ знаменитомъ
L'Art poétique:

Vingt fois sur le métier remettre votre
ouvrage;
Polissez-le sans cesse et le repolissez;
Ajoutez quelquefois et souvent effacez.

СВОЕОБРАЗНЫЙ «КАБИНЕТЪ ДАНТИСТА».

Почти подъ обстрѣломъ, наши санитары, подъ присмотромъ врача, вырываютъ зубъ
у больнаго солдата.

ством, Флобер себя тщательно отмежевывал от всего того, что носило характер злободневности. «Зачем вы мне сообщаете о мессинском землетрясении?» — писал он кому-то. «Что я в этой истории могу поддлатать? В конце концов меня это и не интересует. Я весь погружен в изучение классической древности». *Tempora mutantur!* Эгоист по призванию, страстно влюбленный в античную красоту, классицист-эпигронец капризом судьбы принужден был шествовать во главе руанской городской милиции.

Перевод писем сделан весьма тщательно. Вот только жаль, что отсутствуют алфавитный указатель собственных имен. Он так необходим для справок.

В. И. В. Д.

Роман о смысл войны.

Попытка под гром орудий написать роман, затрагивающий философию войны и импюций задачей выяснить ее смысл, нельзя отказать в известной смелости. Мы привыкли думать, что писатель должен отодвинуться на некоторое расстояние от изображаемых явлений для того, чтобы случайное и мимолетное не заслоняло от него главного и существенного. Но, повидимому, в наше торпящаяся жить и сбивающая чувствованием влечение правилам старого художественного катехизиса считается неуместным, и в романе «Час настал» * г. М. Криницкий пытается, не откладывая в долгий ящик, разрешить те сложные задачи, которые неожиданно предстали перед человечеством, слушать его прежние представления о многом, считавшиеся долгое время непреклонными. Подход автора к разрешению этой задачи является, однако, не столько художественным, сколько публицистическим. Он просто-напросто заставляет героев следовать по поводу войны друг с другом, и его философия является, в конечном итоге, не выводом, который читатель сам дѣлает из нарисованной ему художником яркой картины, а рядом готовых формулированных суждений, по характеру своему однородных с газетными и журнальными статьями на темы о причинах возникновения войны, о ее характере и т. п. «Разве не культ первобытной зоологической силы сдѣлал в последние годы психологией дня, философией жизни, науки и искусства?... «Война была бы все равно, потому что внутри европейских обществ давно погас дух идеализма»... «Люди бросились бы неизбежно с диким воем друг на друга»... Это говорят интеллигент. Простой человек объясняет смысл войны так: «Рассея... она за свою правду бьется, чтобы к свету выбиться»... При таком упрощенном отношении к художественной стороне произведения некоторые действующие лица, само собой разумеется, являются главным образом его «стародумами», введенными только для произнесения сентенций. В общем благая намерения автора уяснить читателям значение и смысл современных событий сдѣлалось далеко не осуществившимся, а самый роман лишенным цельности и не особенно удавшимся в художественном отношении.

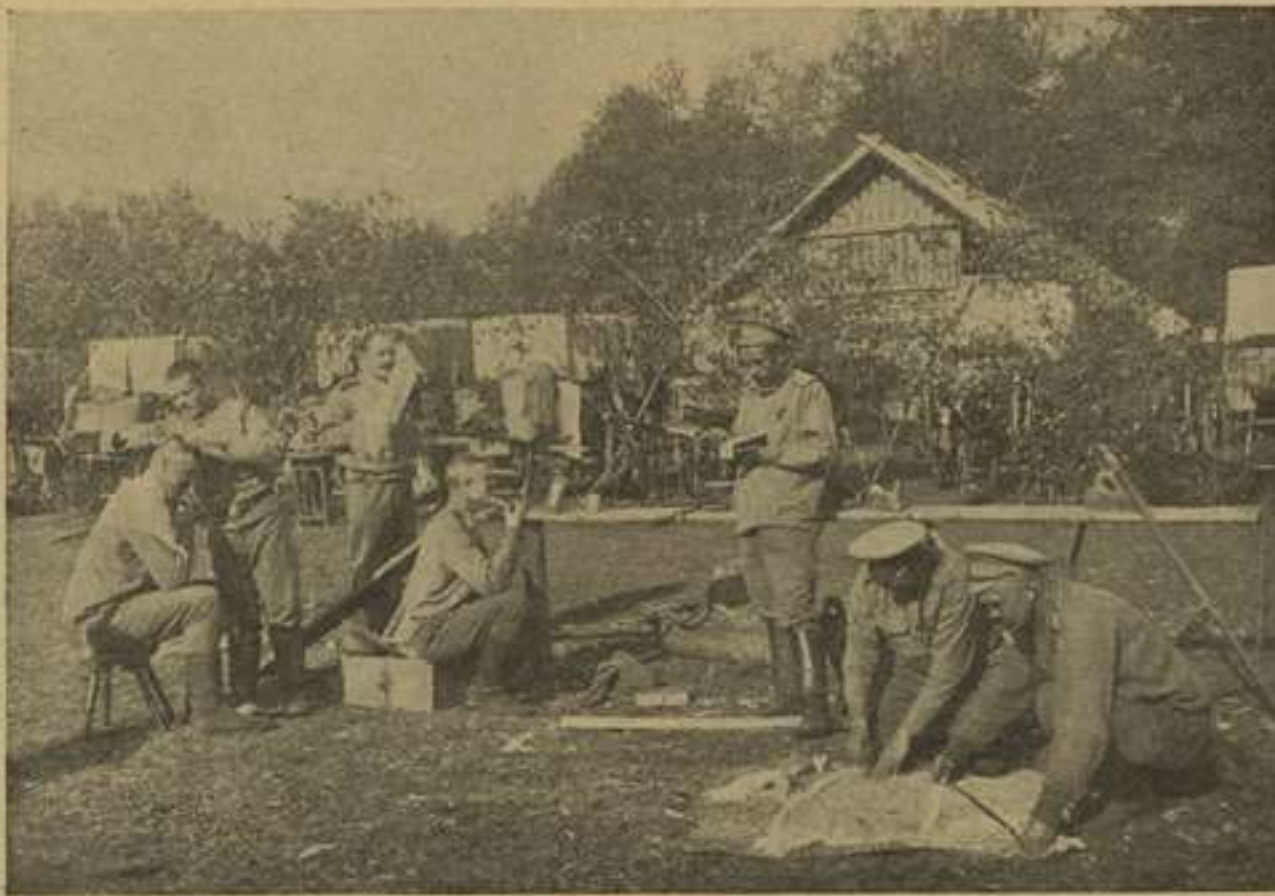
Ю—н.

Из «еврейских мелодий».

При чтении романов, новелл и рассказов довольно многочисленных у нас писателей из Евреев, — Юшкевича, Айзмана, Авскаго, Осиповича и других, — нельзя не обратить внимания

* Марк Криницкий. *Час настал*. Изд. «Наша Лига». Москва, 1915 г. Стр. 231. Ц. 1 р. 50 к.

вЪ ЗАТИШЬЕ.

Туалет на позициях.

на одну, почти всем им общую, особенность. Изображая еврейскую среду, еще более резко. В одном из рассказов, разумеется, время от времени зовъ, под заглавием «Ростом не выводить на сцену и лиц не слишком шель», автор пытается дать картину высокого нравственного уровня, — какого-нибудь молодого карьериста, подвигающегося по пути успеха при помощи женщины, или черствого богача, не желающего поддаться от своих избытков со своим менее удачливым сородичам. Но это исключение, — в большинстве же случаев их герои наделены высокими душевными свойствами, готовностью помогать ближним в нужде, идеализмом самой высокой пробы, способностью к самопожертвованию и т. п. Всеми подобнаго рода высокими качествами они награждены в столь неизменной дозе, что действующие лица русского происхождения кажутся читателю грубыми, вульгарными, погрязшими «в тинь нечистой мелкой помыслов, грязных страстей». К числу писателей этой же категории сдѣдует отнести и г. Андрея Соболя, с тою развѣ только разницею, что в его рассказах * эта двойственность отношения к действующим лицам, в зависимости от принадлежности их к той

* Андрей Соболев. *Рассказы*. Изд. «Свердловские дни». М. 1915. Стр. 225. Ц. 1 р. 25 к.

ЛАТЫШСКИЕ СТРЕЛКОВЫЕ БАТАЛЬОНЫ.

Латышские стрелки из «Георгиевской роты», отличившиеся в бою у Плананеца, где была уничтожена германская рота и захвачены два пулемета и масса амуниции. Потери Латышей — трое убитых, семь раненых.

было единственное «светлое пятно», которое ему довелось встрѣтить на пути при его многочисленных столкновениях с людьми. «Один такой попался, алмаз чистый, а потом уж такая шваль пошла»... И помощник капитана Ефимов, который ни за что ни про что жестоко исколотил мальчика, и старший повар Николай Артамович, который здорово-живешь прогнал его, заплатив за полгода службы «зеленьевую», и другие Русские люди, с которыми ему приходилось сталкиваться, оказались или грубыми и безсердечными, или безприсыпными пьяницами, которых мимолетные благие порывы толкали в хмельном угарѣ. Такова картина русской жизни. Но вот аналогичная история еврейского мальчика, которому также выпало на долю искать себя удачи на блѣдом острѣ. Ему также приходится не сладко, но какая разница в отношении к нему окружающих. У него умерла мать — одна Еврейка «глядяла его по головам» и утѣшала, другая «плакала над ним и не отпускала от себя». Какой-то чужой черныш Еврей «растерянно уговаривал: «ну-ну, сынокъ, нельзя плакать!» Он поступил в ученье к портному Вольфу-Беру, — и там «встрѣтил Нахмана с ласковой улыбкой». В болѣе позднюю эпоху его жизни, когда был убит во время беспорядков в мѣстечкѣ, где он жил, его сын, — «видит Нахманъ, что сына хоронят не только свои родные, но все мѣстечко, плачет не только мать, но и чужие люди, которых до этого Нахманъ никогда и не видѣлъ». Сумасшедшие Еврей, выведенные в одном из рассказов г. Соболя, — и те все до единого поражают читателей своими необыкновенными высокими нравственными качествами. Один, например, возится все с веселыми, но это не простые веселые: «это веселые съех Евреевъ, и если христианскій судь заплатит по нимъ, то уничтожится черта осѣлости, прекратятся погромы». Другой собирает старые заржавленные гвозди: «ему необходимы во что бы то ни стало десять ящиков. Тогда онъ построитъ лѣстницу до неба», по которой «все Еврей ползутъ, и все въ величїи Богъ скажетъ: здравствуйте!»

Идеализация своего племени, хотя бы и не совсем уместная, конечно, не могла бы быть поставлена в вину г. Соболю, равно какъ и другим писателям Евреевъ. Но странно, какъ они не замѣчают, что их отношение к русской действительности является, в сущности, клеветой на Русскаго человека, не имѣющего ничего общаго с теми грубыми животными, которых намъ показывают. Ключъ къ пониманию психологии еврейских авторов г. Соболя, впрочемъ, даетъ, самъ того, повидимому, не подозревая. В одном из его рассказов еврейская дѣвушка с отвращениемъ говорит о томъ, какъ ее пофлѣвал один молодой человек, у которого хотя и были «чужесные голубые глаза» и «гордо вонючая голова», но у которого былъ и большой недостаток: онъ былъ Русскій. Но когда эта же дѣвушка встрѣчается с рыжеатымъ, веснушатымъ еврейским юношей, глаза у которого были «чужесные, словно подделываемые», она обматериваетъ къ нему со словами «сѣсни пѣней»: «Мендель, глаза твои — это голуби, губы твои — это шель»... Такъ же поименно отношение къ «своимъ» и «не своимъ» и у еврейских писателей.

В. Ю. В.

Искусство художественнаго чтенія.

Искусство выразительнаго или художественнаго чтенія еще не преподается в нашихъ общихъ учебныхъ заведенияхъ, какъ особый предмет, но учителямъ словесности постоянно приходится исправлять те

грубые недочеты в чтении, которые обнаруживает наша молодежь. Вследствие отсутствия должной подготовки. За границей техника ораторского искусства уже давно получила необходимое педагогическое признание, постепенно приближаясь к той высоте, на которой она стояла, как общеобразовательный предмет, в античном мире.

Уже около 20 лет занимаясь преподаванием художественного чтения, А. И. Долинов дает в двух только что появившихся в печати книгах два интересных систематических руководства в столь еще для нас новой и не вполне установившейся науке. Одно из них—учебник, доступный пониманию низших классов школы, другое—скорее приспособлено для пользования преподавателей. Согласно трем стадиям восприятия того, что читается,—вопреки слуховому, пониманию и душевной эмоции,—выразительное чтение изучается в трех своих основных элементах—техническом, логическом и художественном. Правильное дыхание, ударение, произношение звуков, умение владеть голосом, умение справиться со знаками препинания для нужных логических ударений—все это так уже выработанные положения, которыми и может и должен научиться каждый. Все это в памяти из гимназического курса истории, как великий оратор древности Демосфен победил свой врожденный порок—сажканье. Книжки А. И. Долинова по полному праву займут свое особое место в нашей педагогической литературе. Мы, Русские, не можем пока похвалиться, что у нас много хороших ораторов.

В. О.

Творец истории и раб политики.

Он не дождался чьих-либо одиннадцати лет до вождельного кровавого разрыва своей родины с великою славянской империей, которую так ненавидел этот невзрачный с виду, сутулый, вечно нерешительно одетый человечек, с роскошною серебристою шевелюрою вокруг удивительно скопанованного лба.

Уроженец отхваченного Пруссакми датского Шлезвига, тайный советник Теодор фон-Моммсен за свою долгую жизнь превосходно сложился за прокрустовым ложем идейно-инквизиторского германства и послужительно провел роль проповедника его крайних домогательств. Его многочисленная, одно другого безаппетнее, политическая выступления словно преследовали определенное задание: возможно принизить во мифа и памяти человечества высокую мировую репутацию Божьего милостью историка, тайновидца, возсоздателя пред нами давно отмершей жизни бывших вьков, со всеми ей, казалось бы, утраченными подробностями.

Суровый профессор, краса и гроза берлинского университета, временами доходил до положительного дон-кихотства в своей непомерной подозрительности ко всяческим чудившимся ему врагам «германского отечества». Моммсен вечно кипел гневом и, потрясая своими маленькими кулачками, яростно нападал по всем фронтам окрест «великой Германии». Вот летит пламенная разрушительная рьча по адресу Парижа, который Бисмарк должен, во имя немецких идеалов, стереть с лица земли прусскими пушками, как ненавистный всякому доброму Ньмцу символ французской культуры, столь опасной для н-

• А. И. Долинов. *Практическое руководство к художественному чтению*. Стр. 307. Цена 1 р. 25 к. Его же. *Учебник выразительного чтения*. Пгр. Стр. 225. Ц. 1 р. Изд. И. П. Карбасникова.
• Римская история, наложенная по Моммсену Н. Д. Чечулиным, Петроград, 1915 г. 386 стр. Ц. 1 р.

ВЪ БАЛЕТЪ.

Заслуженный артист Н. Г. ЛЕГАТЪ и балерина лондонскаго Паласъ-театра Н. А. НИКОЛАЕВА. Въ выступленіи ихъ въ балетѣ «Бллая Лилия» въ театрѣ Народнаго Дома Императора Николая II.

ные документы» к Моммсеновской истории собраны в 30 томах in folio и в них списаны, критически проверены и сведены больше 100.000 памятников самого разнообразного характера.

О своем труде в введении к пятому тому Моммсен выразился так: «Эта книга написана с самоотречением, и читать ее нужно также с самоотречением». Та «самоотреченность», на которую Моммсен сурово обрекал своего читателя, в русском издании князя А. К. Горчакова целиком выпала на долю его редактора, доктора истории Н. Д. Чечулина, с исключительным популяризаторским дарованием выполнившего свою трудную задачу. Четырехтомная махина Моммсена легко и свободно уложилась в компактный том, написанный в строгих традициях нашего истинного литературно-научного стиля. Истолкователь классика Лукяна в данном случае счастливо сочетался с переводчиком Гегелевских строф. Чутье серьезного исторического писателя, опытность редакторского, в первое десятилетие работающего пера, и понимание читательской психологии—в своем сотрудничестве дали нам как бы поваго Моммсена, очищенного от всех неизбежных для немецкого автора тяготей и приспособленного к запросам русского ума. Вот почему, читая увлекательный труд Н. Д. Чечулина, не чувствуешь горечи, столь в наше время понятной при одном упоминании немецкого имени.

Р. Н.

Объ издании пряничных досок.

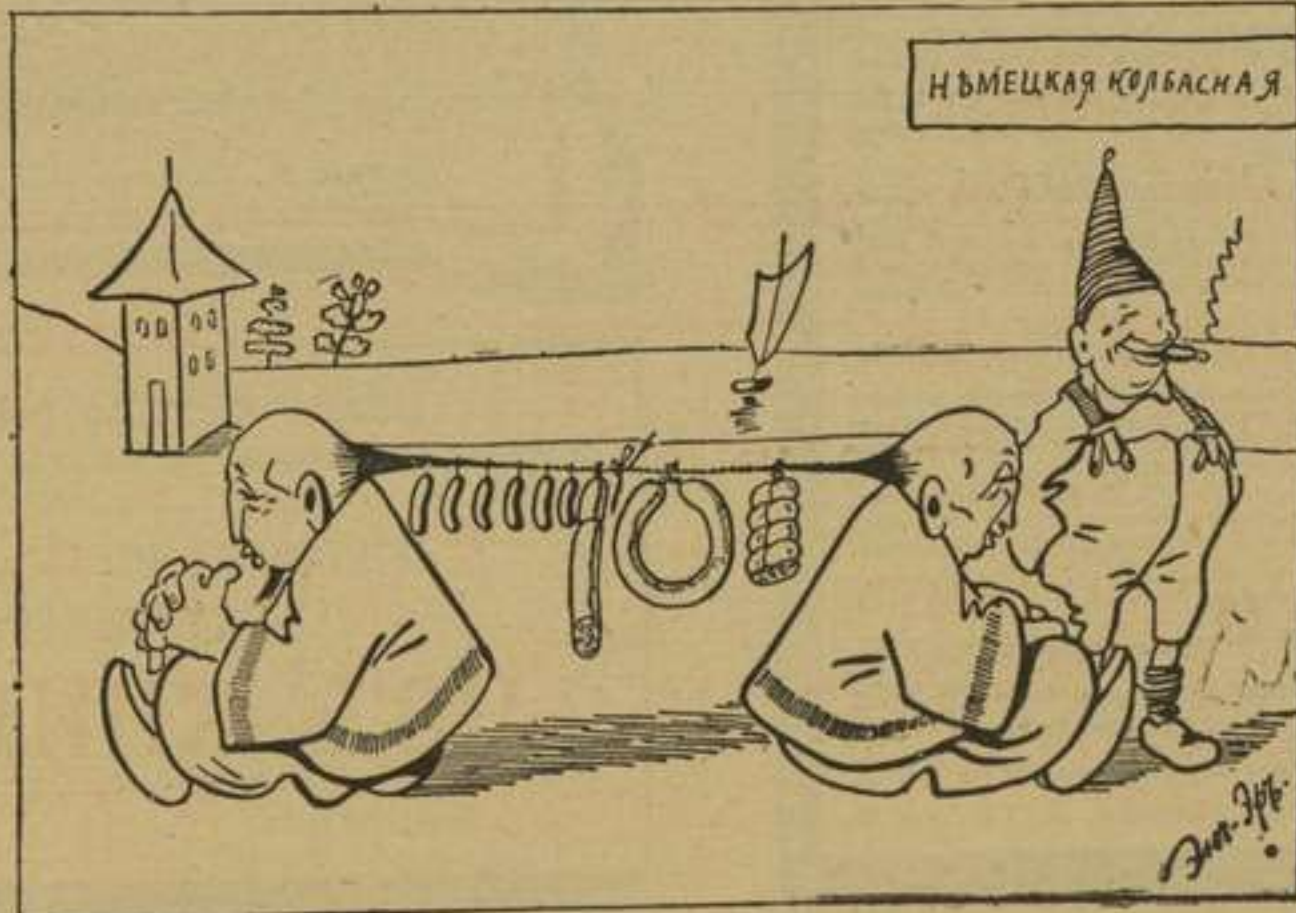
Как меняются времена и настроения! Какое-нибудь десятилетие тому назад наши исследователи родной старины занимались, главным образом, тем, чтобы найти, откуда у нас заимствовано то-то и то-то?.. Внутренняя самодовольная красота нашего прошлого для них была закрыта. Но вот первая плотина была основательно прорвана в области нашей церковной старины,—и повеселись, заиграли, заискрились свободная струя в могучем течении... Одна за другой стали раскрываться области, где русский художественный вкус, где русская душа проявила себя в пылительных и трогательно-прекрасных формах. В этом отношении дошла очередь и до пряничных, старинных пряничных разных досок, которые И. А. Рязановский любяще собрал в своей родни: в Костромь, Костромском уезде, в Ярославль,—и оттиски которых издал на свои скудные средства. Здесь прохлывают перед глазами многочисленные изображения причудливых павлинов, райских птиц, коньков, оленей, птухов, рыб, львов и пр., здесь отпечатаны пряничные доски узорные, с бытовым содержанием, с изображением букв и надписями. Все это украшено орнаментом разнообразных мотивов.

Исследование пряничных досок имеет ту особенную ценность, что в эту область, кажется, еще не забралась немецкая промышленность,—этот губительный самум для народного искусства, начальным примором чему служить хотя бы русская набойка.

Кромь пряничных досок, в эти альбомы Рязановского вошли оттиски с деревянных форм набойки и пр. К сожалению, альбомы напечатаны в крайне ограниченном числе экземпляров: первый в количестве 50, второй—70, а третий лишь—30. И. Рязановский предполагает всего издать 8—10 выпусков. Неужели наша Академия Художеств не может придти на помощь этому интересному замыслу И. Рязановского?

• Альбомы оттисков ярославских и костромских пряничных досок. Собрал и издал И. Рязановский. Четыре выпуска в трех альбомах. 1914—1915 гг. Кострома.

Редакторъ М. А. Суворинъ.
Издание Товарищества А. С. Суворина—
«Новое Время».

Что дѣлается въ Китаѣ.

БИБЛІА

полная на русском яз. съ параллельн. мѣст. и указател. печать Синодальной типографіи, иллюстрирована въ текстѣ 208 художественными картинами, размѣр. кн. 6x4 верш., 2 толщ. вѣс. 9 ф., 1550 стр., въ прочн. краш. тисн. золотомъ полукожан. перепл. съ колленкор. футл., ц 5 р. 50 к., съ перес. Евр. Рос. 6 р. 15 к., упак. 25 к. Первая и единственная въ Россіи полная иллюстрир. Библия. Эту великую книгу-книгу долженъ имѣть каждый. Адр.: Петроградъ, Невскій пр., 153-1, Е. П. МАСЛЕННИКОВУ. Тел. 90-36.

УРАЛЬСКІЕ Драгоценные Камни

А. Ю. ШИЛСДСКІЙ.
НЕВСКІЙ, 96 (уголъ Надеждинскій).
Изумруды, рубины, сапфиры, александриты, цирконы, топазы и пр. и пр.
Пріемъ и быстрое исполненіе заказовъ на всевозможн. ювелирныя надѣла.
Художественная работа. Цѣны вѣн конкуренціи.
Телефонъ 168-95.

ЗАСТАРѢЛЫЕ ЗАПОРЫ

ХРОНИЧЕСКІЕ ЗАПОРЫ
несвареніе желудка вызываютъ газы, тошноту, изжогу и давленіе подл. ложечкой. Надежное и постоянно одинаковое дѣйствіе оказываетъ Стомоксигенъ Д-ра Антона Мейера. Стомоксигенъ освобождаетъ желудокъ легко, нормально и пріятно. Онъ абсолютно безвреденъ и отлукъ изъ всѣхъ апт. по рещ.вр.

ШКОЛА РИСОВАНІЯ, ЖИВОПИСИ И ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА.

Миним. «неспособности» къ рисованію, о которой часто говорятъ, есть лишь предразсудокъ. Всѣмъ нормальнымъ людямъ надѣленъ естественными способностями, вполнѣ достаточными для того, чтобы при правильной системѣ преподаванія овладѣть техникой рисованія и живописи. Мы своимъ нагляднымъ «Искусствомъ для всѣхъ» даемъ вамъ желаніе и возможность «самоучно» научиться рисованію и живописи подл. руководствомъ лучшихъ педагоговъ для собственнаго удовольствія или для какихъ-либо практическихъ цѣлей.

«Искусство для всѣхъ» 1) даетъ читателямъ тѣ теоретическія познанія, которыя необходимы для пониманія художественныхъ произведеній; 2) даетъ людямъ, уже занимающимся рисованіемъ, тѣ познанія, которыя необходимы для того, чтобы сдѣлать рисунокъ грамотнымъ и художественно-правильнымъ; 3) даетъ своимъ читателямъ всѣ тѣбѣднѣйшія по технике, теории и исторіи искусства, безъ которыхъ невозможно пониманіе художественныхъ произведеній; 4) даетъ своимъ читателямъ такую подготовку и техническія вѣдѣнія въ области прикладнаго искусства, которыя открываютъ имъ возможность примѣнить свои познанія къ дѣлу, въ различныхъ и многочисленныхъ отрасляхъ художественной промышленности.

Изложеніе вполнѣ понятное и сопровождается множествомъ пояснительныхъ и образцовыхъ рисунковъ.
Для художниковъ и учителей рисованія «Искусство для всѣхъ» является необходимой библиографіей, къ которой они могутъ обращаться за всякаго рода справками и указаніями.

При редакціи учреждена художественная комиссія, которая исправляетъ безплатно работы и даетъ совѣты и справки, относящіяся къ области искусства. «Искусство для всѣхъ» издается подл. редакціей проф. Академіи Художествъ А. В. Максимова и В. Дима Леонова, при участіи И. Е. Рѣпина, проф. А. К. Кивлицы и преподав. педагогическихъ курсовъ при Академіи Художествъ. Изданіе состоитъ изъ 10 томовъ большого формата роскошно иллюстрир. красочными и черными рисунками. Цѣна каждаго тома съ перес. 2 р. 80 к. (за налог. плат. 25 к.).

Подробные проспекты высылаются безплатно.
Т-во «БЛАГО», Петроградъ, Николаевская ул., 44-15.

ДЛЯ ПОХОДА

небывало свѣтло, долго горящіе
ЭЛЕКТРО-ФОНАРИ
ТЕРМОСЪ, КОМПАСЫ и проч.
Петроградъ, МОРСКАЯ, 33.
СКЛАДЪ НОВЫХЪ ИЗОБРѢТЕНІЙ.

Въ книжныхъ маргинахъ Т-ва А. С. Суворина
«Новое Время»
ПРОДАЕТСЯ РОСКОШНОЕ ИЗДАНІЕ
ШЕКСПИРЪ
ВЕНЕЦІАНСКІЙ КУПЕЦЪ
СЪ РИСУНКАМИ
ДЖЕМСА Д. ЛИНТОНА
Цѣна 10 руб.

НОВАЯ КНИГА ДЛЯ ЛЕГКАГО ЧТЕНІЯ
М. Д. Ордынцевъ-Костричкѣй
ВОЛШЕБНЫЯ СКАЗКИ
НАШИХЪ ДНЕЙ
Повѣсти и рассказы изъ жизни Южно-Американскаго материка.
СОДЕРЖАНІЕ: «Сантъ-Власть», «Приворотное зелье», «Фаворда донни Мануэлы», «Гапаговъ изъ Кореттисы», «Плѣтъ Радфлени», «Синюшій Камень», «Per aspera ad astra».
Обложка и рисунки худ. С. Ф. ПЛОШИНСКАГО
Цѣна 2 рубля.
Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ и ж.-д. нискахъ.
Складъ изданій—книжные магазины
Т-ва А. С. СУВОРИНА—«НОВОЕ ВРЕМЯ».

УДОЛЬФСКІЯ ТАЙНЫ

Романъ въ 2-хъ томахъ Анны Радклиффъ.
Переводъ съ англійскаго Л. ГЕЙ. — Изданіе А. С. Суворина. — Цѣна 3 рубля.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1916 годъ. Изданія годъ 31-й.
Старѣйшій и самый распространен. изъ русской сельско-хозяйств. прессы
Подписной годъ считается съ 1 ноября 1915 г. по 1 ноября 1916 г.

СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ

ИЛЛЮСТ. ЖУРНАЛЪ ПРАКТИЧЕСКАГО СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА И ДОМОВОДСТВА.
Издатель В. В. СОЙНИНЪ. Редакторъ В. В. ШТЕЙНБЕРГЪ.
52 №№ ЖУРНАЛА, въ которыхъ будетъ помѣщено около 3.000 практическихъ статей и отрывковъ по всѣмъ отраслямъ хозяйства. Въ числѣ номеровъ журн. «Сельскій Хозяинъ» въ 1916 году будутъ даны:
2 НУМЕРА РУССКОЕ СЕЛ.-ХОЗ. СЪМЕНОВОДСТВО
2 НУМЕРА РУССКІЯ СЕЛ.-ХОЗ. МАШИНЫ И ОРУДІЯ
2 НУМЕРА ЛУЧШІЯ ПОРОДЫ СКОТА И ПТИЦЫ
2 НУМЕРА РЕМЕСЛА, НЕОБХОДИМ. ВЪ ХОЗЯЙСТВѢ

12 КНИГЪ ХУТОРСКОЕ ХОЗЯЙСТВО съ многочисл. иллюстрац. и черт.
Въ этихъ книгахъ будетъ помѣщено около 500 практич. статей по всѣмъ отраслямъ хозяйства.

12 КНИГЪ БИБЛИОТЕКА СЕЛЬСКАГО ХОЗЯИНА съ рисунками и черт.

- 1) Разведеніе и краи. кормов. корнеплодовъ. И. И. Витольна.
- 2) Гуси и утки, разведеніе ихъ, уходъ, выгоду и выхъ кормленія и откорма, лучшія породы. А. И. Осипова.
- 3) Разведеніе лисицъ и лисья фермы. В. К. Анфилова.
- 4) Хлѣбопекари и булочн. производств. В. Фона-Цур-Милена.
- 5) Какъ съ выгодой хозяйничать на мало-подород. земляхъ. Н. Ч. Васильева.
- 6) Торфъ, разработка его для топлива, удобренія и въ подстилку. К. И. Дебу.
- 7) Испытан. способы истребленія сорныхъ травъ на поляхъ. Д. В. Федорова.
- 8) Сушка картофеля въ небольшихъ хозяйствахъ. К. Иполитова.
- 9) Какъ помогать животн. при родахъ и ухаживать за беремен. животными. А. Л. Скоморохова.
- 10) Закладка новаго плодового сада. П. Н. Штейнберга.
- 11) Выдѣлка овчинъ для шубъ и полушубковъ. С. Кондратьева.
- 12) Ядовитыя раст. на поляхъ и лугахъ и уничтож. ихъ. М. Орлова.

5 ПОЛНЫХЪ ПРАКТИЧЕСКИХЪ РУКОВОДСТВЪ

1. КОРМОВ. ТРАВЫ ДЛЯ ЗАСУШЛИВ. МѢСТНОСТЕЙ, ихъ воздѣлыв. Д. В. Федорова.
2. ПРОМЫШЛЕН. ОГОРОДНИЧЕСТВО НА СѢВЕРѢ. Съ мног. рис. Сост. И. И. Качунова.
3. ДОХОДНАЯ ПАСЬКА. Жизнь пчелъ и уходъ за ними. Практ. иллюстр. рук. И. А. Голубева.
4. МОЛОТНИКИ. Рукон. къ выбору молотилки и уходу за ними. Съ мног. рис. К. И. Дебу.
5. ЛУГА И ПАСТБИЩА. Улучшеніе и уходъ за сѣнокосными угодьями; повышеніе доходности луговъ и пастбищъ. Старш. спец. при Департаментѣ Земледѣлія В. В. Зарычкова.

2 КАПИТАЛЬНЫХЪ СОЧИНЕНІЯ, НЕОБХОДИМ. СОВРЕМ. ХОЗЯИНУ.

1. Русскія лѣкарственные растенія. Въ 2 больш. томахъ: 1) Разведеніе и сборъ русск. лѣкарствен. растеній, 2) Сушка и храненіе ихъ; приготовленіе лѣкарственныхъ препаратовъ простѣйшими способами. Лѣчебн. экстракты, тинктуры, сиропы, воды и масла. Сост. М. В. Рытова.
2. Лошадь. Сел.-хоз. коневодств. Въ 2 больш. томахъ. Съ мног. иллюстр. Все, что необходимо знать сельскому хозяину о лошади съ момента рожденія ея и до старости. Магистр ветерин. наукъ П. Г. Алтухова.

КАЛЕНДАРЬ „СЕЛЬСКАГО ХОЗЯИНА“ на 1916 г.

БЕЗПЛАТНО ОТВѢТЫ специалистовъ по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на журн. «Сельскій Хозяинъ» со всѣми приложениями на годъ съ дост. в перес. по всей Россіи **7 РУБ.**
ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 4 руб. и къ 1 мая остальные 3 рубля.

Бонитора журнала: Петроградъ, Стремлянная, № 19, сов. д.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА въ 1916 г.
НА ЛУЧШІЙ ВЪ РОССІИ МОДНЫЙ И СЕМЕЙНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ВѢСТНИКЪ МОДЫ

(Петроградъ, Нт. ланская 16).
Переводъ французскаго журнала La Mode pratique.
Выходитъ въ 6-ти изданіяхъ и даетъ: 24 модныхъ №№ (около 8000 рис. въ голъ дамскаго и дѣтскаго туалетовъ и бѣлья); 24 №№ рукодѣлій (около 400 рис. съ узорами въ натуральную величину); 24 выкройки листа (около 500 выкроекъ въ голъ); 24 вырѣзныхъ выкройки; 6 ра-красненныхъ узоровъ и 2 преміи: 1 (устрой-тво квартиры. Сов. Генералъ) и 2) Альбомъ мерзельки. Кромѣ того II-ое изданіе получаетъ 24 вырѣзныхъ выкройки; III-ье — 12 раскрашенныхъ модныхъ картинъ; IV-ое — 48 раскрашенныхъ карт. и V-ое — 66 ра-кр. карт.
Въ програм-му журнала входятъ: романы, биографіи съ портретами, статьи по женскому вопросу и воспитанію дѣтей; кухни, домоводство, гигиена и косметика и др. подл. редакціей спеціалистовъ.
Цѣна въ голъ: I над. 6 р., II — 7 р., III — 9 р., IV — 14 р., V — 28 р.
Есть подписка на 1/2 г., 1/4 г. и съ разсрочкой.
Здѣсь-же принимается подписка на журналъ «ДѢТСКІЯ ПЛАТЬЯ И БѢЛЬЕ» 12 номеровъ въ голъ съ 12 вырѣзными выкройками и 12 выкроенными листами. Цѣна въ голъ 2 р. 60 к. и журналъ «БѢЛЬЕ И ВЫШИВКИ» дающій кромѣ бѣлья всѣхъ родовъ рукодѣлія, всѣ съ узорами въ натуральную величину. 6 №№ въ голъ. Цѣна 1 р. 75 к.

З. ЛИПИНЕРЪ
ОСВОБОЖДЕННЫЙ ПРОМЕТЕЙ
ПОЭМА.
ПЕРЕВОДЪ Н. ХОЛОДКОВСКАГО.
Изданіе А. С. Суворина. Цѣна 1 р. 25 к.

Въ книжныхъ маргинахъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время»
Петроградъ, Невскій 40, Москва, Харьковъ, Одесса, Ростовъ (и/Д.) и Саратовъ
ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА
ИЗАБЕЛЛЫ ГРИНЕВСКОЙ
ИЗЪ КНИГИ ЖИЗНИ
Разсказы Цѣна 1 руб

Цѣна 20 коп.

